

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

АЛЬФОНСО Х:

ПОЛИТИКА

И ПРАВО

ЧАСТЬ I

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ [159]

ИЮНЬ 2015

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

АЛЬФОНСО Х: ПОЛИТИКА И ПРАВО
ЧАСТЬ I

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ [159]

Под общей редакцией А.В. Мареля

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Ф.Г. Тараторкин	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефко	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Д.Р. Жагдиев	кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.В. Марей	кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано к печати 27.05.2015 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 20,3.

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2015

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в типографии Дайбор Про

Адрес: РФ, Москва, ул. Ереванская, д. 13, к. 2

Электронная почта: dibor@dibor.ru. Тел. +7 (499) 130-71-01

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляя на суд читателя два очередных номера «Исторического вестника», мы значительно расширяем географию научных интересов журнала. И связано это не только с презентацией «испанской темы» как таковой. В значительной степени исследования и документы опубликованные в двух томах говорят о схожести процессов государственного строительства в Европе, включая, естественно, и Россию.

По сути, мировая научная мысль никогда не разделялась на национальные кластеры. Знания не ведают санкций, а исследовательский мир вне зависимости от текущей конъюнктуры неизменно обращает внимание на вопросы имеющие общенаучную ценность. К их числу относится и проблема формирования основ европейского права. И для нас, в канун 2016 — года тысячелетия российского законодательства, интерес этот более чем не праздный. Данный и следующий тома — результат изысканий уникального международного коллектива и одновременно текущий итог развития отечественной школы испанистики. Впервые за долгие годы, под одной обложкой публикуются исследования, посвященные Альфонсо X и его времени.

Работы как отечественных, так и зарубежных коллег сгруппировались вокруг нескольких основных объектов исследования. Прежде всего это статьи О.В. Аурова, Г.А. Поповой и А.В. Русанова, объединенные проблемой изучения университетского образования в Европе XIII в. и университетского законодательства Альфонсо X и его рецепции в сопредельных королевствах. Второй блок представлен статьей И.И. Варьяш и трудами двух зарубежных историков: аргентинского ученого Д. Панатери и севильской исследо-

вательницы М. Клейне. Они посвятили свои тексты изучению образов власти в творчестве Альфонсо X. Третий блок, собранный из статей профессора Комплутенского университета Мадрида Х. Санчеса-Арсильи Бернала и доцента университета Севильи Х. Вальехо, носит сугубо правовой характер и рассматривает проблемы теории права и закона в законодательстве Мудрого короля. Наконец, статьи А.В. Маррея, Е.С. Марей и М.К. Карауловой посвящены образам прошлого в наследии Альфонсо X и их роли в формировании идеологии его правления а также отображению самого Мудрого короля в историографии XIII — начала XIV в.

Нельзя обойти вниманием и две рецензии, включенные в состав тринадцатого номера. Понимая малую изученность личности и эпохи Альфонсо X в отечественной литературе, мы приняли решение отойти от стандартной практики рецензирования новейших изданий в пользу исследований, уже ставших классическими. Рецензия И.В. Ершовой вводит в отечественный научный оборот одну из основных работ, посвященную культуре эпохи Альфонсо X. Обзор, представленный Н.К. Спиченко, знакомит читателя с одним из основных исследований по истории испанской адвокатуры.

Представление этого проекта было бы неполным без упоминания Л.В. Черниной, которая перевела статьи иностранных авторов на русский язык, что позволило приблизить исследования наших зарубежных коллег к отечественному читателю.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

СОДЕРЖАНИЕ

УНИВЕРСИТЕТЫ И КОРОЛИ

А.В. Марей. Вместо предисловия.....	6
О.В. Ауров. Из Болоньи в Кастилию: люди, книги, образ жизни. (Заметки по истории университетов в Кастилии и Леоне в XIII—XIV вв.)	12
Г.А. Попова. Об истории одного предприятия короля Альфонсо X Мудрого: Estudios e Escuelas generales de latin e de arabigo.....	80
А.В. Русанов. Юридическое наследие короля Альфонсо X Мудрого и корпоративное право Португальского университета в конце XIII — XIV в.	102
И.И. Варьяш. Власть короля и королевское право в «Семи Партидах» Альфонсо Мудрого.....	122
М. Клейне. Образы королевской власти в творчестве Альфонсо X: Rex iustus.....	150
Д. Панатери. Ритуал в «Семи Партидах» короля Альфонсо X Мудрого.....	200

А.В. Марей

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Исторические сравнения — дело опасное и неблагодарное, но, если соотнести кастильского монарха с русскими правителями, то наиболее близкой аналогией оказываются сразу два царя, приходившихся друг другу дедом и внуком, соответственно: Иван III и Иван IV. Именно при этих самодержцах были инициированы реформы, в том числе, и в области законодательства, имеющие серьезное сходство с преобразованиями, проведенными Альфонсо X. Возможно, именно такое отдаление, в том числе, и в географическом плане, позволяет лучше показать не разницу в темпах развития между Россией и Европой — процессы, шедшие в Кастилии до Альфонсо X примерно соответствовали эпохе становления Московского княжества в начале XIV века, — но анахроничную, во-многом, вневременную природу феномена Альфонсо Мудрого, короля, опередившего свое время, умершего непонятым современниками и затем прославленного отдаленными потомками как строитель нового государства.

Сын короля Кастилии и Леона Фернандо III Святого и принцессы Беатрисы Швабской, Альфонсо X был современником и родственником Фридриха II Штауфена, Людовика IX Святого, Эдуарда I Плантагенета. По своему статусу он был равен всем перечисленным монархам, а по политическому значению и авторитету превосходил их. К его слову прислушивались не толь-

ко христианские монархи Европы, но и мусульманские правители северной Африки. Приняв из рук своего отца обширное королевство, он еще более расширил его, присоединив к Кастилии бывшие тайфы Мурсии, Ньеблы и Хереса и оставив мусульманам лишь Гранаду и вассальные по отношению к ней территории Тарифы и Альхесираса. Династическими браками своих братьев, сыновей и дочерей он связал свое королевство с большей частью европейских дворов, от Португалии до Норвегии¹. Встав перед необходимостью идеологического обоснования своей монархии, он инициировал и, во-многом, реализовал ряд историографических и юридических проектов, не имевших аналогов в современной ему Европе. Параллельно с этим он участвовал в составлении трактатов о свойствах камней, азартных играх и расположении звезд, составлял астрономические таблицы и даже писал гимны духовного содержания — знаменитые «Кантиги Святой Деве Марии».

В историю он вошел под прозвищем «Мудрого», если о нем писали его друзья, или «Астролога» — если враги. Трудami хронистов XIV—XV веков² в средневековой историографии был создан, во-многом, негативный образ Альфонсо X, наиболее коротко и афористично обрисованный арагонским автором XV века Херонимо Суритой, сказавшим о короле, что он «больше знал о небе, порядке и движении планет, нежели об управлении своим домом»³. Этот негативизм был преодолен — со значительным трудом — лишь к XX веку, когда об Альфонсо Мудром начали писать как об одном из провозвестников и, в какой-то мере, основателей испанского государства Нового времени⁴. Своей законодательной и политической деятельностью этот монарх оставил далеко позади всех своих современников, серьезно опередив время. Достаточно сказать, что «Семь Партид», ставшие венцом законодательства Альфонсо Мудрого, оказались в полной мере востребованы лишь два с половиной века спустя, в эпоху Католических королей.

¹ В «Истории в диалогах до 1288 года» сохранился рассказ о замысле кастильского короля выдать свою дочь замуж за великого хана монголов, просившего ее руки. Скорее всего, этот эпизод носит вымышленный характер, однако прекрасно иллюстрирует ощущения современников от матримониальной политики Альфонсо Мудрого.

² Об истоках формирования этого имиджа мной написана статья, опубликованная в этом номере журнала.

³ Zurita, III.75

⁴ См. например: *Maravall, J.A. Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // Id. Estudios de historia del pensamiento español. Vol.1. Madrid, 1999. P. 89–137.*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

AHDE — Anuario de Historia del Derecho Español.

Anales — González Jiménez M. Unos anales del reinado de Alfonso X // BRAH. 192 (1995). P. 461–491.

Anales JM — Chronicon del Excelentísimo señor D. Juan Manuel, hijo del infante D. Manuel // España Sagrada. Vol.2/ por E. Florez. Madrid, 1754. P. 213–222.

BCT — Biblioteca capitular. Toledo.

Bio. — *Fita F.* Biografías de San Fernando y de Alfonso el Sabio por Gil de Zamora // BRAH. 5. 1884. P. 308–328.

BN — Biblioteca Nacional (Madrid).

BRAH — Boletín de la Real Academia de Historia

Bull. Salam. — Beltran de Heredia V. Bulario de la Universidad de Salamanca (1219–1549). Vol. 1. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966 (Acta Salmanticensia, 12).

Card.I / Card.II — Chronicon de Cardeña I y II// España Sagrada. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 370–380.

CAX — Crónica de Alfonso X según el ms.II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) / Edición, transcripción y notas por Manuel González Jiménez. Índice por Mª A. Carmona Ruiz. Murcia, 1998.

CIC — Corpus Iuris Civilis.

CIC (Gothofredus) — Corpus Juris Civilis Romani... cum notis integris Dionysii Gothofredi... T. 1–5. Neapoli, 1828–1830.

CIC (Mommsen) — Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones. Digesta; Vol. 2: Codex Iustinianus; Vol. 3: Novellae /Ed. T. Mommsen et al. Berolini, 1872–1895.

CODOIN — Colección de documentos inéditos para Historia de España.

Conc. de Toledo IV — [Concilio de Toledo]. Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por J. Vives, G. Martínez Díez. Barcelona — Madrid, 1963.

Conc. Lateran.III (a. 1179) — Concilii Lateranensis Generalis, sub Alexandro papa III. Decreta //Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio... /Evulg. J.D. Mansi... Editio Novissima... Vol. 22. Venetiis: Apud Antonium Zatta, 1778. Col. 211–468.

Conc. Lateran.IV (a. 1215) — Constitutiones Concilii quarti Lateranensis una cum Comentariorum glossatorum / Ed. A. García y García. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1981 (Monumenta iuris canonici. Series A: Corpus Glossatorum. Vol. 2).

Cont. Hispana — Continuatio Hispana // MGH: AA. T. 11: Chronica Minora. Vol. 2. Berolini, 1894. P. 323–369.

Chart. Bonon. — Chartularium Studii Bononiensis. Documenti per la Storia della Università di Bologna dalle origini al secolo XV. Vol. 1. Bologna, 1909.

CLC — Córtes de los Antiguos Reinos de León y Castilla.

DHUniv.Barc. — Documentos para la historia de la Universidad de Barcelona. I: Preliminares (1289–1451) / Por Jorge Rubió Balaguer. Barcelona: Universidad de Barcelona. Facultad de Filosofía y Letras, 1971.

Escor. — Real Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial.

FLaz.Gald. — Fundación Lázaro Galdiano. Biblioteca (Madrid).

Fred. Chron. — *Fredegarius*. Fredegarii scholastici chronicum cum suis continuatoribus, sive appendix ad sancti Gregorii episcopi Turonensis historiam Francorum // MGH.: SRM. T. 2. Hannoverae, 1888. P. 18–193.

HID — Historia. Instituciones. Documentos.

Inst. Disc. — Sánchez Prieto A.B. Las *Institutionum Disciplinae*: programa educativo para un noble godo // Ideales de formación en la historia de la educación / Coord. por J. Vergara Ciordia, F. Sánchez Barea, B. Comella Gutiérrez. Madrid, 2011. P. 102–104.

Isidori Etym. — *Isidorus Hispalensis*. Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. by W. M. Lindsay. Oxford, 1911. 2 vol.

Isidori Historia... — Rodríguez Alonso C. Las Historias de los Godos, vándalos y suevos de Isidoro de Sevilla: estudio, edición crítica y traducción. León, 1975.

La Fuente. Apénd. — Apéndice // La Fuente y Condón V. Historia de las universidades, colegios y demás establecimientos de enseñanza en España. T. 1. Madrid, 1884. P. 289–298.

LF — Consuetudines feudorum. Textus compilationis antiquae et recensione Vulgate // Consuetudines feudorum / Ed. K. Lehmann. Editio altera curavit K.A. Eckhart. Aalen: Scientia Verlag, 1971 (Biblioteca rerum historiarum, I).

Luc.Tud. — Lucae Tudensis Chronicon mundi / ed. E. Falque. Turnhout: Brepols, 2003.

Luc.Tud.Rom. — Crónica de España por Lucas, obispo de Túy. Primera edición del texto romanceado conforme a un códice de la Academia preparada y prolongada / por J. Puyol. Madrid, 1926.

MHE — Memorial Histórico Español.

Part. — Las Siete Partidas del muy noble Rey Don Alfonso el Sabio, glosadas por el lic. Gregorio Lopez, del Consejo Real de Indias de S.M. T. 1. Madrid: Compañía General de Impresores y libreros del Reyno, 1843.

PCG — Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Publ. por R. Menéndez Pidal. Madrid, 1955.

Rod.Tol. — Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / ed. J.Fernández Valverde. Turnhout: Brepols, 1987.

Sigiberti Gemblacensis Chronica — Chronica Sigeberti Gemblacensis // MGH: SS. T. 4. Hannover. 1844. P. 300–374.

Thucyd. — Thucydides. Historiae in two volumes. Oxford: Oxford University Press, 1942.

Tol.II / Tol.III — Anales Toledanos II y III // España Sagrada. Vol.23/ por E. Florez. Madrid, 1767. P. 401–423.

О.В. Ауров

ИЗ БОЛОНЬИ В КАСТИЛИЮ: ЛЮДИ, КНИГИ, ОБРАЗ ЖИЗНИ

Заметки по истории университетов в Кастилии и Леоне
в XIII—XIV вв.¹

Вступительные замечания

Как известно, истоками своей современной правовой системы Европа обязана возрождению ученого права, ставшему ключевым элементом процесса рецепции *ius commune*, общего права нового типа, теоретическую основу которого составили вновь открытое римское право (в его Юстиниановой версии), с одной стороны, и реформированное каноническое право «Декрета Грациана» и собрания папских декреталей — с другой². Колоссальный интеллектуальный подвиг, связанный с откры-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

² См., напр., об этом: *Calasso F.* Introduzione al diritto commune. Milano, 1951; *Idem.* Medioevo del Diritto. I. Le fonti. Milano, 1954; *Kuttner S.* The Revival of Jurisprudence // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century. Oxford, 1982. P. 299–323; *Wieaker F.* A History of Private Law in Europe. Amsterdam, New York, Oxford, 1996; *Lange H., Kriechbaum M.* Römisches Recht im Mittelalter. Bd. 1: Die Glossatoren. München, 1997; Bd. 2: Die Kommentatoren. München, 2007; *Bellomo M.* La Europa del Derecho común. Roma, 1999; *Pennington K.* Leaned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // Rivista internazionale di diritto comune. 1994. N. 5. P. 197–209; The Creation of the IUS COMMUNE. From Casus to Regula / Ed. By J.W. Cairns, P.J. du Plessis. Edinburgh, 2010; *Муромцев С.А.* Рецепция римского права на Западе. М., 1886; *Моддер-*

тием и освоением, комментированием, практическим применением и внедрением в сферу действующего законодательства важнейших достижений римской правовой мысли, которая, по существу, обрела свое второе рождение в эпохи Высокого и Позднего Средневековья, был бы невозможен без участия университетских юристов — глоссаторов и их преемников-комментаторов. Сначала в Северной Италии (прежде всего — в Болонье), а затем и в других центрах изучения и преподавания нового права, которые во множестве возникали на протяжении XII–XV вв., профессора университетов шаг за шагом создали принципиально новую правовую систему — *ratio scripta*, «писанный разум», как они восторженно ее именовали.

При этом чем дальше, тем в большей степени процесс становления и развития ученого университетского права, начатый болонскими глоссаторами на рубеже XI–XII вв., обогащался влиянием местных правовых традиций, обретал все более выраженную локальную специфику, без учета которой невозможно понять не только суть процесса рецепции *ius commune* как целостного явления, но и содержание, оригинальные черты самой болонской традиции. Особенности процесса восприятия и усвоения этой традиции на местах давно уже превратились в один из ключевых объектов исследований по истории римского права в Средние века³. Ниже речь пойдет об одном из аспектов этой важной проблемы — становлении традиции болонского ученого права в одном из средневековых государств Пиренейского полуострова — Кастильско-Леонском королевстве, сложившемся в XI–XIII вв. в процессе христианской Реконкисты.

Начало активной рецепции *ius commune* в Кастилии и Леоне (на что уже давно обращается внимание в научной литературе⁴) пришлось на период их наивысшего политического и военного могущества в правление

ман В. Рецепция римского права. СПб., 1888; Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910; Марей А.В. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96–102; Полдников Д.Ю. Договорные теории классического *ius commune* (XIII–XVI вв.). М., 2011 и др.

³ См., напр., об этом: Мартинес Мартинес Ф. Когда Европа была единой. Общее право, стиль итальянский, стиль французский и кастильское приложение // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 2005. № 2 (16). С. 143–162.

⁴ См., напр.: Larraona A., Tabera A. El Derecho justiniano en España // Atti del Congresso Internazionale di Diritto Romano (Bologna e Roma, XVII–XXVII Aprile MCMXXXIII). Bologna. Vol. 2. Pavia, 1935. P. 83–182; García y García A. Derecho común en España: los juristas y sus obras. Murcia, 1991; García y García A. El derecho común en Castilla durante el siglo XIII // Glossae. 1993–1994. N. 5–6. P. 45–74; Pérez Martín A. El Derecho procesal del «Ius commune» en España. Murcia, 1999.

королей Фернандо III Святого (1217–1252), окончательно объединившего две исторические области в границах единого государства⁵, и продолжателя его дела Альфонсо X Мудрого (1252–1284), давшего начало кастильскому «ренессансу XIII века»⁶. На несколько десятилетий Кастилия и Леон из провинции Латинского Запада превратились в один из ключевых центров политической и культурной жизни. И не в последнюю очередь это было связано с началом становления традиции ученого права и университетского преподавания.

При всей очевидной важности этого процесса, его исследование сопряжено со значительными трудностями, связанными с недостатком и спецификой источников проблемы, на что, в частности, уже в 1960-х гг. обращал внимание испанский медиевист В. Бельтран де Эредиа. По его наблюдениям, применительно к периоду до второй половины XV — начала XVI в. документальные свидетельства по истории испанских университетов почти отсутствуют даже в архиве старейшего университета — Саламанкского, начало истории которого принято относить к первым десятилетиям XIII в. Историк отмечает, что число папских булл, касающихся этого учреждения, датируемых периодом до 1500 г., не превышает 12; почти столь же незначительно и количество датируемых тем же периодом привилегий; сохранившиеся регистры университетских документов содержат информацию об актах, составленных начиная с 1464 г., причем далее следуют две большие лакуны (для 1480–1503 и 1513–1526 гг.). Что же касается других испанских собраний средневековых материалов, то там хранятся лишь отдельные документы по интересующей нас проблеме, и они не позволяют составить общей картины (причем последние также относятся к периоду около 1500 г. и позднее).

На этом фоне особое значение приобретают коллекции документов из папских собраний. И действительно, они относительно богаты: В. Бельтран де Эредиа сообщает о хранящихся в Ватиканском архиве регистрах папских булл, в числе которых следует выделить, прежде всего, регистр «Ходатайства» (*Súplica*). К этому регистру восходят все остальные — Ватиканский, Авиньонский, Латеранский, «Писем» (*Breves*), содержащие сведения о документах по истории университетов. Кроме того, ограниченная инфор-

⁵ См., напр.: González Jiménez M. Fernando III el Santo. El rey que marcó el destino de España. Sevilla, 2006.

⁶ См., напр., об этом: Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance / Ed. by R. Burns. Philadelphia (Penn.), 1990; Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona, 2001; González Jiménez M. Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004.

Фернандо III Святой. Средневековая миниатюра

мация содержится в некоторых других фондах архива, прежде всего — в регистрах Апостольской Палаты (*Introitus et Exitus*, *Solutiones et Obligationes*, *Collectoriae*, *Diversa cameralia*) и др. Однако и здесь период XIII — середины XIV в. почти не представлен: большая часть выявленных свидетельств относится к периоду после 1400 г.

К тому же содержание папских булл, отраженное в регистре, не отличается особым разнообразием. Оно включает информацию, главным образом, о материальном обеспечении профессоров и студентов, и лишь затем (и в гораздо меньшей степени) — о тематике учебных курсов, порядке получения ученых званий и должностей, судебных тяжбах, в которых были вовлечены профессора и студенты, и т.п.⁷ Таким образом, «за бортом» папской университетской документации оказывается весьма существенный круг сюжетов, причем даже тех, присутствия которых, казалось бы, следовало ожидать. В их числе — важные детали, касающиеся персонального состава профессорского и студенческого корпуса, особенно — светской его части (90% папской документации касается лиц из среды духовенства — секулярного и регулярного клира), организации процесса преподавания, внутренних писаных и неписаных законов и норм, определявших течение университетской жизни, и др.

Желание разобраться в этих вопросах, прежде всего, заставляет уточнить постановку проблемы. Не имея возможности рассматривать исто-

⁷ Beltran de Heredia V. Bulario de la Universidad de Salamanca (1219–1549). Vol. 1. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966. P. 13–19.

рию ранних университетов Кастилии и Леона исключительно (или главным образом) по материалам их собственных архивов, мы вынуждены отталкиваться от общих моделей. Прежде всего — от той, которая сложилась в болонской *alma mater studiorum* во всех возможных смыслах этого слова. Начавшись в Болонье, процесс формирования университетов в дальнейшем переступил за Альпы и двинулся далее — в том числе в юго-западном направлении — к Монпелье, и далее — южнее Пиренеев. Именно поэтому ниже я буду говорить главным образом о судьбах болонской модели университетской организации, включив в круг источников свидетельства болонского происхождения, как документальные, так и изобразительные.

Помимо документов *stricto sensu*, значительную информацию содержат источники иных видов. В первую очередь я имею в виду тексты правовые, главным образом — специально посвященный университетам титул Part.II.31 в составе «Семи Партид» Альфонсо X, отражающий представления кастильского законодателя XIII — первой половины XIV в. об идеальном учебном заведении университетского типа, на значение которого для формирования испанского законодательства о высшем образовании еще в конце XIX в. указывал В. де Ла Фуэнте⁸. Явно недостаточно изученными остаются также материалы, имеющие прямое отношение к сфере университетского преподавания, часть из которых, несомненно, имеет болонское происхождение, прежде всего — рукописные версии Корпуса Юстиниана в его средневековой редакции⁹.

Априори ясно, что подобное расширение круга источников хотя и позволяет существенно детализировать наши представления о раннем периоде истории кастильских и леонских университетов, но также неспособно дать полную информацию о предмете исследования. По меньшей мере, однако, следуя намеченным выше путем, можно уточнить постановку проблемы и наметить пути дальнейших поисков, в первую очередь — архивных.

⁸ *La Fuente y Condón V. Historia de las universidades, colegios y demas establecimientos de enseñanza en España. T. 1. Madrid, 1884. P. 107–112.*

⁹ Единственная известная мне публикация на эту тему — издание трех паленсийских *lecturae: De appellatione* (не позднее 1187 г.), *De recusatione iudicis* (не позднее 1181 г.) и *De testibus* (не позднее 1181 г.), принадлежащих перу болонского глоссатора Уголино де Сессо (ум. после 1233 г.), оригинал которых находится в Библиотеке Каталонии (ms.55). См.: *Martínez Díez G. Tres lecciones del siglo XII del Estudio General de Palencia // AHDE. 1990. T. 60. P. 391–449.*

1. Люди: из Кастилии в Болонью, из Болоньи в Кастилию

1.1. Студенты из Кастилии и Леона в Болонье: *от natio Hispana к Испанскому коллегия*

История учреждений начинается с людей, и университет не является исключением из этого общего правила. В данном случае можно уверенно сказать, что первые связи Кастилии и Леона с далекой Болоньей проложили кастильские и леонские студенты, обучавшиеся в Болонском университете. Эти связи не прекратились и позднее, ближе к середине XIV в., когда они

Болонский университет. Гравюра П. Памфили. Конец XVIII в.

получили отражение в папских документах. Несмотря на то, что к этому времени университеты существовали уже и на испанской земле — как в Кастилии и Леоне, так и в Арагон-Каталонии, для кастильцев и леонцев образование в Болонье сохраняло свою привлекательность. Во всяком случае, это хорошо видно в случае клириков, о которых только и позволяют судить регистры папской канцелярии.

Некоторые из них, начав высшее образование на родине, в дальнейшем продолжали его в Болонье, а иногда и в других университетах Италии. В частности, именно так в 1340-е гг. поступил некий Хуан де Ривадавия, диакон из Туйской епархии, учившийся грамматике и логике в Саламанке, а затем — каноническому праву в Перудже и Болонье¹⁰.

¹⁰ Bull. Salam. P. 357, doc. no. 53 (a. 1344, Avignon): Qui a longis retroactis temporibus tam in grammaticali et logicali facultatibus in Salamantin., quam etiam et in jure canon. in Perusin. et Bononien. studiis pro adipiscenda scientia multipliciter insudavit.

Возможны были и иные варианты карьеры, также завершавшиеся в *alma mater studiorum*. Так, некий магистр Фернандо начал свое образование в Париже (где достиг уровня лиценциата искусств), а продолжил в Болонье, где стал врачом; все это позволило ему получить должность каноника и пребенду в Сеговийской епархии¹¹. В дальнейшем особо успешные кастильские и леонские студенты могли даже достичь статуса профессора Болонского университета, как это видно в случае лиценциата канонического права Хуана Санчеса, в последней четверти XIV в. получившего каноникат и пребенду в Толедо¹².

Однако большинство документов, в которых фигурируют кастильские и леонские клирики, ставшие студентами в болонской *alma mater*, не упоминают о их предшествующем образовании. Эти лица (как правило, через посредство влиятельных покровителей, наличие которых можно предполагать даже в тех случаях, когда их имена не упоминаются) либо перед началом учебы, либо уже будучи болонскими студентами, просят предоставить им церковные должности (как правило — каноникаты), пребенды, престимонии и другие права на извлечение части доходов, причитающихся соответствующим церковным учреждениям, что обеспечило бы им материальные возможности для жизни и учебы в Болонье. В качестве специализации такие лица, как правило (хотя и не всегда), предсказуемо выбирали для себя цивильное или каноническое право. Типичный пример такого рода — некий Фернандо Санчес, родственник кардинала Педро Гомеса, которому влиятельный родственник в 1343 г. сумел выхлопотать должность каноника Толедского собора и соответствующую пребенду, что позволило молодому человеку не только учиться в Болонье, но и претендовать там на получение докторской степени¹³.

Впрочем, далеко не все влиятельные кастильские клирики стремились пристроить своих протеже в Болонье. Саламанка уже в середине XIV в. считалась совсем неплохим местом учебы: не случайно там учился некий Ордоньо Родригес де Вильякирана, родственник основателя болонского Коллегия Святого Климента, толедского архиепископа Хуля Альвареса де

¹¹ Bull. Salam. P. 391, doc. no. 93 (a. 1357, Avignon): Orator vester magister Fernandus de Salamanca, licentiatus Parisiis in artibus et Bononiae in medicina. Подобный же пример см.: Ibid. P. 525, doc. no. 264 (a. 1394, Avignon).

¹² Bull. Salam. P. 423–424, doc. no. 148 (a. 1375): Per diversa tempora in decretis in studio Bononien. legisti.

¹³ Bull. Salam.: P. 347–348, doc. no. 40 (a. 1343, Avignon); Ibid. P. 353–354, doc. no. 48 (a. 1343, Avignon): Possis usque ad quadriennium jura civilia audite et legere ac in eis honorem recipere doctoratus.

Альборнос-и-Луна (ок. 1310–1367), примаса Испаний, а позднее — сабинского (Римская область) епископа-кардинала и папского легата в Италии (1353–1357 и 1362–1367 гг.). Как следует из документа, отраженного в папском регистре «Ходатайств», Ордоньо Родригес отличался буйным нравом и в схватке с одним из своих товарищей отсек ему мечом два пальца на левой руке, за что был лишен своих церковных бенефициев. Впрочем, с течением времени могущественный покровитель сумел добиться восстановления своего родственника в правах¹⁴.

Приведенные примеры в полной мере характеризуют общую тенденцию, которую на значительном документальном материале показал видный современный испанский историк права А. Перес Мартин. По его данным, применительно к периоду XII — середины XIV в. в Болонье обучалось или преподавало не менее 22 юристов (как канонистов, так и цивилистов) испанского происхождения¹⁵; кроме того, по меньшей мере два испанца в тот же период изучали там же неюридические дисциплины — богословие и логику¹⁶.

Начиная со второй половины XIV столетия история испанского (в том числе — кастильского и леонского) присутствия в Болонье связана с основанием в 1364 г. Испанского коллегия при Болонском университете, инициатором которого стал уже упоминавшийся кардинал Хиль де Альборнос. История этого выдающегося образовательного и научного центра выходит за рамки настоящего исследования, тем более что посвященная ему литература весьма значительна¹⁷. Мне важен уже сам факт существования этого учреждения, ставшего испанским форпостом в Болонье начиная с момента своего основания. Не затрагивая материалов из архи-

¹⁴ Bull. Salam. P. 349–350, doc. no. 42 (a. 1343, Avignon): Olim existens in studio Salamtin. et quidam socius ejus Johannes nomine, operante humani generis inimico, deventerunt ad rixam, et evaginatiss gladiis hic et inde, dictus Ordonius dictum J. invasit, in qua invasione dictus J. duos manus sinistrae, videlicet medium et medicum, et nichilominus quidam alius Petrus nomine qui dicto O. In dicta rixa juvabat, auricularem occasionaliter digitos amiserunt.

¹⁵ Pérez Martín A. Españoles en el Alma Mater Studiorum. Profesores hispanos Bolonía (de fines del s.XII a 1787). Murcia, Salamanca, 1998. P. 29–39.

¹⁶ Ibid. P. 91.

¹⁷ Общую библиографию работ А. Переса Мартина, посвященных истории Коллегия Святого Климента см.: Pérez Martín A. Españoles en el Alma Mater Studiorum... P. 7. См. также: García Valdecasas J.G., Vanderwilde A. Italia en España, Bolonia en don Gil // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artisticas y culturales / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 9–16; Serra Desfilis A. El Colegio de España en Bolonia y la arquitectura universitaria del primer Renacimiento en Italia y España // Ibid. P. 17–30; Medica M. Il cardinale Albornoz e l'arte bolonese del Trecento // Ibid. P. 49–64.

вов самого Коллегия¹⁸, ограничусь лишь одним документом — списком (*rotulus*) членов Коллегия Святого Климента (студентов, бакалавров, магистров), датированным 1388 г. и зафиксированным в папском регистре «Ходатайства». Он включает 27 имен (напомню, что в папских регистрах фигурируют почти исключительно духовные лица), в числе которых — каноники из Севильи, Куэнки, Паленсии, Осмы, Бургоса, Сегорбе, Овьедо, Толедо, Кордовы, Хаэна, Калаорры, а также из Арагона (Майорка) и Португалии (Лиссабон, Сантарен). Специализация указана далеко не всегда, однако показательно и то, что есть: «искусства» (*artes*), богословие, каноническое и цивильное право¹⁹.

И этот список — далеко не единственный документ такого рода²⁰, позволяющий представить, сколь основательно и серьезно испанская колония обустроилась в Болонье во второй половине XIV в. Тонкий ручеек выходцев из-за Пиренеев, устремившихся за знаниями в *alma mater studiorum* начиная с конца XII в., к концу периода превратился в полноводную реку. При этом, сколь бы многочисленным и влиятельным ни становилось испанское землячество (*natio Hispana*) непосредственно в Болонье, оно сохраняло тесные связи с родной землей: не случайно и в конце XIV в. ректор Коллегия продолжал числиться в ряду кастильских клириков в качестве каноника Бургосской епархии с соответствующими пребендами, престимониями и иными правами²¹.

1.2. Из Болоньи в Кастилию: болонские легисты при дворе Альфонсо X

Приток испанцев — студентов, бакалавров, магистров, а затем и профессоров — в болонский *alma mater studiorum* определял, однако, лишь один вектор кастильско-болонских взаимосвязей эпохи рецепции *ius commune*: документы фиксируют и движение в обратном направлении — из Болоньи. Уже в конце XII столетия популярность Болонского университета к югу и к северу от Альп была столь значительна, что заставляла городские власти, крайне заинтересованные в сохранении и процветании университет-

¹⁸ Круг этих источников столь обширен, что несомненно требует специального исследования, подобного осуществленному А. Пересом Мартином. Обзор источников по истории Коллегия, в том числе фондов его архива, см., напр.: Pérez Martín A. Españoles en el «Alma Mater Studiorum»... P. 11–14.

¹⁹ Bull. Salam. P. 428–430, doc. no. 154 (a. 1388, Avignon).

²⁰ См., напр.: Ibid. P. 420, doc. no. 142 (a. 1373, Villanueva); P. 421, doc. no. 144 (a. 1375, Avignon); P. 476, doc. no. 197 (a. 1390, Avignon) etc.

²¹ Bull. Salam: P. 515, doc. no. 243 (a. 1394, Avignon).

Болонские студенты немецкой «нации» (землячества). Миниатюра XV в.

ской корпорации, принимать особые меры во избежание «расползания» профессорского корпуса, в то время как представители последнего все внимательнее относились к приглашениям преподавать за пределами города, порой вдалеке от Болоньи и даже от Италии вообще.

Именно эту тенденцию фиксируют некоторые документы, содержание которых получило отражение в университетском картулярии. Первый из них датируется 31 октября 1198 г., когда некий *doctor* Джованни торжественно поклялся на Евангелиях, что впредь не будет преподавать студентам гражданское право иначе как в Болонье, причем, помимо прочего, запрещалось консультировать студентов из других городов, давать им для ознакомления свои научные труды и даже разрешать присутствовать при чтении лекций. О значимости события говорит тот факт, что оно произошло в собрании всех болонских граждан, в присутствии подеста Умберто, судьи Уголино де Гозио, стряпчих Пьетро да Романцио, Родальдо Рубео, Пальмерио и других должностных лиц²².

С начала XIII в. такие клятвы стали приноситься все чаще, число их участников возрастало, а местом церемонии становились уже не частные

²² Chart. Bonon. P. 8–9, doc. no. VI (a. 1198): «...in pontili hospitii domini Uberti Bononie potestatis, coram domino Ugolino de Gosio iudice, Petro de Romancio, Rodaldo Rubeo, Palmerio causidicis et aliis multis, dominus Johannis preceptor tactis sacrosanctis evangeliis iuravit quod de cetero in aliquam aliam terram non leget scientiam legum scholaribus, nisi in Bononia, et quod non dabit operam nec consilium nec auditorium». См. также: Ibid. P. 9–10, doc. no. VIII (a. 1199).

дома, а Дворец коммуны. Помимо подеста и судей, в них стали принимать участие нотариии и свидетели из числа видных болонских граждан²³. А вот во второй половине столетия такого рода документы неожиданно исчезли: число конкурирующих с Болоньей университетов к этому времени оказалось столь велико, что простого ограничения мобильности профессоров стало явно недостаточно. Болонский *studium* в лице своих лучших представителей стал искать иные пути для сохранения положения своей *alma mater* как ведущего университета латинской Европы.

Именно в этот период в Кастилии и Леоне в правление Фернандо III обосновалась группа болонских легистов — как профессоров, так и воспитанников Болонского университета, заложившая основы ученого права в Кастильско-Леонском королевстве. Имена большинства из них остались неизвестными, за исключением четырех — магистра Рольдана, леонского нотариия Хуана Альфонсо, Фернандо Мартинеса из Саморы, но в первую очередь — Джакобо Бонаджунто (в Кастилии превратившегося в Хакобо Законника (*Jacobo de las Leyes*))²⁴. Именно они создали в Кастилии и Леоне настоящую «мастерскую»²⁵ по изготовлению памятников ученого права, в соответствии с принципами, выработанными в рамках традиции *ius commune*. Создававшееся легистами новое кастильское право становилось важнейшим средством масштабных социально-политических преобразований, инструментом строительства основ государственности, которую в испанской историографии принято называть «корпоративной»²⁶. Речь идет о сословном централизованном государстве Раннего Нового времени, путь к которому был начат политическими и интеллектуальными усилиями Фернандо Святого и Альфонсо X Мудрого и который завершился лишь при в правление старших испанских Габсбургов.

²³ Chart. Bonon. P. 16–17, doc. no. XVII (a. 1213); P. 21, doc. no. XXI (a. 1216); P. 23–24, doc. no. XXV (a. 1218); P. 30, doc. no. XXXIV (a. 1220) et al.

²⁴ См., напр., об этом: Calasso F. Medioevo del diritto... P. 615–616; Ríaza R. Historia de la literatura jurídica española. Madrid, 1998. P. 43–45; 95–101.

²⁵ Об «Альфонсовой мастерской» (выражение И. Фернандес-Ордоњес) как центре изготовления рукописей и текстов см., напр.: Fernández-Ordoñez I. El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las «Cantigas de Santa María» / Coord. por J. Montoya y A. Rodríguez. Madrid, 1999. P. 105–126; *Idem*. El taller de las Estorias // Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / Ed. por I. Fernández Ordoñez. Valladolid, 2001. P. 61–82.

²⁶ См., напр., об этом: Maravall J.A. Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // *Idem*. Estudios de historia del pensamiento español. Part. 1. Madrid, 1983. P. 97–145.

Саламанка. Портал малого коллегия университета. Гравюра XIX в.

Главным памятником нового права стали знаменитые «Семь Партид» (изначально — *Fuero de las Leyes*) (1256–1265²⁷) Альфонсо X Мудрого. Помимо них трудами болонских легистов были созданы «Зерцало» (*Especulo*) (1252–1255), свод из пяти частей, предназначенный для королевских судей, а также четырехчастное «Королевское фуэро» (1252–1255), которое должно было стать моделью для унификации местного (форального) права. Следует отметить также относящийся к тому же периоду (середина XIII в.) «Мурсийский кодекс» «Фуэро Хузго» — наиболее ранняя кастильская редакция «Вестготской правды» («Книги приговоров»); переложение латинского текста V–VII вв. на кастильский язык было проведено по указанию Фернандо III и представляло собой не только перевод, но и интерпретацию оригинала²⁸. В начале следующего, XIV столетия эту линию продолжили «Законы о стиле» (*Leyes del Estilo*), связанные по содержанию с «Королевским фуэро» и целиком написанные Фернандо Мартинесом из Саморы²⁹.

²⁷ Обзор историографии «Семи Партид» см.: Марей А.В. Язык права средневековой Испании... С. 27–39. Традиционная датировка времени создания памятника подвергается обоснованным сомнениям; в частности, Х. Санчес-Арсилья Берналь датирует завершение процесса составления памятника лишь второй четвертью XIV в. См., напр., об этом: Там же. С. 14–23.

²⁸ Подробнее см. об этом: *Mencé C. Fuero Juzgo* (Manuscrit Z.III.6 de la bibliotheque de San Lorenzo de Escorial). Vol. 1. Paris: Septentrion, Presses universitaires, 1996. P. 3–4.

²⁹ *Leyes del Estilo // Códigos españoles*. T. 1. Madrid, 1847. P. 301–344.

К этим выдающимся памятникам следует добавить также ряд правовых трактатов, теоретических произведений более частного характера. В их числе — написанные на кастильском языке ученые сочинения по процессуальному праву Хакобо-Законника («Цветы права», «Учебник» (*Doctrinal*), «Сумма о девяти временах тяжб»)³⁰, Фернандо Мартинеса из Саморы («Золотая сумма о порядке судопроизводства» и, возможно, «Жемчужина тяжб»)³¹, а также анонимные латинские тексты того же жанра *Iudex debet citare*, *Ad summam notitiam* и др.³² В совокупности все это обширное законодательное и теоретико-правовое наследие заставляет рассматривать королевский двор как важнейший центр распространения нового права и болонской академической культуры в целом. Но одним только двором дело не ограничилось; не меньшее значение имела преемственность болонской дидактической традиции, о которой ниже.

1.3. Болонская модель и становление первых университетов в Кастилии и Леоне (XIII—XIV вв.)

В исследованиях по истории испанских средневековых университетов общим местом стала констатация факта прямой зависимости первых университетов Кастилии и Леона (и в первую очередь — университета в Саламанке) от Болонского университета. Эта зависимость, сохранявшаяся на всем протяжении XIII—XIV вв., проявилась в близости или даже идентичности модели организации университета, прослеживавшейся вплоть до мелочей. Совпадали даже даты начала и окончания учебного года — соответственно, день святого Луки (18 октября) и 7 сентября следующего года, — тогда как, например, в Париже год начинался со дня Вознесения Святого Креста (14 сентября)³³. Упоминание о Болонье встречается уже в первых документах, касающихся Саламанки. Так, в 1255 г. Папа Александр IV постановил, чтобы ученые степени, присвоенные Саламанкским университетом, признавались повсюду, кроме Парижа и Болоньи, тем самым поставив молодой леонский *studium* непосредственно за ведущими университетскими центрами

³⁰ См.: Ureña y Smenjaud R. de, Bonilla y San Martín A. Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, juriconsulto del siglo XIII. Madrid, 1924.

³¹ См.: Cerdá Ruiz Funes J. «Margarita de los pleitos» de Fernando Martínez de Zamora. Texto procesal del siglo XIII // AHDE. 1950. T. 20. P. 634–738.

³² Pérez Martín A. El Derecho procesal del «Ius commune» en España. Murcia, 1999.

³³ См., напр., об этом: Beltrán de Heredia V. Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600). T. 1. Salamanca, 1970. P. 190–194 ss.

Альфонсо IX Леонский. Миниатюра XIII в.

Латинского Запада³⁴. Такое начало выглядит весьма многообещающим. Тем более что Саламанкский университет к середине XIII в. был отнюдь не единственным в Кастилии и Леоне, и даже не первым.

Первым *studium generale* (дословно — «общим училищем») принято считать созданный по инициативе короля Кастилии Альфонсо VIII студиум в Паленсии; его возникновение датируется временем около 1208 г. (хотя Г. Мартинес Диэс оспаривает эту датировку, говоря о более ранней³⁵). Несколько позднее правитель Леона Альфонсо IX положил начало университету в Саламанке (1218–1219 гг.), хотя настоящая история университета началась при Альфонсо X Мудром, по существу создавшем университет заново. Он же основал училища в Севилье (1254 г.; 1260 г. — утверждение *breve* Папой Александром IV), Вальядолиде (1260-е гг.; официальный статус — лишь с 1346 г.) и в Алькала-де-Энарес (середина XIII в.)³⁶.

Считается, что история большинства этих училищ оказалась весьма кратковременной: Паленсийский студиум действовал до середины XIII в.,

³⁴ Bull. Salaman. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255, Anagni): ... postquam aliquis magistrorum vel scholarium in Salamantino studio in quacumque facultate, examine legitimo praecedente, inventus fuerit idoneus ad regendum, in quolibet generali studio, Parisiensi et Bononiensi dumtaxat exceptis, in facultate ipsa pro qua ibi semel examen subiit, sine iterato examine ac alicujus contradictione regere valeat...

³⁵ Martínez Díez G. Tres lecciones del siglo XII del Estudio General de Palencia... P. 391–392.

³⁶ См., напр., об этом: Tamayo y Salmorán R. La Universidad: epopeya medieval. Notas para un estudio sobre el surgimiento de la universidad en el Alto Medioevo. Mexico, 2005. С. 94–97.

Севильский — до 1270-х гг., а училище в Алькале уже к началу XIV в. прекратило существование и было вновь воссоздано лишь в 1499 г.³⁷ Однако это не совсем так. Судя по сохранившимся (к сожалению, весьма ограниченным) данным, в 1263 г. Папа Урбан IV предпринял попытку восстановления университета в Паленсии. Обращаясь к местному епископу и капитулу, он призывал их всячески способствовать этому и пожаловал паленсийским магистрам и студентам такие же привилегии (*privilegiis, indulgetiis, libertatibus et immunitatibus*), которыми обладали магистры и студенты Парижского и ряда других университетов³⁸. Столетьем позднее, в 1372 г., в документах упоминается о преподавании грамматики и «искусств» «в Паленсийском училище» (*in studio Palentin.*), причем лицо, исполнявшее эти функции, имело ранг магистра³⁹.

То же можно сказать и о Севильском студииуме, в котором при Альфонсо X преподавались латинский и арабский языки: булла Папы Александра IV (1260 г.), подобно университету, именovala это учебное заведение *generale studium*, а его преподаватели и учащиеся наделялись правом взимать доходы со своих пребенд и церковных бенефициев так же, как это делают профессора и студенты других учреждений университетского типа⁴⁰. Затем академическая жизнь в Севилье явно пошла на спад, однако и в середине XIV в. там sporadически преподавались серьезные дисциплины, в частности — каноническое право⁴¹. Причем это еще не все, поскольку каноник Хуан Лопес, который читал эту дисциплину, получил каноникат в Кордове — городе, где именно в это время существовала собственная школа, возможно, связанная с севильской. Сохранившиеся о ней сведения весьма скудны, но не подлежат двоякому толкованию. Так, под 1343 г. в папских регистрах фигурирует некий магистр «искусств» Диего Альфонсо де Вильямайор, позднее назначенный папским нотарием (последнее заставляет предположить, что этот лицо имело и юридическую квалификацию)⁴². Четыре десятилетия спустя в том же городе преподавал еще один юрист — Хуан Фернандес де Фриас,

³⁷ Ibid.

³⁸ Bull. Salam. P. 326, doc. no. 20 (a. 1263, Orvieto). Эта норма не принесла плодов, и после 1263 г. упоминания об университете в Паленсии исчезают. См.: *Fuente Pérez M.J. El monte Helicon. El studium generale de Palencia y los inicios de la Universidad / Lección Inaugural del Curso Académico 2012–2013. Valladolid: Universidad de Valladolid, 2012.*

³⁹ Bull. Salam. P. 419, doc. no. 140 (a. 1372, Avignon).

⁴⁰ Bull. Salam. P. 323–324, doc. no. 17 (a. 1260, Anagni).

⁴¹ Bull. Salam. P. 365, doc. no. 69 (a. 1349, Avignon): «qui alias legit de jure canonico in civitate Hispalen».

⁴² Bull. Salam. P. 350, doc. no. 43 (a. 1343, Villanueva): «in Corduben. civitate de artibus actu regentis».

Папа римский Урбан IV. Гравюра XVII в.

певчий Кордовской епархии, который в 1386 г. получил право сдать магистерский и докторский экзамен в Саламанке⁴³.

Впоследствии академическая жизнь в этих учреждениях, знавшая периоды подъемов и спадов, так и не достигла университетского уровня. Однако приведенные выше разрозненные упоминания все равно имеют первостепенную важность, поскольку свидетельствуют о живучести семян, посеянных Болоньей. Даже там, где по каким-либо причинам преподавание прекращалось, сохранялись как минимум представления о высоком статусе и авторитете как самого профессора, так и приносимого им знания. Этот своеобразный «латентный» спрос на ученость актуализировался при первой реальной возможности, когда в соответствующем месте появлялся квалифицированный преподаватель.

Подчеркну — *преподаватель*, а не учреждение, поскольку в первую очередь университет был именно совокупностью людей, корпорацией профессоров и студентов — собственно, *universitas*⁴⁴. Там, где по тем или иным (не всегда понятным современному исследователю) причинам такие корпорации не складывались, все попытки вдохнуть жизнь в учреждения — «учи-

⁴³ Bull. Salam. P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386, Avignon).

⁴⁴ *La Fuente y Condón V. Historia de las universidades...* P. 76–106; *Calasso F. Medioevo del dirrito...* P. 510–515; *Riaza R. Historia de la literatura jurídica española...* P. 83–84; *Magallón Ibarra J.M. El renacimiento medieval de la jurisprudencia romana.* Mexico, 2002. P. 94–104; *A History of the University in Europe. Vol.1: Universities in the Middle Ages.* Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1992. P. 54–55, 63–65. Общий обзор источников по истории первых кастильских и леонских университетов см.: *Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte /Herausgegeben von H. Coing. Bd.1: Mittelalter (1000–1500).* München, 1973. S. 98, 116, 1226, 126.

лица» (*studia*) или «общие училища», совокупность отдельных школ (*studia generalia*), — бывали обречены на неудачу. Представляется, что именно таковой была судьба Паленсийского *studium*. Восстановить его поочередно пытались Папы Гонорий III в 1220–1225 гг.⁴⁵ и Урбан IV в 1263 г.⁴⁶, однако безрезультатно: по неизвестным нам причинам корпорации не возникало; не помогали обращения ни к королям, ни к знати, ни к паленсийскому епископу и клиру. Все происходило как будто бы в соответствии с известными словами Фукидида: «Город — это люди, а не стены...»⁴⁷: без сплоченного академического сообщества университета не складывалось.

В Саламанке же, пусть и не сразу, все пошло по-иному. Поначалу университет, основанный в первые десятилетия XIII в. королем Леона Альфонсо IX, захирел и не возродился в 1240-х гг., несмотря на попытки реанимировать его, предпринятые Фернандо III⁴⁸. Тем не менее Альфонсо X удалось добиться этого позднее, в 1255 г., при активной поддержке Папы Александра IV⁴⁹. Нам неизвестно, каким образом в Саламанке оформилась университетская корпорация. Мы знаем лишь, что 15 июля 1255 г. понтифик, находившийся в тот момент в Ананьи, не только упомянул в своей грамоте саламанкскую академическую корпорацию (обратившись к *universitati magistrorum, rectorum et scholarum Salamantin.*), но и пожаловал ей право иметь и использовать собственную печать⁵⁰.

В тот же день саламанкская *universitas* получила право не подчиняться постановлениям папских легатов об отлучении ее членов от Церкви: принятие подобных решений Александр IV зарезервировал исключительно за собой, еще раз подтвердив это буллами, изданными в сентябре того же года; в конечном итоге право отлучать от Церкви студентов и профессоров было зарезервировано за особым папским представителем при университете⁵¹. Тогда же, в сентябре 1255 г., для повышения статуса вновь воссозданной

⁴⁵ Bull. Salam. P. 308, doc. no. 2 (a. 1220, Laterano); P. 309, doc. no. 3 (a. 1221, Laterano); P. 309–311, doc. no. 4 (a. 1225, Laterano).

⁴⁶ Bull. Salam. P. 326, doc. no. 20 (a. 1263, Orvieto).

⁴⁷ Thucyd. VII.77.7: «ἄνδρες γὰρ πόλις καὶ οὐ τεῖχη».

⁴⁸ Historia de la Universidad de Salamanca /Coord. por L.E. Rodríguez-San Pedro Bezares. T.2. Salamanca, 2004. P. 111.

⁴⁹ Bull. Salam. P. 319–320, doc. no. 10 (a. 1255, Napoli): «...generale studium statuisti et ut generale studium a doctoribus et docentibus in posterum frequentetur, humiliter postulasti a nobis apostolico id munime roborari».

⁵⁰ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255, Anagni).

⁵¹ Bull. Salam. P. 320–321, doc. no. 12 (a. 1255, Anagni): «universitati magistrorum, rectorum et scholarum»; см. также: Ibid. P. 321, doc. no. 13 (a. 1255, Anagni); P. 321–322, doc. no. 14 (a. 1255, Anagni).

корпорации, Папа приравнял присваиваемые ею ученые степени к аналогичным степеням других университетов, поставив выше Саламанки (как уже отмечалось) лишь Болонью и Париж⁵². Еще через месяц, по просьбе Альфонсо X, для привлечения студентов во вновь воссозданный университет Александр IV разрешил изучать там цивильное право всем кастильским клирикам, за исключением регулярных⁵³.

С этого времени история корпорации не прерывалась уже ни на день, о чем наглядно свидетельствуют как немногочисленные ранние документы из университетского архива, так и регистры папской канцелярии. Изучение этих неопубликованных источников целесообразно продолжать и далее: фундаментальные публикации В. Бельтрана де Эредиа⁵⁴ отнюдь не исчерпали информационных возможностей Ватиканских архивов. И все же применительно к периоду до середины XIV в. сложно ждать сенсационных открытий, способных полностью переменить наш взгляд на раннюю историю университетов Кастилии и Леона: основные эвристические возможности соответствующих фондов исчерпаны. Не сулит перспективы новых находок и архив болонского Коллегия Святого Климента, детально исследованный А. Пересом Мартином.

Однако это вовсе не означает, что искать нечего: просто делать это надо в другом месте.

2. Книги: рукописные версии «Книги феодов» в Кастилии и Леоне XIII—XIV вв.

2.1. Болонья как *alma mater librorum*⁵⁵

Широко известно высказывание латинского грамматика Теренциана Мавра: «Книги имеют свою судьбу, в зависимости от того, как их принимает читатель»⁵⁶. В полной мере оно справедливо и для книги универ-

⁵² Bull. Salam. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255, Anagni).

⁵³ Bull. Salam. P. 323, doc. no. 16 (a. 1255, Anagni).

⁵⁴ См.: Bulario de la Universidad de Salamanca (1219–1549) / Publ. por V. Beltran de Heredia. Vol. 1–2. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966; *Beltrán de Heredia* V. Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600). T. 1–6. Salamanca, 1970–1972.

⁵⁵ О происхождении выражения см.: *Alma mater librorum. Nove secoli di editoria bolgnese per l'Università*. Bologna, 1988.

⁵⁶ *Pro captu lectoris habent sua fata libelli*. См.: Terentianus Maurus. *De syllabis (etiam metrica ratione)*. 1286 // Terentiani Mauri *De litteris, de syllabis, de metris* / Introduzione, testo critico e traduzione per C. Cignolo. Hildesheim, Zürich, New York, 2002. P. 93 (*Corpus Grammaticorum Latinorum*. URL: <http://kaali.linguist.jussieu.fr/CGL/text.jsp?id=T66> (дата обращения: 24.11.2014)).

ситетской, вне которой возникновение и функционирование средневековых *studia generalia* было бы невозможным. В контексте настоящего исследования особенно важен тот факт, что история распространения традиции ученого права в XIII–XIV вв. в значительной степени являлась и историей рукописных книг, которые изготавливались в болонских университетских скрипториях и расходились по всей Латинской Европе. Ведь их востребованность в местах, зачастую весьма удаленных от Болоньи, определялась рецепцией традиций римско-правовых штудий и преподавания нового права. Профессора и лиценциаты, покидавшие Болонью, везли с собой книги, остававшиеся там, куда вместе с ними приходила традиция *ius commune*.

Применительно к периоду XIII–XIV вв. мы хорошо знаем об этом из актового материала, обязанного своим происхождением проявлению нового типа учебных заведений в пиренейских странах. Спрос на книги, прежде всего на университетские копии свода Юстиниана — *Corpus Iuris Civilis* (далее — CIC), создавался как преподавателями, так и юристами-практиками. Показательно, в частности, что в Барселоне второй трети XIV в. для того, чтобы получить лицензию на юридическую практику в городе, необходимо было не только предъявить свидетельство о наличии у соискателя профильного образования, но и предъявить полный экземпляр CIC, состоящий из пяти стандартных частей: в противном случае просьбы о предоставлении такой лицензии просто не рассматривались⁵⁷. Данные, полученные исследователями применительно к самым разным регионам Латинского Запада, свидетельствуют, что барселонское требование отнюдь не являлось исключением из правил⁵⁸.

Здесь самое время напомнить, что *Corpus* Юстиниана в его средневековой версии сильно отличался от привычной современным исследователям. Последние воспринимают его по знаменитой реконструкции Т. Моммзена⁵⁹.

⁵⁷ DHUniv.Bar. T. 1. P. 18: ...et qui in eis uti voluerint officio iudicandi et advocandi, requiratur et fiat quod ipsi jurisperiti audiverint jura civilia quinque annis et habeant omnes *quinque libros textuales juris civilis cum apparatu ordinario*, et nisi predicta fecerint et habeant, non admitantur in officium iudicandi et advocandi in civitate et vicariis Barchinonae et Valesii et baiuliis subiectis baiulie Barchinonae... (doc. n. 12 (a. 1334, Valencia)); Ibid. doc. n. 20 (a. 1359). P. 35–36.

⁵⁸ См., напр., об этом: Nebbiai D. «Leges de voluntariis». Bibliothèques et culture des juristes en Italie d'après les inventaires de livres (XIIIe–XVe siècles) // Juristische Buchproduktion im Mittelalter / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 677–740.

⁵⁹ Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones. Digesta; Vol. 2: Codex Iustinianus; Vol. 3: Novellae / Ed. T. Mommsen et al. Berolini, 1872–1895.

Фридрих II. Изображение из его книги «*De arte venandi cum avibus*» («Об искусстве охоты с птицами»). Конец XIII в.

Однако средневековая версия⁶⁰ была иной. Она включала пять частей (*volumina*), комплектовавшихся следующим образом: *Vol. I — Digestum vetus* (D.I–XXIV.2); *Vol. II — Infortiatum* (D.XXIV.3–XXXVIII.17); *Vol. III — Digestum Novum* (D.XXXIX.1 — L.17); *Vol. IV* (собственно, *Codex* в узком смысле) — большая часть Кодекса Юстиниана (C.I–IX); *Vol. V — «tres libri»* («три книги», т.е. три оставшиеся книги Кодекса (C.X–XII)); Институции Юстиниана; «*Authenticum*» (латинский перевод Новелл, в том числе — их греческой части в латинских переводах), а также так называемая «*Decima collatio*» — LF и *constitutiones extravagantes* ряда германских императоров (в том числе «Амальфийские конституции» Фридриха II и текст Констанцского мира 1183 г.); этот пятый том обычно именовали «малым томом» (*Volumen parvum*), либо просто «томом» (*Volumen*), либо, наконец, «*Authenticum*» (в широком смысле). Свод венчала «Ординарная глосса» — универсальный комментарий, обрамлявший основной текст подобно рамке⁶¹.

⁶⁰ Представление о ней дает издание CIC, подготовленное в 1583 г. французским эрудитом Дени Годфруа (Dionysus Gothofredus) (1549–1622); в настоящей работе использовано переиздание: *Corpus Juris Civilis Romani... cum notis integris Dionysii Gothofredi...* T. 1–5. Neapoli, 1828–1830 (далее — CIC-Gothofredus).

⁶¹ См., напр., об этом: *Calasso F. Medioevo del Diritto*. T.1: *Le fonti*. Milano, 1954. P. 526–528; *Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte...* S. 156; *Bellomo M. La Europa del Derecho común*. Roma, 1999. P. 69; *Мареу А.В.* К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII–XIV вв.... С. 99–100.

Именно такая версия во множестве копировалась в университетских скрипториях: ведь средневековая Болонья являлась центром книгопроизводства ровно в той же мере, в какой она была центром образования и учебных штудий, в первую очередь — в области гражданского и канонического права, но далеко не только⁶². История университетской книги — прежде всего в Болонье — во всем ее многообразии достаточно хорошо изучена. Процесс копирования был там буквально поставлен на поток. Одним из основных центров университетской жизни являлась *statio universitatis* (*statio publica*). «Там дважды в неделю ректоры университета проводили судебные собрания, там вывешивались наиболее важные объявления и там же хранились важнейшие документы университета и собирались рукописи для их дальнейшего копирования», — замечает мой учитель В.И. Мажуга⁶³.

Именно сюда передавались *exemplares* (*exempla*) — вычитанные и выверенные экземпляры произведений, текст которых часто содержал разметку на стандартные равные части (*petia*), что существенно облегчало и удешевляло как процесс копирования (один и тот же текст мог по частям одновременно передаваться разным писцам⁶⁴), так и исчисление платы (*taxatio*) писцам, осуществлявшим копирование⁶⁵. Изначально центральная роль в этом процессе принадлежала так называемым *стационариям*, фигурирующим в болонских документах начиная с 1250 г., но в качестве особой категории лиц «при университете» существовавших

⁶² О покупке и изготовлении рукописей СИС непосредственно в Болонье, а также в университетских центрах, возникших под ее влиянием, см., напр.: *Bellomo M. Universidad en la época del Derecho Común. Roma, 2001. P. 107–127.*

⁶³ Мажуга В.И. Об истории создания комментария Бартоло ди Сассоферрато к *Digestum Novum* (по данным болонского списка 1370 г. из собрания Архива Санкт-Петербургского института истории РАН) // Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 99–100.

⁶⁴ Так, напр., исследованный В.И. Мажугой болонский список комментария Бартоло ди Сассоферрато к *Digestum Novum*, датируемый 1370 г., был скопирован пятью писцами, из которых три выполнили основную часть работы. См.: Мажуга В.И. Болонский список комментария Бартоло ди Сассоферрато к *Digestum Novum* в Научном архиве СПбИИ РАН // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI: Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. С. 97; Он же. Об истории создания комментария Бартоло ди Сассоферрато к *Digestum Novum*... С. 97–116.

⁶⁵ См., напр., об этом: Там же. С. 96–99; *Bellomo M. Universidad en la época del Derecho común... P. 115–118; Tipologia degli exemplaria giuridici // Juristische Buchproduktion im Mittelalter... S. 105–172; Soetermeer F. Exemplar und Pecia. Die Herstellung juristischer Bücher in Bologna im 13. und 14. Jahrhundert // Ibid. S. 481–516.*

намного раньше. До середины XIII в. стационарии являлись свободными предпринимателями, действовавшими в соответствии с собственными представлениями о своих функциях, но в дальнейшем они были разделены на две категории, обязанности которых подверглись тщательной регламентации.

По наблюдениям М. Белломо⁶⁶, первую категорию составляли стационарии, на попечение которых передавались *exempla* и которые являлись стационариями *stricto sensu* (так называемыми *stationarii exempla tenentes*) и которые должны были предоставлять для копирования *exempla* — выверенные рукописи отдельных частей Свода Юстиниана, а также связанную с ними дидактическую и специальную литературу — *summa*, *questiones*, *lectura*, *distictiones*, *brocarda*, *dissentiones dominorum* и др.⁶⁷

Помимо этих стационариев, существовали еще и те, которые выполняли функции простых книгопродавцов, в том числе — действуя в качестве посредников так называемых *stationarii* (или *venditores*) *librorum*. В принципе, стационарии и первой, и второй категории и после 1250 г. не являлись должностными лицами университета: если они желали стать таковыми, то должны были принести особую клятву ректорам, что открывало доступ в число «университетских стационариев» (*stationarii universitatis*)⁶⁸.

В последней четверти XIII в. функции последних перешли к главному университетскому надзирателю — генеральному педелю, должностному лицу, функции которого были весьма широки и, строго говоря, выходили далеко за пределы обязанностей позднейших «классных надзирателей», на что, в частности, обращает внимание уже упоминавшийся В.И. Мажуга. Не случайно именно генеральный педель должен был принять перед профессором, передавшим ему на копирование свое произведение, обязательство выступать в суде против всех возможных возражений со стороны третьих лиц; со своей стороны, профессора должны были сохранять копию собственного текста, чтобы при необходимости прибегнуть к ней для выверки спорных мест⁶⁹.

В процессе массового копирования сложился характерный болонский стиль, в числе особенностей которого были, в частности, расположение копируемого текста в две колонки, специфика письма и декоративного

⁶⁶ Bellomo M. Universidad en la epoca del Derecho común... P. 114.

⁶⁷ Об основных жанрах этой литературы см., напр.: Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte. S. 140–147.

⁶⁸ Bellomo M. Universidad en la epoca del Derecho común... P. 113–114.

⁶⁹ Мажуга В.И. Об истории создания комментария Бартоло ди Сассоферрато к Digestum Novum... С. 100–101.

оформления рукописей. Иллюминированные манускрипты, созданные в Болонье, подчас поражают роскошью, степень которой лишь увеличивалась от XIII к XIV в.: возрастали число и художественный уровень исполнения миниатюр, все более изысканными становились инициалы, тщательно прорабатывались второстепенные элементы и т.д.⁷⁰ Параллельно возрастала стоимость книг, а вместе с ней — и опасность их утраты в результате кражи. Подобные случаи не были редкостью в Болонье уже в середине XIII в., что отразил и университетский картулярий. Так, например, в 1267 г. некий Ринальдуччо из Сант-Анджело (Анконская Марка) был обвинен преподававшим в Виченце магистром Иоанном в краже *Digestum Novum*, которая пропала из дома профессора⁷¹.

Роскошь болонских рукописей была в полной мере оценена далеко за пределами Италии, в том числе — и в Кастилии и Леоне. По данным Х. Йарса Луасеса, юридические рукописи составляют наиболее значимую часть иллюминированных болонских кодексов в испанских собраниях, наряду с рукописями Священного Писания⁷². Общее же число средневековых рукописей текстов гражданского права эпохи рецепции *ius commune* в испанских собраниях составляет 442, из которых 322 находятся в библиотеках и архивах, расположенных в пределах средневекового королевства Кастилия и Леон.

Распределение этих кодексов по главным хранилищам страны, по данным А. Переса-Мартина, следующее: Бурго-де-Осма (пров. Сория) — 5 (все — в Библиотеке капитула кафедрального собора); Калаорра — 1 (Библиотека кафедрального собора); Кордова — 15 (все — в Архиве кафедрального собора); Сан-Лоренсо-де-Эль-Эскориал — 68 (все — в Королевской библиотеке Эскориала); Леон — 3 (в библиотеках кафедрального собора и базилики Святого Исидора); Луго — 1 (библиотека Провинциального музея); Мадрид — 87 (1 — библиотека Королевской академии истории, 3 — Национальный исторический архив, 3 — библиотека Фонда Л. Гальдиано, 74 — Национальная библиотека); Оренсе — 2 (все — в библиотеке кафедрального собора); Саламанка — 1 (Универси-

⁷⁰ См., напр., об этом: *Gibbs R. The development of the illustration of legal manuscripts by Bolognese illuminators between 1241 and 1298 // Juristische Buchproduktion im Mittelalter... S. 173–218; L'Engle S. Trends in Bolognese legal illustration: the early Trecent // Ibid. S. 219–244.*

⁷¹ Chart. Bonon. P. 144, doc. no. CXXXVIII (a. 1267): De domo et hospitio dicti magistri Iohannis et furtive et malo modo exportaverit dictum librum et instrumentum laborerii.

⁷² *Yarza Luaces J. Manuscritos iluminados boloñeses en España, siglos XIII y XIV // España y Bolonia... P. 31–48.*

Император Лотарь III. Изображение из средневековой рукописи

тетская библиотека); Севилья — 24 (библиотека кафедрального собора и Библиотека «Коломбина»); Сигуэнса — 3 (библиотека кафедрального собора); Толедо — 99 (библиотека Капитула кафедрального собора). К этому числу следует добавить также много большее количество рукописей памятников канонического права того же периода, однако здесь полной оценки не существует⁷³. Часть этих рукописей была изготовлена непосредственно в Болонье; но другие делались в Кастилии и Леоне по болонскому образцу, причем по тому же образцу была организована и система копирования манускриптов.

Это, в частности, хорошо видно по содержанию закона (Part.II.31.11), включенного во вторую книгу «Семи Партид» Альфонсо X. Согласно его положениям, в университетах (*estudios generales*) предписывалось иметь собственных стационариев, содержавших особые лавки, в которых студенты могли за плату получать «хорошие книги, пригодные для чтения, точно отражающие основной текст и глоссу» для копирования, «как полностью, так и частично, для улучшения уже переписанных ранее». Учитывая важность вопроса, законодатель запрещал держать такую лавку кому-либо без разрешения ректора. Последний же, прежде чем выдать такое разрешение, должен был проверить книги соискателя, чтобы удостовериться в их качестве, а главное — в точности содержащегося в них текста. Кроме того,

⁷³ Pérez Martín A. La producción de codices jurídicos en España: ius commune y ira propria // Juristische Buchproduktion im Mittelalter... S. 568.

тем же ректором, с согласия университетской корпорации, устанавливался размер платы за каждую тетрадь, предоставляемую стационарием студентам для копирования⁷⁴. Так, в дополнение к болонским, в Кастилии и Леоне появлялись и собственные копии CIC.

2.2. Болонские рукописи XIII—XIV вв. в Кастилии и Леоне (на примере рукописных версий *Libri Feudorum*)

Восстановление полной истории бытования рукописей CIC — как привезенных из Болоньи, так и скопированных на месте, — в Кастилии и Леоне в эпохи Высокого и Позднего Средневековья остается делом будущего и выходит далеко за рамки настоящего исследования. Однако сделать некоторые наблюдения предварительного характера можно, если несколько сузить область поисков, ограничившись одной из частей Юстинианова Свода, имевшей более или менее самостоятельное значение. В данном случае в этой роли предстают *Libri (Consuetudines) Feudorum* (LF), текст которых, как уже говорилось, был помещен болонскими юристами в пятую, заключительную, часть Свода (*Volumen*)⁷⁵. Воспринимавшееся средневековыми юристами как логическое продолжение полной латинской версии Новелл (*Authentici*), составлявших предыдущие девять разделов — *collationes* той же части CIC⁷⁶, ученое феодальное право вполне логично помещалось в состав *Decima collatio* как

⁷⁴ См.: Part.II.31.11 (Como los Estudios generales deuen auer Estacionarios, que tengan tiendas de libros para exeplos): Estacionarios ha menester que aya en todo Estudio general, para ser complido; que tenga en sus estaciones buenos libros, e legibles, e verdaderos de testo, e de glosa; que los logen a los Escolares, para fazer por ellos libros de nueuo, o para emendar los que touieren escritos. E tal tienda, o estacion como esta non la deue ninguno tener, sin otorgamiento del Rector del Estudio. E el Rector, ante que le de licencia para esto, deue fazer esaminar primeramente los libros, de aquel que deuia tener la estacion, para saber si son buenos, e legibles, e veradaderos. E aquel que fallare que non tiene tales libros, non le deue consentir, que sea Estacionario, nin logue a los Escolares los libros, a menos de ser bien emendados primeramente. Otrosi deue apreciarle el Rector, con consejo del estudio, quanto deue recibir el Estacionario por cada quaderno, que prestare a los Escolares para escreuir, o para emendar sus libros. E deue otrosi recibir buenos fiadores del, que guardara bien e lealmente todos los libros, que a el fueren dados para vender, que non fara engaño ninguno.

⁷⁵ В издании Готофреда LF см.: CIC Gothofredus. T. 5. Napoli, 1830. P. 491—548. Далее следует «Пятая книга» — подборка конституций германских императоров, посвященных феодальному праву; в нее вошли 16 конституций императоров Конрада II, Генриха VI, Лотаря III и Фридриха I Барбароссы; см.: Liber Quintus De feudis quo variae constitutiones imperatorum ad hanc partem juris pertinentes continentur //Ibid. P. 549—553. Издание К. Леманна включило лишь часть этих конституций.

⁷⁶ Calasso F. Medioevo del Diritto. T.1. P. 527—528; Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte... S. 166—167; Bellomo M. La Europa del Derecho común... P. 69.

значимая часть римского вещного права; именно в этом качестве оно активно изучалось в университетах.

Первым идею включить LF в состав CIC (а в его рамках — именно в указанное место) выдвинул глоссатор Уголино деи Пресбитери (ум. ок. 1233)⁷⁷. В тот же период на LF стали распространяться стандартные принципы комментирования CIC; характер комментариев к нему носили сочинения Одофреда Болонского (ум. 1265) (*Summa ... in usibus feudorum*), марсельского правоведа Жана Бланша (ум. ок. 1269) (*Summa super usibus feudorum*), сицилийского юрисконсульта Андреа из Изернии (ок. 1230–1316) (прозванного «королем феодального права» (*monarcha feudistarum*)) (*Commentaria super usibus feudorum*), неаполитанского юриста, придворного судьи и советника Карла II Анжуйского Джакомо из Бельвизо (1270–1335) (*Commentarii super consuetudinibus usus feudorum*) и, наконец, заменитого Бальдо деи Убальди (*Lectura super usibus feudorum*)⁷⁸.

В тесной связи с традицией комментирования первоначального текста и под прямым влиянием этой традиции в XII–XIII вв. сложились три редакции памятника: (1) *Obertina (Compilatio antiqua)* (сер. XII в.) — компиляция законов королей франков и лангобардов, основу которой составили два послания Оберто дель’Орто, миланского судьи и юрисконсульта императора Лотаря III (1125 (1133)–1137), своему сыну Ансельму, студенту Болонского университета, посвященные институтам феодального права, текст которых был позднее дополнен и отредактирован неизвестным юристом; (2) *Ardizzoniana* (ок. 1240 г.) — редакция, включившая, помимо перечисленного выше, постановления Лотаря III и Фридриха I Барбароссы (1152 (1155)–1190), а также выдержки из трудов ряда болонских юристов; основа этой версии — *summa* и аппарат глосс к ней, были созданы в Модене юристом Пилио из Медицины ок. 1200 г., а позднее текст был отредактирован выдающимся специалистом по феодальному праву болонским юристом Джакомо из Ардиззоне; (3) *Accursiana (Vulgata)* (ок. 1250) — дополненная за счет постановлений императоров Генриха VI (1169 (1191)–1197) и Фридриха II (1197 (1220)–1250); эта поздняя (и наиболее распространенная) версия подразделялась на две книги (включавшие, соответственно, 26 (в другой нумерации — 28) и 57 (в другой нумерации — 58) титулов); ее составителем являлся знаменитый Аккурсий (ок. 1182 — ок. 1263), автор

⁷⁷ Calasso F. Medioevo del Diritto... P. 555.

⁷⁸ Ibid. P. 578–579; Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte... S. 186–188, 210–212.

«Ординарной глоссы» ко всему Своду Юстиниана; при этом, та часть «Ординарной глоссы», которая относилась непосредственно к LF, была написана не самим Аккурсием, а юрисконсультom Джакомо Коломби, в свою очередь частично использовавшим более раннюю *summa* Пилио из Медицины⁷⁹.

На тесную связь памятника с болонской традицией ученого права указывает мадридская рукопись LF, хранящаяся в Национальной библиотеке (Mss.392, в более ранней нумерации — C-8) и датированная XIV в.⁸⁰ На ее главные особенности обратил внимание уже известный немецкий юрист, историк средневекового права Карл Леманн (1858–1918), который в 1892 и 1896 гг. подготовил и издал тексты наиболее ранней (*Compilatio antiqua*) и позднейших (*Textus compilationis antiquae et recensiois vulgatae*) версий памятника (последнее, однако, без «Ординарной глоссы»)⁸¹.

По наблюдениям немецкого историка права, текст памятника в рукописи Mss.392 представлен в редакции Джакомо из Ардидзоне, снабжен глоссой, не охватывающей лишь завершающую часть текста (в нумерации К. Леманна — LF. II.40 и далее), и достаточно полон: он включает обе книги поздней редакции — первую (27 титулов, в той или иной мере совпадающую с версией текста, опубликованной немецким исследователем) и вторую, завершающая часть которой довольно сильно отличается от всех версий, представленных К. Леманном, в том, что касается порядка расположения титулов, однако совпадает с ними в главном.

Помимо LF (fols. 1r — 17r), в состав кодекса Mss.392 входят трактат *Casus decretorum* (fol. 18r — 87v) итальянского канониста Бартоломео да Брешиа (ум. 1258), его же «Пятничные и воскресные лекции» (*Quaestiones dominicales*

⁷⁹ См., напр., об этом: LF. S. 25–28; 115–157; Calasso F. Medioevo del Diritto. T.1. P. 554–555.

⁸⁰ Рукопись была известна К. Леманну (см.: Lehmann K. Handschriften des langobardischen Lehnrechts in Spanien und Holland // *Idem*. Consuetudines feudorum... S. 301). В описаниях рукописного собрания BN факт наличия LF в составе Mss.392 не оговаривается вообще; содержание обозначается как собрание трактатов по каноническому праву. См.: Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional. T. 1. Madrid, 1953. P. 257–258; см. также: URL: <http://catalogo.bne.es/uhtbin/cgisirsi/nixChtSNRX/BNMADRID/291860126/9> (дата обращения: 15.10.2014).

⁸¹ К настоящему времени эти издания переизданы в кн.: Consuetudines feudorum. Textus compilationis antiquae et recensiois Vulgate // Consuetudines feudorum / Ed. K. Lehmann. Editio altera curavit K.A. Eckhart. Aalen: Scientia Verlag, 1971 (Biblioteca rerum historicarum, I). S. 23–69, 158–298. Издание текста с «Ординарной глоссой», а также с глоссой болонского юриста XIV в. Бальдо (или Бальда — Baldus) деи Убальди (1319/27–1400), см., напр., в приложении к монографии наиболее видного современного исследователя ученого феодального права М. Монторзи: Consuetudines feudorum // Montorzi M. Diritto feudale nel Basso Medioevo. Materiali di lavoro e strumenti critici per l'esegesi della glossa ordinaria ai Libri feudorum. Con la ristampa anastatica dei Libri feudorum e della loro glossa ordinaria. Torino, 1991. P. 121–204.

Фридрих I Барбаросса (в центре). Изображение XIII в.

vel veneriales) (fol. 87v — 108v), «Книга казусов из Декреталий» (*Liber casuum Decretalium*) португальского канониста Жоана де Деуша (ок. 1190—1267) (fol. 109r — 146r), «Комментарий к титулу «О правилах права»» (*Apparatus super titulo De regulis iuris*) итальянского канониста Дино де Россониса из Мугелло (ок. 1253 — между 1298 и 1303) (fol. 147—170r) и, наконец, анонимный текст *Casus codicis*, представляющий собой перечень инципитов к конституциям начальной части Кодекса Юстиниана (fol. 171r—197r).

Такой перечень текстов мог быть интересен в первую очередь придворному легисту, сталкивавшемуся в своей деятельности с проблематикой как гражданского (LF, инципиты Кодекса Юстиниана), так и канонического (остальная часть кодекса) права. Это предположение подтверждается и происхождением рукописи, попавшей в Национальную библиотеку из Королевской библиотеки⁸².

С первого взгляда текст LF в Mss.392 никак не связан с университетской традицией, прежде всего потому, что не содержит маргиналий (значимый внешний признак рукописи университетского происхождения, что будет специально показано ниже). И тем не менее это не так, что подтверждается самым неожиданным образом: в отличие от других известных мне редакций LF, эта завершается знаменитой привилегией Фридриха Барбароссы, пожалованной в 1158 г. студентам и профессорам Болонского универ-

⁸² *Inventario general de manuscritos de la Biblioteca Nacional*. Т. 1. Р. 258.

ситета⁸³. Как известно, привилегия, с одной стороны, устанавливала особо жесткие наказания преступления против *scolastici*⁸⁴, а с другой — вверяла суд по делам, возбужденным против студентов, либо их профессорам, либо болонскому епископу, лишая этого права судей иных юрисдикций⁸⁵.

О том, что обе эти нормы были хорошо известны в Кастилии в период создания рукописи Mss.392 и даже ранее, говорит их присутствие в тексте «Семи Партид»: они включены в титул Part.II.31, специально посвященный проблемам регламентации университетской жизни. Как явствует из закона Part.II.31.7, кастильский законодатель признавал юрисдикцию университетских профессоров, а также епископа города, в котором располагался университет, над их студентами. Правда, эта норма действовала лишь применительно к гражданским делам и распространялась на иски, возбуждаемые студентами против своих товарищей; при этом, если такое дело возбуждалось в местном — не университетском — суде, оно уже не могло передаваться под университетскую юрисдикцию. Что же касается преподавателей, то за ними в подобных случаях закреплялось право выбора — отвечать перед епископом или же перед местным светским судьей. При этом, в противовес хартии 1158 г., из сферы университетской юрисдикции полностью изымались дела об убийствах, членовредительстве, а также относящиеся к юрисдикции короны (*justiça*)⁸⁶.

⁸³ Privilegium scolasticum //Frederici I imp. constitutiones //MGH: LL. T. 2. Hannoverae, 1837. P. 111.

⁸⁴ Ibid.: Hac igitur generali et in eternum valitura edicimus lege, ut de cetero nullus ita audax inveniatur, qui aliquam scholaribus iniuriam inferre presumat, nec ob alterius provinciae delictum, quod aliquando ex perversa consuetudine fieri audimus, aliquot dampnum eis inferat; sciturus, huius constitutionis temeratoribus et illius temporis, si ipsi hoc vindicare neglexerint, locorum rectoribus restitutionem rerum ab omnibus *in quadruplum* exigendam, notaque infamie ipso iure eis irrogata, *dignitate* sua inperpetuum *careant*.

⁸⁵ Ibid.: Verumtamen si eis litem super aliquot negotio quisquam movere presumpserit, huius rei optione scholaribus data, eos coram domino aut magistro suo vel ipsius civitatis episcopo, quibus hanc iurisdictionem dedimus, convenient. Quod si vero ad alium iudicem trahere temptaverint eum, et si iustissima causa fuerit, pro tali conamine a debito cadat.

⁸⁶ Part.II.31.7: Los Maestros que muestran las sciencias en los estudios, pueden juzgar sus escolares, en las demandas que ouieren unos con otros, e en las otras, que los omes les fiziessen, que no fuessen sobre pleyto de sangre; e non les deuen demandar, nin traer a juyzio delante otro alcalde sin su plazer dellos. Pero si les quisieren demandar delante de su maestro, en su escogencia es, de responder a ella, o delante del obispo del lugar, o delante del juez del fuero, qual mas quisiesse... Otrosi dezimos, que si el escolar es demandado ante el juez del fuero, e non alegare su priuillejo, diziendo que non deue responder, si non adelante de su maestro, o ante el obispo, assi como sobredicho es, si respondiере llanamente a la demanda, pierde el priuillejo que auia, quando en aquellas cosas sobre que respondio, e deue yr por el pleyto adelante, fasta que sea acabado por aquel juez, ante

Интересен и следующий закон того же титула «Семи Партид» (Part. II.31.8). В отличие от предыдущего, прямой связи с содержанием конституции 1158 г. он не имеет. Вместе с тем, однако, очевидно, что, не воспроизводя буквы постановления Фридриха Барбароссы, текст закона в полной мере отражает ее дух, поскольку фиксирует фискальные привилегии университетских профессоров, приравнивая их по статусу к рыцарям и, по образцу последних, освобождая членов преподавательской корпорации не только от королевских платежей, но и от военной повинности, а также от занятия любых должностей, если назначение на последние осуществляется вопреки их желанию⁸⁷.

Еще одна точка соприкосновения болонской и кастильско-леонской традиций связана с аспектом, затронутым, но не рассмотренным мной выше, а именно — с причинами возникновения маргиналий. Как уже говорилось, мадридская рукопись Mss.392 (C-8) их практически не содержит, и именно это не позволяет должным образом связать ее не только с традицией *ius commune*, к которой она несомненно принадлежала, но и с системой университетского преподавания в более узком смысле.

Между тем факт наличия маргиналий следует рассматривать как значимое (пусть и не единственное) свидетельство университетского происхождения рукописи. Для того чтобы понять это, достаточно вновь обратиться к Партидам Альфонсо X, к закону Part.II.31.9, объясняющему причины появления помет над/под основным текстом, а также на полях рукописей. Упомянутый закон регламентирует порядок получения степени магистра соискателями из числа студентов, стремившимися к ней для того, чтобы в дальнейшем посвятить себя преподаванию. Для этого желающий пройти испытания должен был представить перед особой комиссией, состоящей из старших и наиболее авторитетных профессоров (*Mayorales de los Estudios*), и продемонстрировать свое умение филигранно владеть методикой преподавания. Именно способность вести занятия, проводившиеся в форме лекций, то есть собственно «чтений» (*lecciones*) в самом прямом

quien lo començo. Mas si por ventura el escolar se quiesse ayudar de su priuillejo, ante que respondiesse a la demanda, diziendo que non queria, nin deue responder, si non ante su maestro, o delante del obispo, e el le apremiasse, e le fiziesse responder a la demanda: estonce el que auia la demanda contra el, deue perder porende todo el derecho que auia en la cosa que le demandaua. E el juez que assi lo apremiasse deue auer pena porende por aluedrio del rey; fuerias si el pleyto fuesse de justicia, o de sangre, que fuesse mouido contra escolar, que fuesse lego.

⁸⁷ Part.II.31.8: <...> Otrosi dezimos, que los maestros sobredichos, e los otros, que muestran los saberes en estudios, en las tierras del nuestro señorío, que deuen ser quitos de pecho, e non son tenidos de yr en hueste, nin en caualgada, nin de tomar otro oficio, sin su plazer.

Надгробие Пьетро деи Чернити. Скульптор Розо ди Парма. XIV в.

смысле этого слова, а также положительная репутация и хорошие манеры и становились основанием для предоставления искомой степени. Проходя испытание, соискатель должен был проявить хорошее знание основного текста СИС и сопровождающей его глоссы, которые ему надлежало комментировать в соответствии с избранной тематикой. В процессе комментирования следовало проявить способность к гладкой и правильной речи, умение выступать в диспутах (*questiones*), а также четко и ясно отвечать на вопросы слушателей⁸⁸. Соответственно, студентам оставалось лишь фиксировать профессорские комментарии на полях собственных экземпляров Юстинианова Свода.

Сообщая об этом, кастильский законодатель второй половины XIII в. лишь воспроизводил общую норму, изначально утвердившуюся в Болонье и хорошо известную как по письменным, так и по изобразительным источникам. Роль лекции — чтения! — описанного типа в системе преподавания, практиковавшейся болонскими профессорами, была столь велика, что глагол *legere* в документах из картулярия Болонского университета используется для обозначения акта проведения занятий вообще⁸⁹. Более же наглядно представить себе процесс чтения лекций позволяют изображения болонских профессоров, представленных в процессе занятий в окру-

⁸⁸ Part.II.31.9 (Como deuen prouar al Escolar que quiere ser Maestro, ante que le otorguen licencia): ...deue dar algunas liciones de los libros de aquella sciencia, en que quiere començar. E si ha buen entendimiento del testo, e de la glosa de aquella ciencia, e ha buena manera, e desembargada lengua para mostrarla; e si responde bien a las questiones, e a las preguntas, que le finieren, deuenle despues otorgar públicamente honrra, para ser Maestro.

⁸⁹ Chart. Bonon. P. 9, doc. no. VI (a. 1198): in aliam terram non leget scientiam legum scolari-bus; Ibid. P. 10, doc. no. VIII (a. 1199): non leget scolari-bus nisi in Bononia...; Ibid. P. 16–17, doc. no. XVII (a. 1213); P. 21, doc. no. XXI (a. 1216); P. 23–24, doc. no. XXV (a. 1218); P. 30, doc. no. XXXIV (a. 1220) etc.

Надгробие Бонифацио Галлуцци. Скульптор Беттино ди Болонья. XIV в.

жении студентов в изображениях на профессорских надгробиях из городских церквей; некоторые из них в настоящее время представлены в экспозиции Городского музея Средневековья (*Museo Civico Medievale*) г. Болоньи. В частности, речь идет о памятниках профессорам Пьетро Чернити (ум. 1338 г.) из болонской церкви Святого Иакова (скульптор — Розо ди Парма) и Бонифацио Галлуцци (ум. 1346 г.) из церкви Святого Доминика того же города (скульптор — Беттино ди Болонья) и некоторых других. Иконография таких надгробий довольно однообразна: профессор изображается восседающим на кафедре, перед ним — раскрытая книга; такие же книги — на пюпитрах перед студентами; часть слушателей, склонившись над своими кодексами, тщательно фиксирует слова профессора (что особенно хорошо видно в случае надгробия Бонифацио Галлуцци), другие (немногие) — обсуждают услышанное с сидящими рядом, но каламы (палочки для письма) в их руках свидетельствуют о готовности в любой момент последовать примеру своих товарищей и зафиксировать важные мысли в своих экземплярах книги.

О том, сколь глубокие корни болонская дидактическая практика пустила на землях Кастилии и Леона, свидетельствуют не только нормативные, но и документальные источники. Так, в Саламанкском университете XIV в. мы видим испытания на получение ученой степени, проводимые по болонской методике не только для юристов — цивилистов и канонистов, но и для богословов, а также для преподавателей «искусств». В любом случае, действовали единые нормы: от желающих получить степень требовались положительная репутация, наличие опыта преподавания и проведение открытых лекций; итоги подводились специальной комиссией. Порой в качестве соискателей выступали опытные преподаватели, как это видно, например, в случае некоего профессора теологии Томаса (Фомы) Португальского,

члена францисканского ордена, учившегося «искусствам» и богословию в Англии и Франции (Париже), некоторое время перемежавшего свою учебу с преподаванием и участием в обязательных профессорских диспутах в Португалии, Париже и Саламанке, вновь в Португалии, откуда перебрался в родную (?) Англию, в Кембридж, и, наконец, удостоенного права пройти испытание на получение магистерской степени в Тулузе, представ перед комиссией в составе четырех магистров, что следует рассматривать как обычную практику⁹⁰. Сам по себе этот пример отнюдь не единичен, хотя найти другого члена профессорской корпорации со столь же «извилистой» карьерой «приглашенного преподавателя» совсем не просто⁹¹.

Документы из папских архивов дают и другие примеры аналогий дидактических практик в Болонье, с одной стороны, и Кастилии и Леоне (прежде всего — в Саламанке) — с другой. В частности, это касается отмеченной выше формы употребления слова *legere*. Так, в документе 1375 г. упоминается преподающий в Болонье каноническое право — *in decretis in studio*

⁹⁰ Bull.Salam. P. 415–416, doc. no. 136 (a. 1371): dil. fil. Thomas Portugalen., ordinis fratrum minorum professor, pluribus annis in ipso ordine et maxime in partibus Angliae artes et theologiam audiverit, et deinde in provincia Portugaliae secundum morem dictis ordinis dictas artes pluribus annis legerit, et demum in studio Parisien. ad quod acceperat hujusmodi theol. Facultatem annis pluribus audiverit, ac subsequenter in studio Salamantino duobus ut baccalarius et tribus annis ut lector legerit, disputaverit actusque scholasticos publicos atque multos in eadem universitate fecerit; et subsequenter Parisiis ad hoc canonice electus redierit, et in predicta universitate Parisien. sermones et disputationes plures fecerit; et demum ad partes Portugaliae rediens, in generali capitulo ejusdem ordinis electus fuerit ad legendum librum sententiarum in studio Cantabrigiae, Elen. dio., ut post licentiam magistrarium in sacra pagina obtinere valeret: nos volentes eundem Thomam, apud nos de religionis zelo, litterarum scientia, vitae ac morum honestate et aliis probitatis et virtutum meritis multipliciter commendatum, horum intuit, necnon consideratione carissimi in Christo filii nostri Fernandi regis Portugaliae illustris, nobis super hoc humiliter supplicantis, favore prosequi gratiae specialis, hujusmodi ipsius regis ac dicti Thomae in hac parte supplicationibus inclinati, discretion tuae, de qua in his et aliis specialem in Domino fiduciam obtinemus, per apostolica scripta committimus et mandamus quatenus eidem Thomae, si ipsum ad hoc per diligentem examinationem idoneum esse reperitis, legendi praedictum librum sententiarum in studio Tolosano in aestate proxime future vel in una alia, prout eidem Thomae placuerit, auctoritate apostolica licentiam largiaris. Et subsequenter, si post hujusmodi lectionem dictus Thomas per tuam et aliorum saltem quattuor magistrorum in facultate praedicta diligentem examinationem ad hoc idoneus et sufficiens repertus fuerit, ei magisterii honorem et docendi licentiam in hujusmodi facultate theologiae, servatis tamen constitutionibus Viennen. concilii et aliis solemnitatibus consuetis, auctoritate apostolica absque moris dipendio concedes, ita tamen quod ex hoc praefatus ordo ad praestandum aliquid eidem Thomae pro suis expensis vel aliis necessariis ratione dicti magisterii ultra que antea minime teneatur: non obstan. quibusque privilegiis...

⁹¹ О подготовке и проведении магистерского экзамена см., напр.: Bull. Salam. P. 427–428, doc. no. 153 (a. 1378); Ibid. P. 431, doc. no. 157 (a. 1380); P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386) etc.

Bononien. legisti, — некий лицензиат-канонист явно испанского происхождения по имени Хуан Санчес, получивший каноникат и пребенду в Толедо⁹². Аналогичным образом деловая латынь обозначает и профессиональную деятельность коллег этого Хуана Санчеса непосредственно в Кастилии и Леоне, как мы видим это, например, в случае некоего канониста, францисканца Диего из Валенсии, соискателя ученой степени, ранее преподававшего в Леоне и Саламанке, а также целого ряда других профессоров, фигурирующих в папских документах⁹³. Соответственно, учебная деятельность студентов, помимо обобщающего *studere*, обозначается более конкретным *audire*⁹⁴, подчеркивающим процесс восприятия профессорского «чтения» на слух; при этом оба глагола нередко употребляются как прямые синонимы: *studuit et audivit leges*.

Сказанное делает вполне понятным появление маргиналий — записей, помет, рисунков на полях рукописей, а также над и под основным текстом Юстинианова права и глоссы (которая с течением времени занимала все больше места). В совокупности маргиналии такого рода являются важным источником по истории средневековых университетов, в том числе — в Кастилии и Леоне. В целом ряде изученных мной рукописей СИС, хранящихся в испанских собраниях (Национальной библиотеке, библиотеке капитула Толедского собора, Королевской библиотеки Эскориала), части, содержащие LF (в особенности ее начальные титулы), буквально испещрены студенческими заметками. Особенно это характерно для толедской (неоспоримо болонской по происхождению) рукописи Ms.36-1 (XIV в.), двух эскориальских рукописей (Escor. V.I.1; Escor. V.I.6 (обе — XIV в.)) (из которых последняя также скопирована в Болонье, а в отношении первой это можно утверждать с меньшей уверенностью, поскольку содержащиеся в ней текст и миниатюры отмечены влиянием нескольких центров), а также рукописи Ms. 15461 из собрания Фонда Х. Ласаро Гальдиано (тоже происходящей из Болоньи).

И, наоборот, особняком от них находится более ранняя (и, по всей видимости, также скопированная в Болонье) толедская рукопись Ms.36-2 (XIII в.), в которой LF занимает fols. 151r — 166r (остальная часть кодекса: Институции Юстиниана (fols. 1r — 46v), Аутентики (fols. 46v — 140v), три

⁹² Ibid. P. 423–424, doc. no. 148 (a. 1375).

⁹³ См., напр.: Ibid. P. 427–428, doc. no. 153 (a. 1378); Ibid. P. 462, doc. no. 177 (a. 1381); P. 463–464, doc. no. 178 (a. 1386) etc.

⁹⁴ Ibid. P. 467, doc. no. 182 (a. 1387) per quinque annos in iure civili studuit et audivit leges in studio Salamantin.; Ibid. P. 474, doc. no. 192 (a. 1389): per biennium iura canonica in studio Salamantin. audivit; P. 480, doc. no. 204 (a. 1391) etc.

последние книги Кодекса Юстиниана (fols. 157r — 195v), «Ординарная глосса» ко всему тексту). Эта рукопись едва ли использовалась в процессе преподавания: пометы на ее полях хотя и присутствуют, но явно немногочисленны и сделаны рукой писца, копировавшего основной текст и относящуюся к нему часть глоссы (см., например: fols. 141r, 142v, 143r etc.).

Обращает на себя внимание идентичность текста LF, содержащегося в этой рукописи, с той его версией, которая представлена в явно болонской по происхождению другой толедской рукописи — Ms.36-1. Если бы она не относилась к более позднему времени (XIV в.), можно было бы предположить, что копия сделана именно с нее. Обращает на себя внимание строгое следование *LF-Vulgata*, при отсутствии сколь-нибудь заметных отличий от версии, представленной в издании К. Леманна. В обоих кодексах за LF следуют Амальфийские конституции императора Священной Римской империи Фридриха II, что является нормой: то же самое характерно и для структуры двух эскориальских кодексов.

Явным антиподом толедской рукописи Ms.36-2, почти лишенной маргиналий и явно не использовавшейся в процессе преподавания, при ближайшем рассмотрении оказывается рукопись Ms. 15461 из Архива Фонда Ласаро Гальдиано (Мадрид)⁹⁵. Она представляет собой относительно небольшой фрагмент все той же пятой части средневековой версии CIC — 10 пронумерованных позднейшими владельцами листов (fols. 1r — 10v), содержащих весь текст LF, за исключением первых четырех с половиной титулов первой книги. В целом, текст соответствует версии *LF-Vulgata*, однако порядок титулов большей части второй книги (той, что следует после LF.I.5 — II.4 (fol. 1r — 3v)) явно нарушен. Полностью отсутствует титул LF.II.6, а LF.II.5 и LF.II.7 (fol. 3v) представлены в более ранней версии (*Antiqua* по терминологии К. Леманна). Затем следуют титулы LF.II.8—22, вслед за которой помещен титул LF.II.9 той же «Обертины», а за ними — LF.II.23—26, после чего изложение обрывается на начальной части LF.II.27 (fol. 3v). Далее пропущен целый лист, так как затем помещен титул LF.II.37—55(56) (за исключением LF.II.52 (53), о которой см. далее) (в нумерации К. Леманна). За ним следует ранее пропущенный титул LF.II.6, а далее — LF.II.57(58) (листы 9v — 10r). Затем идет конституция германского императора Конрада II (1037 г.) (fol. 10r)⁹⁶, не включающаяся в современные издания LF⁹⁷, но

⁹⁵ Общие сведения об этой рукописи см.: <http://www.bibliotecalazarogaldiano.es/115641.html> (дата обращения: 05.05.2014).

⁹⁶ Полный текст см.: MGH: LL. T. 2. Hannoverae, 1837. P. 39—40.

⁹⁷ См.: *Consuetudines feudorum...* Ed. K. Lehmann; *Consuetudines fevdorum // Montorzi M. Diritto feudale nel Basso Medioevo...*

в средневековом СИС открывавшая комплекс императорских конституций, служивших своеобразным приложением памятника⁹⁸. Последней в исследуемой рукописи стоит начальная часть LF.II.52(53) — конституция германского императора Лотаря III (1136 г.) (10r)⁹⁹; последний лист рукописи (10v) целиком занимают позднейшие пометы, сделанные готическим курсивом. «Ординарная глосса» представлена лишь частично (листы 1r — 7r); без глоссы в рукописи даны титулы LF.II.40 и все последующие.

Подобная структура (за исключением, разумеется, выпущенного листа между fol. 6v и 7r) не могла быть случайной. Она объясняется не только временем и неизвестными мне местными условиями, следствием которых стало включение в текст фрагментов более ранней редакции, но и возможной невнимательностью копииста, а также — и в данном случае именно это и кажется наиболее интересным! — фигурой заказчика. По всей видимости, в этой роли выступал небогатый студент, который не мог оплатить писцу необходимый текст полностью и был вынужден ограничиться наиболее важными фрагментами. В пользу этой гипотезы свидетельствуют как обширные по объему пометы, сделанные готическим курсивом, так и наличие рисунков явно студенческого происхождения (fols. 2r, 9r (2 рисунка), 9v, 10v (набросок) (не считая помет-манусов: fol. 2r, 5r, 5v, 6r, 6v, 8v, 9r).

К сожалению, ничего более точного о рукописи сказать нельзя: ее происхождение неясно. Мы знаем лишь, что для Архива она была приобретена основателем Фонда — мадридским банкиром и коллекционером Хосе-Ласаро Гальдиано (1862–1947), страстным любителем и собирателем древностей, стремившимся не столько к системному представлению конкретных сюжетов, сколько к объединению в рамках своей коллекции наиболее ярких, заметных вещей (что, судя по экспозиции Музея Фонда, ему в значительной степени удалось).

Однако, даже если сохранились бы детальные данные о месте приобретения этой конкретной рукописи, по большому счету, это никак не изменило бы общей ситуации в главном. А именно: уверенно вычленив из общего массива рукописи, несомненно, использовавшиеся в процессе университетского преподавания, — каковыми, из числа известных мне версий LF, хранящихся в испанских собраниях, являются три — Mss.36-1, Escor.V.I.1 и

⁹⁸ Помимо означенной конституции Конрада II, это приложение включало конституции ряда других германских императоров — Генриха VI, Лотаря III, Фридриха I и некоторые другие тексты. См.: *Corpus Juris Civilis Romani...* /Ed. Dionysii Gothofredi. T. 5. Neapoli, 1830. P. 549–553.

⁹⁹ MGH. Legum Sectio, IV. T. 1. Hannoverae, 1893. P. 175–176.

Ms. 15461¹⁰⁰, — я не могу ничего сказать о том, использовались ли эти рукописи непосредственно в Кастилии и Леоне XIII—XIV вв. Ни характер маргиналий, ни какие-либо внешние признаки рукописей не свидетельствуют о том, что их использовали студенты, обучавшиеся не в Болонье или к северу от Пиренеев, а в Паленсии, Саламанке, Вальядолиде или вообще в пределах Кастильско-Леонской монархии.

Кроме того, в большинстве случаев остаются неясными время, в которое упомянутые выше рукописи оказались в Испании, на землях средневековых Кастилии и Леона, а также пути, которыми они в конечном итоге «осели» именно в тех собраниях, где находятся в настоящее время. Впрочем, из этого правила есть счастливые исключения. Так, с высокой долей уверенности можно предположить, каким образом в библиотеку капитула Толедского собора попала упоминавшаяся выше болонская рукопись SIC Ms.36-1 (XIV в.). Дело в том, что в регистрах папской библиотеки зафиксировано данное понтификом подтверждение акта о дарении толедского архиепископа Педро Диаса де Тенорио, который в 1386 г. преподнес свою личную библиотеку капитулу Толедского собора. По данным, собранным В. Бельтраном де Эредиа, это дарение было одним из наиболее щедрых за весь период до конца XV в. Особую ценность ему придает тот факт, что ранее П. Диас де Тенорио в течение некоторого времени являлся ректором Римского университета¹⁰¹; именно в тот период он приобрел значительную часть своего собрания, включавшего книги по богословию, гражданскому и каноническому праву, философии и некоторым другим дисциплинам. Причем даритель не ограничился лишь передачей своих книг; вместе с ними он передал каноникам значительную денежную сумму (тысячу золотых флоринов) для приобретения новых рукописей, а также распорядился выстроить специальное помещение для хранения всех этих книжных богатств¹⁰².

¹⁰⁰ Исследованию этих рукописей я посвятил отдельную работу, которая находится в стадии публикации.

¹⁰¹ *Beltran de Heredia V. Introducción // Idem. Bulario de la Universidad de Salamanca...* Vol. 1. P. 52, 174.

¹⁰² Bull. Salam. P. 463, doc. n. 179 (a. 1386, Avignon): ... quod nuper tu omnes libros tuos tam theologiae ac juris canonici et civilis, necnon philosophiae et aliarum licitarum facultatum, quam divinorum officiorum ac mille florenos auri pro certis aliis libris emendis eccl. tuae Toletan. concessisti et donasti et dilectis filiis capitulo dictae eccl. realiter tradidisti, et quod post hujusmodi alii libri de dictis florenis empti et eisdem capitulo traditi extiterunt, quodque quandam cameram pro ponendis et conservandis debite libris eisdem in dicta eccl. aedificare fecisti, tuque et praefati capitulum disposuisti quod dicti libri in eadem camera ponantur et perpetuo conserventur.

Бонифаций VIII. Фреска Джотто в Латеранской базилике в Риме. 1300 г.

Считать описанный случай правилом было бы, конечно, преувеличением, однако едва ли он был единичным явлением. Кроме того, существовали и другие пути. Так, в отдельных случаях книги рассылались централизованно, как это было, например, с *Liber Sextus* — важным источником канонического права, включившим папские декреты начиная с 1234 г. и помещенным в *Corpus Iuris Canonici* вслед за *Liber Extra* Григория IX. 3 марта 1298 г. буллой *Sacrosanctae* знаменитый Папа-юрисконсульт Бонифаций VIII провозгласил *Liber Sextus* самостоятельным источником канонического права. И уже вскоре книга оказалась в Саламанкском университете: оригинал соответствующего папского послания датируется 23 сентября того же года (местом ее издания назван г. Риети, недалеко от Рима). В данном случае, в отличие от примера с дарением архиепископа Педро Диаса де Тенорио, мы можем уверенно утверждать, что посылаемая книга предназначалась для преподавания изначально. Папа неоднократно подчеркивает, что стремится сделать текст доступным студенческой аудитории: *ut et studiosi per ipsum a voce magistra efficiantur eruditiores*¹⁰³.

¹⁰³ Bull. Salam. P. 326–327. doc. no. 21 (a. 1298): ...ex nonnullis decretalibus praedecessorum nostrorum Romanorum pontificum atque nostris, librum quem annumeratum quemque veteris voluminis decretalium libris Sextum volumus nuncupari, ediderimus, tam ad utilitatem studentium quam ad expediendarum litium compendiosum remedium universitati vestrae per apostolica scripta mandamus quatinus prompto animo summaque ope et alacri studio illum, quem sub bulla nostra inclusum vobis transmittimus susipientes, eo utamini in judiciis et in scholis, ut et studiosi per ipsum a voce magistra efficiantur eruditiores et celeriores iudicia terminum sortiantur.

Последнее явно указывает на факт наличия полноценной системы университетского преподавания, организованной по болонскому образцу. Об этом же свидетельствует и относительная многочисленность книг по римскому и каноническому праву в Кастилии и Леоне XIV в., которые не могли предназначаться исключительно для придворных легистов и практикующих юристов. Наши источники не позволяют уверенно судить о степени прочности университетских традиций в Кастилии и Леоне XIII–XIV вв. Содержащаяся в них косвенная информация свидетельствует скорее о сложности и даже драматизме периода становления, когда вновь возникавшие очаги академической культуры могли исчезнуть едва ли не в любой момент, и порой — без шансов на будущее возрождение. Однако вновь создаваемые кастильские и леонские университеты не только сталкивались с серьезными препятствиями, но и получали значительную поддержку со стороны самых могущественных политических субъектов того времени — папской и королевской власти, заботившихся о том, чтобы болонское начинание не исчезло, а принесло плоды на пиренейской почве.

О внимании к университетам со стороны Пап XIII–XIV вв. выше говорилось немало. Теперь следует сосредоточиться на характеристике роли королей Кастилии и Леона того времени. По меньшей мере, один из них — Альфонсо X Мудрый — обладал четким видением того идеала, к которому должны были стремиться университеты его королевства. Этот идеал отражал специальный титул из «Семи Партид» (Part.II.31), специально посвященный организации университетской жизни. О нем и пойдет речь ниже.

3. Образ жизни: идеальный университет в зеркале «Семи Партид» Альфонсо X Мудрого

3.1. Титул Part.II.31 и проблема реконструкции идеальной модели университета (источниковедческие замечания)

Время составления отдельных частей «Семи Партид» до сих пор остается предметом дискуссий. Проблема заключается в том, что первые полные рукописи памятника появляются лишь к середине XIV в.¹⁰⁴ Однако в случае интересующих меня норм Второй Партиды, касающихся организации университетской жизни, существуют серьезные основания утверждать, что они были сформулированы в эпоху Альфонсо X и при его личном участии. И не в последнюю очередь об этом свидетельствуют документы из папских

¹⁰⁴ См., напр., об этом: Маре́й А.В. Язык права средневековой Испании... С. 28–31.

Альфонсо VIII Кастильский. Миниатюра XIII в.

и университетских архивов, подтверждающие личный вклад «мудрого короля» в дело становления университетов в Кастилии и Леоне.

Насколько можно понять из текстов папских грамот, именно кастильскому королю принадлежала инициатива возрождения переживавшего период упадка Саламанкского университета, в апреле 1255 г. всецело поддержанная посланием Папы Иннокентия IV¹⁰⁵. В октябре того же года Альфонсо X добился разрешения следующего Папы — Александра IV, позволившего всем клирикам королевства (кроме регулярных) обучаться в Саламанке гражданскому праву и тем самым способствовавшего притоку студентов в возрожденный *studium generale*¹⁰⁶. Наконец, в июне 1260 г. тот же Папа специальным посланием поддержал другую королевскую инициативу — учреждение школы латинского и арабского языков в Севилье¹⁰⁷.

Еще более интересную картину отношения «мудрого короля» к делу становления и развития университетского образования в Кастилии и Леоне рисуют королевские грамоты. Оказывается, уже вскоре после своего вступления на престол в 1252 г. молодой правитель издал два документа, непосредственно посвященные Саламанкскому университету. В первом из них,

¹⁰⁵ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 10 (a. 1255, Napoli): apud Salamaticam civitatem ... generale studium statuisti.

¹⁰⁶ Ibid. P. 323, doc. no. 16 (a. 1255, Anagni).

¹⁰⁷ Ibid. P. 323, doc. no. 17 (a. 1260, Anagni).

датированном 9 ноября 1252 г., Альфонсо X приказывает консехо г. Саламанки защищать права магистров и студентов, подтвердив привилегии, ранее пожалованные университету Альфонсо VIII и Фернандо III¹⁰⁸. Следующим днем — 10 ноября 1252 г. — датируется второе королевское послание саламанкской территориальной общине, запрещающее горожанам предоставлять оружие и оказывать помощь студентам, склонным к буйному поведению и дракам (*peleadores*). Впредь подобная практика запрещалась под страхом выплаты штрафа в 100 мараведи в пользу короля¹⁰⁹.

Однако наибольшую значимость имело третье королевское постановление, провозглашенное полтора года спустя, в мае 1254 г., по просьбе студентов Саламанкского университета (*estudio*), переданной через посредство их представителя (прокуратора). Постановление представляет собой пространную королевскую привилегию, затронувшую главные стороны университетской жизни.

Оно начинается нормами, регламентирующими сдачу студентам жилья в городе для устройства dormitorioв (студенческих общежитий). Запрещалось занимать помещения, ранее арендованные другими студентами. Собственникам домовладений (горожане из числа мирян, каноники или клирики) не разрешалось взвинчивать плату за него свыше 17 мараведи (вероятно, в год): за этим должны были следить особые должностные лица — консерваторы университета (*conseruadores*¹¹⁰ *del estudio*). Кроме того, студенты должны были неукоснительно соблюдать запреты, связанные с отлучением от церкви, наложенные на них местным епископом. К тому же без согласия последнего студенческой корпорации (*vniuersidat*) запрещалось иметь собственную печать (причем местным алькальдам вменялось в обязанность защищать королевские права и привилегии, пожалованные корпорации ранее). Право наказывать студентов — вплоть до заключения в карцер и изгнания из города — отныне предоставлялось ис-

¹⁰⁸ La Fuente. Apénd. P. 294, doc. no. 5 (a. 1252, Badajoz).

¹⁰⁹ Ibid., doc. no. 6 (a. 1252, Badajoz).

¹¹⁰ От средн. лат. *conservator* — «служащий», «представитель» в широком смысле (вплоть до прокуратора). См.: Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden: Brill, 1979. P. 253–254. Как будет показано ниже, в данном случае речь идет о должностных лицах, позднее именовавшихся *rectores* — ректорами. В папских регистрах, в записях, касающихся Саламанкского университета, термин *conservador* (лат. *conservator*) встречается под 1255 г.; в тот период он обозначал главу университетской администрации, поставленного Папой и изначально имевшего широкие полномочия — вплоть до отлучения от Церкви. См.: ut nullus delegatus vel subdelegatus, executor seu etiam *conseruator* possit auctoritate sedis apostolicae vel legatorum ipsius in universitatem absque speciali mandato sedis ejusdem faciente de indulgentia hujusmodi metionem (Bull. Salam. P. 321, doc. no. 12 (a. 1255, Anagni).

ключительно епископу и старшему магистру (лат. *magister scholarum*, каст. *maestreescuela*), назначавшемуся Папой и имевшему широкие полномочия (в частности, в вопросах о присуждении ученых степеней); правда, преступления, совершенные горожанами против студентов, по-прежнему подлежали суду алькальдов.

Значимость этих норм не подлежит сомнению, однако уступает важности завершающей части документа, которая не только устанавливает четкое штатное расписание, включавшее как профессоров (магистров и бакалавров), так и служащих университета, но и — беспрецедентная норма для XIII в.¹¹¹ — гарантирует университету государственное финансирование, покрывавшее расходы как на выплату должностных окладов, так и на другие статьи, связанные с деятельностью учебного заведения. Размер жалования соотносился со сферой деятельности соответствующего должностного лица. В итоге получалась следующая картина. Для преподавания гражданского права учреждались одна ставка магистра (с оплатой 500 мараведи в год — сумма поистине гигантская!) и одна — бакалавра из числа каноников (которому жалования не полагалось, поскольку он получал доход от своей пребенды). Каноническое право должны были преподавать один магистр-декретист¹¹² (300 мараведи в год) и два магистра-декреталиста¹¹³ (500 мараведи в год). Преподавание «искусств» (*artes*) возлагалось на двух магистров логики (200 мараведи в год) и двух магистров грамматики (200 мараведи в год). Штат служащих включал стационария (100 мараведи в год) (особо оговаривалось, что все имеющиеся у него экземпляры текстов должны быть качественными и точно соответствовать оригиналу), магистра-органиста (50 мараведи в год) и аптекаря (50 мараведи). Консервадорами (ректора-ми) с окладом в 200 мараведи в год назначались сенешаль Арналь и декан Саламанкского собора; кроме того, последний получал еще 200 мараведи для покрытия иных расходов, связанных с деятельностью университета. В целом, королевские расходы на Саламанкский студий должны были, таким образом, составить 2500 мараведи в год, что следует признать весьма значительной суммой; распоряжение этими деньгами поручалось консер-

¹¹¹ Для сравнения: в Болонье первые упоминания о профессорском жалованье фиксированного размера относятся к 1279 г. Но даже тогда речь шла о суммах, выплачивавшихся не государством, а студенческой корпорацией. См.: Bellomo M. *Universidad en la época del Derecho Comun...* P. 153–155.

¹¹² Декретисты преподавали первую часть канонического права — Декрет Грациана; см.: A History of the Universities... Vol. 1. P. 393.

¹¹³ Декреталисты преподавали заключительную часть Корпуса канонического права — папские декреталии (*Liber Extra* Григория IX, *Liber Sextus* Бонифация VIII и др., книги, добавленные в XIV в. и позднее). См.: Ibid.

вадорам, которые становились подотчетными королю и/или назначенному им представителю¹¹⁴.

Очевидно, что именно эти меры, проведенные по приказанию Альфонсо X, и имел в виду Папа Иннокентий IV, заявляя в своем послании королю, датированном 1255 г., что тот фактически «учредил» (*statuisti*) Саламанкский университет. Однако королевская привилегия 1254 г. интересна и в другом отношении: ее содержание свидетельствует о наличии у «мудрого короля» довольно целостного представления об университетской жизни. В этом плане упомянутый выше титул Партид Part.II.31 («Об училищах, в которых получают знания, и о магистрах, и об учащихся»¹¹⁵) оказывается прямым и непосредственным развитием привилегии 1254 г. С той, однако, разницей, что если в первом случае предметом заботы законодателя являлась регламентация жизни реально существующего учебного заведения, то в Партидах в качестве такового предмета выступал университет идеальный, некая обобщенная модель, призванная стать образцом для дальнейшего реформирования существующих студиев и основания новых.

При знакомстве с этой моделью естественным возникают два основных вопроса. Первый — о реальных прототипах (или, по меньшей мере, основном прототипе) идеальной модели. Второй — о степени ее влияния на дальнейшую эволюцию университетов в Кастилии и Леоне. Ниже я постараюсь предложить ответы на оба.

3.2. Место расположения идеального университета

Идеальный характер модели проявляется уже в размышлениях законодателя о месте расположения университета, которому специально посвящен закон 2 («В каком месте следует основывать училища и каким образом должны быть защищены магистры и студенты»)¹¹⁶. Сами по себе размышления о таком месте содержат элемент правовой утопии. Прежде всего, последнее проявляется в замечаниях о том, что в городе, ставшем местом расположения студия, воздух должен быть приятным, а путь к городским воротам (*salidas*) — радовать глаз, «чтобы магистры, дающие знания, и студенты, которые их усваивают, вели в нем здоровую жизнь, и по вечерам, когда утомленными они встанут из-за своих занятий, могли бы предаваться отдыху и наслаждаться окружающим»¹¹⁷.

¹¹⁴ La Fuente. Apénd. P. 295–297, doc. no. 7 (a. 1254, Toledo).

¹¹⁵ Part.II.31: De los Estudios, en que se aprenden los saberes, e de los maestros, e de los escolares.

¹¹⁶ Part.II.31.2: En que logar deue ser establescido el Estudio, e como deuen ser seguros los maestros e los Escolares.

¹¹⁷ Ibid.

Папа римский Иннокентий IV. Портрет XVII в.

Этому закону вторит другой — Part.II.31.5, согласно которому занятия надлежит проводить за пределами города, на открытом воздухе, так, однако, чтобы одни магистры чтением своих лекций не создавали проблем для других, преподающих неподалеку¹¹⁸.

Подобные элегические представления об обучении в окружении живой природы отражают представления, восходящие, по меньшей мере, к платоновскому «Государству», с его рассуждениями об идеальном образовании и воспитании. О том, сколь рано эти представления утвердились на пиренейской почве, свидетельствует, в частности, анонимный трактат «Дисциплины для воспитания» (*Institutionum Disciplinae*), написанный во второй половине VII или в VIII в. и длительное время приписывавшийся Исидору Севильскому. Неизвестный автор, восхвалявший физические упражнения на свежем воздухе, рассматривает их как важное средство воспитания духа ученика и завершает текст прямой ссылкой на своего знаменитого предшественника: «Итак, наконец, каждый, усвоивший столько и таких прекрасных искусств и норм поведения, по праву сможет достичь почестей и власти, чтобы с полным основанием на него распространялось замечательное высказывание Платона: государство управляется правильно тогда, когда правят философы и философствуют правящие»¹¹⁹.

¹¹⁸ Part.II.31.5: En que logares deuen ser ordenadas las Escuelas de los Maestros, o de los Escolares.

¹¹⁹ Inst. Disc.: Sic denique tot tantisque praeclaris artibus moribusque instructus iure quisque ille ad honestatem imperiumque poterit peruenire, ut recte in eo ascribantur praecipua Platonis illa sententia: tunc bene regi rem publicam quando imperant philosophi et philo-

Завершающие замечания законодателя о том, что город, ставший местом расположения университета, должен быть в изобилии снабжен хлебом и вином и располагать достаточным количеством недорогого жилья, подходящего для аренды и образования дормиториев, носят, однако, много более практический характер. Они явно продиктованы реальным опытом университетской жизни и тесно связаны, в частности, с положением рассмотренной выше привилегии 1254 г., предусматривавшим контроль над ценами на аренду жилых помещений, сдаваемых студентам. Не случайно соответствующие положения закона Part.II.31.5 почти полностью воспроизводят эту норму в отношении правил найма жилья, прежде всего — запрета занимать помещения, уже арендованные другими студентами. Очевидно, «плотность» студенческого населения предполагалась весьма значительной даже в идеальном университете.

Впрочем, иное было бы странным: ведь значимость этой проблемы ощущалась и далеко за пределами Испании, в том числе — в самой Болонье, на что, в частности, обращает внимание М. Белломо¹²⁰. Обусловленное же этим избрание специальных должностных лиц для урегулирования проблем, связанных с оплатой жилья, съестных припасов и иных расходов также являлось обычной практикой. В той же Болонье этим занимались так называемые *taxatores hospiciorum*, известные по статутам 1317 и 1347 гг.¹²¹ Таким образом, при ближайшем рассмотрении в утопическом образе идеального местоположения университета оказывается отнюдь не столько утопии, сколько можно было бы себе представить.

Впрочем, это касается и других аспектов университетской жизни, регламентируемых титулом Part.II.31.

3.3. «Училища» «общие» и «особенные».

От «училища» к идеальному университету

Несмотря на то, что рассмотрение образа идеального университета, отраженного в титуле Part.II.31, я начал с проблемы выбора места расположения такового, однако сам законодатель в первую очередь рассуждает о вопросах более общего плана, а именно — с определения понятия *estudio* (дослов-

sophantur imperatores. Русский перевод см.: Аулов О.В. «Дисциплины для воспитания»: малоизвестный педагогический трактат эпохи раннего Средневековья (латинский текст, перевод, комментарии) // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2013. № 1 (28). С. 7–20.

¹²⁰ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 32–33.

¹²¹ Swinges R.Ch. Student Education, Student Life // A History of the University in Europe. T. 1. P. 236–237.

но — «училище»). Рассматривая последнее как «сообщество магистров и студентов, которое создается в каком-либо месте добровольно и со стремлением усвоить знания», составители «Семи Партид» подразделяют училища на «общие» (*estudios generales*) и «особенные» (*estudios particulares*)¹²².

Принципиальное отличие между первыми и вторыми явно свидетельствует об их болонском происхождении: как известно, именно в Болонье университет (*studium generale*) сложился как совокупность отдельных школ — сообществ учеников, объединенных фигурой преподавателя и известных с конца XI — начала XII в.; разумеется, такие учебные заведения изначально были частными и создавались по частной инициативе. В начале XII столетия намечаются изменения: четко фиксируется факт существования школ, специализировавшихся на преподавании права¹²³, состояние университетских дел все менее рассматривается как исключительно частное дело студентов и профессоров. Поворот произошел в середине XII — начале XIII в.: в 1158 г. появилась уже неоднократно упоминавшаяся знаменитая привилегия Фридриха Барбароссы, а к началу следующего столетия в дела управления школами, первостепенная важность которых для города к этому времени стала очевидной, все активнее вмешивались должностные лица болонской коммуны. Лишь с учетом этих фактов можно адекватно понять замечания законодателя об учреждении «особенных» школ по решению прелатов и территориальных общин-консехо, с одной стороны, а «общих училищ» (собственно — университетов) — по указанию Папы, императора (именно так!) или короля¹²⁴. И если причины помещения в этот ряд последнего вполне объясняются тем, что «Семь Партид» относились к королевскому законодательству, то упоминание о Папе и императоре самым непосредственным образом отсылает к политическим реалиям Священной Римской империи, то есть в конечном счете все к той же Болонье.

Исходя из той же болонской модели, несложно объяснить и конкретный перечень специализаций магистров, содержащийся в законе Part.II.31.1: магистры «свободных искусств» (грамматики, логики, риторики, арифметики, геометрии, музыки и астрологии (астрономии)), а также гражданского и канонического права (в последнем случае речь идет исключительно о декретистах — *maestros de decretos*). Такая структура обучения — «семь свободных искусств» (условная классификация дисциплин, выполнявших

¹²² Part.II.31.1: Que cosa es Estudio, e quantas maneras son del, e por cuyo mandado deue ser fecho.

¹²³ См., напр., об этом: Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 1–3; A History of the University in Europe... P. 77–106.

¹²⁴ Part.II.31.1.

вспомогательную роль), а также цивильное (Юстинианово) и каноническое право — характерна в первую очередь для Болонского университета, который в ранний период своей истории представлял собой не что иное, как совокупность правовых школ; важно и то, что в Болонье (а затем, по его образцу, и в Падуе, и в Саламанке) до второй половины XIV в. не практиковалось преподавания богословия¹²⁵; отсюда — и отсутствие упоминаний о преподавании богословских дисциплин в «Семи Партидах».

Интересно сравнить перечень дисциплин, представленный в Part.II.31.1, с тем списком, который содержится в уже неоднократно упоминавшейся привилегии Саламанкскому университету 1254 г. Спектр «свободных искусств», предлагаемых для преподавания студентам, выглядит в последней гораздо скромнее; однако этот факт лишь подтверждает подчиненный характер, который преподавание *artes* носило в Болонье и в университетах, построенных по образцу *alma mater studiorum*.

То же неоспоримое болонское влияние прослеживается и в структуре идеального университета. Содержание уже упоминавшихся выше законов Part.II.31.1 и Part.II.31.5 представляет университет (*estudio general*) совокупностью специализированных школ — цивильного и канонического права, а также «свободных искусств» (с возможной более узкой специализацией в области грамматики, логики, риторики, арифметики, геометрии, музыки и астрологии (астрономии)). Это вполне соотносится с данными документов из Болонского университетского картулярия, касающимися основания отдельных школ-студиев — основных структурных элементов болонского *studium generale*, сообщества школ такого рода. В Болонье начала XIII в. учреждение новых студиев уже не являлось частным делом профессоров; оно подлежало утверждению городскими властями и должно было происходить во дворце коммуны, где глава вновь основываемой школы перед лицом судьи, представлявшего болонского подеста, и в присутствии свидетелей торжественно клялся неукоснительно соблюдать соответствующие положения коммунальных статутов¹²⁶.

Остается заметить, что болонская модель университета как сообщества школ прослеживается на примере отнюдь не только одной Саламанки

¹²⁵ *Life G. The trivium and the Three Philosophies // A History of the University in Europe...* P. 306–309.

¹²⁶ См., напр.: *In palacio comunis Bononiae, in presentia testium rogatorum et vocatorum ... in quorum presentia venit dominus Bonifatius quondam filius domini Odderici Bonicoscilli ante dominum Frassum iudicem domini Guillielmi de Pusterla, volens regere Studium legum, corporaliter iuravit coram predicto domino Frasso iudice potestatis, ita observare et facere, ut in statuto de dominis legum continetur* (Chart. Bonon. P. 33, doc. no. XXXVII (a. 1220)); см. также: *Ibid.* P. 35, doc. no. XXXIX (a. 1221) et al.

Лекция в средневековом университете. Миниатюра 1350-х гг.

второй половины XIII—XIV в. Мы видим ее и в других местах, например в Павии. Так, в послании Папы Гонория III, посвященном организации Паленсийского университета, упоминаются студиумы-школы богословия, канонического права *et aliarum facultatum*¹²⁷. В других буллах (датированных 1220 и 1225 гг.) того же Папы, упорно пытавшегося сообщить дыхание жизни явно умиравшей структуре, упоминаются преподаватели богословия, канонического права, логики, а также искусств (*au(c)torista*)¹²⁸. В итоге школы в Паленсии сохранились (так, например, школа грамматики как отдельная структура упоминается еще и в конце XIV в.¹²⁹), но университетским город не стал.

При ближайшем рассмотрении пример Паленсии оказывается исключением лишь отчасти. Как и в Болонье, в Кастилии и Леоне именно со школ-студиумов и начинался университет, факультетами которого они становились; в частности, папские документы содержат информацию о севильском студиуме, где преподавались латинский и арабский языки¹³⁰,

¹²⁷ Bull. Salam. P. 309, doc. no. 3 (a. 1221): ...in civitate tua scholas theologiae, sacrorum canonum et aliarum facultatum.

¹²⁸ Ibid. P. 308, doc. no. 2 (a. 1220); Ibid. P. 309, doc. no. 4 (a. 1225).

¹²⁹ Ibid. P. 419, doc. no. 140 (a. 1372).

¹³⁰ Ibid. P. 323—324, doc. no. 17 (a. 1260). В дальнейшем центром преподавания восточных языков стала Саламанка, вошедшая в число пяти европейских университетов, в которых в 1312 г. постановлением Вьеннского собора *Inter sollicitudines* были введены курсы еврейского, арабского, а также греческого. См., напр., об этом: *Beltrán de Heredia V. Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218—1600)*. T. 1. P. 100—102.

а также о кордовском, где изучались «искусства» (в том числе — музыка), каноническое и, возможно, гражданское право¹³¹. Однако отдельной школой все могло и закончиться: как известно, ни Севилья, ни Кордова до конца Средних веков в конечном итоге так и не превратились в университетские центры.

Там же, где этого не происходило — и прежде всего в самой Болонье, — уровень школы-студiums оставался ключевым, ведь, собственно говоря, школы и были университетом. Все, что возникало на уровне управления *studium generale* в целом, представляло собой не более чем самоуправляющуюся структуру — университетскую корпорацию как таковую. Все главные проблемы решались на уровне школ; на долю университета-*universitas* изначально оставались вопросы скорее гармонизации, чем унификации норм академической жизни в той мере, в которой это было необходимо; тот факт, что до середины XIII в. университет обходился без статуты, показателен сам по себе¹³².

Сказанное в полной мере поясняет причины, по которым система управления идеальным университетом, отраженная титулом Part.II.31, кажется скорее намеченной, чем детально прописанной, а четко отделить «профессиональных» управленцев от представителей академического сообщества, избранных на общественных началах, порой практически невозможно.

Так, закон Part.II.31.2 упоминает о «представителях» (*mensajeros*) профессоров и студентов, которым гарантируется особая защита и с которых запрещается брать залоги или задерживать их за долги. Содержание еще одного закона — Part.II.31.10¹³³ — позволяет уточнить эту информацию, поясняя, о какого рода *mensajeros* идет речь. Оказывается, в данном случае подразумевается классный надзиратель — педель (лат. *bidellus*¹³⁴). В его обязанности входит в первую очередь распространение всякого рода офи-

¹³¹ Ibid. P. 350, doc. no. 43 (a. 1343, Villanueva); in Corduben. civitate de artibus actu regentis; Ibid. P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386).

¹³² Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 19–52, 187–212; A History of the University in Europe... P. 108–141.

¹³³ Part.II.31.10: «Como todos los Escolares del Estudio ayan un mensajero, e que llaman Bedel, e qual es su oficio».

¹³⁴ П е д е л ь (от пров. *bedel*, восходящего к франкск. **budil*, др.-в.-нем. *bital* — «тот, кто востребует»; ср.: англ. *beadle*, нем. *Pedell*) — в современном языке — надзиратель в учебном заведении. О статусе педелей в Болонском университете XIII в. см., напр.: Pini A.I. Per una storia sociale dell'università: i bidelli bolognesi nel XIII secolo: Il bidello medievale tra università e società cittadina // Annali di Storia delle Università italiane. 1997. No. 1. P. 43–76.

циальной информации, касающейся праздников, продажи книг, организации их копирования в конкретных стациях (лавках стационариев), мест и времени проведения общих собраний, а также экзаменов на получение степени магистра. При этом никакой информации о формах ответственности педеля за выполнение его функций, а также о способах вознаграждения за исполнение его обязанностей не сообщается. Очевидно, что решение всех этих вопросов законодатель оставлял либо за главой школы¹³⁵, по поручению которого иногда действовал педель, либо — главным образом! — за студенческой корпорацией (*universidad*), должностным лицом которой педель и являлся.

Как и в Болонье в ранний период истории *alma mater studiorum*, в титуле Part.II.31 именно студенческая корпорация олицетворяет университет в целом. Показательно, что составители «Семи Партид» не используют термин *universidad* для обозначения преподавательских сообществ, предпочитая в более общем виде именовать их «братствами» (*hermandat*), хотя речь несомненно идет об *universitas* в самом широком смысле. Закон Part.II.31.6¹³⁶, специально посвященный студенческим и преподавательским «братствам», подчеркивает их основополагающую роль при решении вопросов, представляющих общий интерес. Отдельное внимание уделяется проблеме старшины — ректора — и регламентации его полномочий. Из текста закона явствует, что последние касались, по преимуществу, вопросов дисциплины; ректору полагалось: «наказывать студентов, дабы они не создавали группировок и не устраивали драк ни вместе с студентами из разных мест, ни между собой. И чтобы следили за тем, чтобы по отношению к членам корпорации не допускалось бесчестных и незаконных действий. Надлежало также следить, чтобы никто не расхаживал по ночам, но все отдыхали на своих местах на постоянных дворах и предавались исследованиям, и учебе, и добродетельной и честной жизни». При этом, однако, право привлечения студента к ответственности за уголовные преступления сохраняется за судьей.

Уже рассмотренный выше закон Part.II.31.11 позволяет расширить круг полномочий ректора, добавив к ним те, которые касались назначения на должность стационария и организации надзора за его деятельностью (о которых уже подробно говорилось выше). Упомянутый стацио-

¹³⁵ Part.II.31.10: *mayoral del estudio*. Возможно, это должностное лицо в папских грамотах фигурирует под наименованием *administrator studii* (Bull. Salam. P. 397–398, doc. no. 114 (a. 1364); P. 482–483, doc. no. 209 (a. 1391)).

¹³⁶ Part.II.31.6: Como los Maestros, e los Escolares pueden fazer ayuntamiento, e hermandat entre si, e escoger uno que los castigue.

нарий также должен быть причислен к должностным лицам университета, и на этом информация о составе университетской администрации исчерпывается.

Насколько эти сведения соответствовали реалиям университетской жизни Кастилии и Леона? Несомненно, они соотносятся с тем, что нам известно из актового материала, хотя очевидно, что жизнь не стояла на месте и постепенно все в большей мере выходила за рамки модели болонской *alma mater studiorum* на раннем этапе его истории. Об этом свидетельствуют как содержание подробно рассмотренной выше привилегии Альфонсо X, в 1254 г. пожалованной университету Саламанки, так и данные папских грамот.

Выше уже говорилось о том, что именно сложившаяся университетская корпорация, устойчивое академическое сообщество определяло облик Саламанкского университета, по меньшей мере, с середины XIII в. Не случайно именно к корпорации-*universitas* — сообществу магистров, ректоров и студентов — обращаются Папы в своих посланиях: *universitati magistrorum, rectorum et scholarium*¹³⁷. Именно саламанкская *universitas* в 1255 г. получила право присваивать ученые степени и сполна пользовалась этим правом¹³⁸. Именно она, обладавшая всеми признаками юридического лица, включая право на обладание собственной печатью¹³⁹, раз за разом обращалась к Папе с просьбой о предоставлении каноникатов¹⁴⁰, пребенд и бенефициев своим конкретным членам, таковых не имеющим, но обладающим правом на получение вознаграждений за преподавательскую деятельность или на материальную помощь на время учебы¹⁴¹; и Папы нередко шли навстречу таким просьбам¹⁴².

Наконец, именно корпорация-*universitas*, статуты которой впервые упоминаются в доступных мне папских документах в 1393 г.¹⁴³, назнача-

¹³⁷ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255); Ibid. P. 320–321, doc. no. 12 (a. 1255); Ibid. P. 321, doc. no. 13 (a. 1255) etc.

¹³⁸ Ibid. P. 321, doc. no. 15 (a. 1255); Ibid. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255).

¹³⁹ Ibid. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255, Anagni).

¹⁴⁰ То есть должности каноников, со всеми причитающимися им доходами, прежде всего — от пребенд.

¹⁴¹ См., напр.: P. 352, doc. no. 46 (a. 1343, Avignon); P. 359–360, doc. no. 58 (a. 1345, Villanueva) и др.

¹⁴² См., напр.: P. 343–344, doc. no. 34 (a. 1340, Avignon).

¹⁴³ Ibid. P. 495, doc. no. 218 (a. 1393): *statutis dicti studii contrariis*. Самые первые (не сохранившиеся) статуты Саламанкского университета были приняты в 1381 г. См.: *Beltrán de Heredia V. Catulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600)*. Т. 1. Salamanca, 1970. P. 190.

ла и контролировала деятельность ректоров, которых изначально было не менее двух и которые неизменно фигурируют в одном ряду с магистрами и студентами — полноправными членами той же копорации¹⁴⁴. Вместе с тем, однако, тесная связь Саламанкского университета с папским Римом (а позднее — с Авиньоном) предопределила появление ряда должностей, не упоминаемых в «Семи Партидах»; все эти должностные лица назначались либо непосредственно Папой, либо (по его поручению) папскими легатами или епархиальными властями Саламанки. Судя по актовому материалу, к числу таковых относились старший магистр (*magister scholarum*), представитель Папы, ответственный за присвоение ученых званий выпускникам университета, впервые упоминаемый в 1255 г.¹⁴⁵, а также схоластик (*scholasticus*), клирик диоцеза, которому поручался надзор за школами в епархии и соответствующими бенефициями и пребендами¹⁴⁶. Добавлю также, что на рубеже XIII—XIV вв. появились первые сведения о канцлерах университета, ответственных за ведение университетского делопроизводства, однако в доступных мне документах эта должность не упоминается, и потому я ограничусь ссылкой на данные В. Бельтрана де Эредиа¹⁴⁷.

3.4. Профессора идеального университета, их статус и привилегии

Выше уже говорилось о том, что средневековый университет в первую очередь являлся социальным сообществом. И совсем не случайно в то время, как административные структуры — как в реальном университете XIII—XIV вв., так и в его идеальном отражении в титуле Part.II.31, — были прорисованы довольно нечетко, этого не наблюдается применительно к двум основным элементам университетской корпорации — профессорам и студентам, информация о которых отличается высокой степенью конкретности.

Для обозначения представителей профессорского корпуса кастильский законодатель использует термин «магистр» (*maestro*). В широком смысле под ним понимаются преподаватели всех категорий, в узком —

¹⁴⁴ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255); P. 321, doc. no. 13 (a. 1255); P. 352, doc. no. 46 (a. 1343, Avignon); P. 352, doc. no. 47 (a. 1343, Avignon); P. 359–360, doc. no. 58 (a. 1345, Villanueva).

¹⁴⁵ Bull. Salam. P. 321–322, doc. no. 14 (a. 1255); P. 335–336, doc. no. 28 (a. 1333).

¹⁴⁶ Bull. Salam. P. 333–334, doc. no. 26 (a. 1321).

¹⁴⁷ См., напр., об этом: *Beltrán de Heredia V. La cancellería de la Universidad de Salamanca // Salmanticensis. 1954. N. 1; Idem. Catulario de la Universidad de Salamanca (1218–1600). T. 5. Salamanca, 1973. P. 9–10.*

лица, получившие официальное разрешение (*licençia*) на преподавание, то есть ученую степень¹⁴⁸ и являющиеся главой собственной школы (в Болонье для наименования таковых в XII–XIV вв. использовали характерное понятие *dominus*).

Порядок проведения экзамена на степень магистра, регламентируемый законом Part.II.31.⁹¹⁴⁹, частично уже рассматривался мной выше, там, где речь шла о принципах университетского преподавания, поэтому ограничусь лишь краткими замечаниями. В качестве претендентов выступали лица, ранее прошедшие полный курс обучения и зарекомендовавшие себя с положительной стороны; использование законодателем понятия *discipulo* позволяет предположить, что, помимо учебного курса, студент должен был пройти некую дополнительную «подготовку к профессорскому званию», соотносимую со статусом современного аспиранта. Кроме того, необходимо было обладать положительной репутацией и хорошими манерами. Лицо, удовлетворяющее этим требованиям, допускалось к чтению нескольких открытых лекций (их тематика определялась по выбору самого претендента). В процессе их чтения следовало проявить хорошее понимание текста и глоссы по избранной дисциплине, умение достойно держаться за кафедру, а главное — ораторские способности и профессиональную компетентность при ответах на заданные вопросы и высказанные замечания. Окончательное решение принималось комиссией, состоящей из опытных профессоров, глав собственных школ, обсуждение в которой было тайным. В случае, если соискатель степени признавался достойным ее, он должен был принести клятву в том, что будет добротнo и верно преподавать свою дисциплину, что ни лично, ни через другое лицо не пытался воздействовать на решение комиссии путем дачи взятки и что он никогда не сделает этого в будущем.

В целом, описанная процедура проведения экзамена совпадала с порядком, действовавшим в Болонье, а также в тех университетах, которые восприняли ее модель. Изначально экзамен на получение *licentia docendi* (одновременно являвшийся выпускным) проводил сам читавший курс преподаватель. Однако уже в 1219 г. Папа Гонорий III специальной буллой возложил обязанность приема экзамена на архидьякона Болоньи, что было призвано обеспечить независимость принимаемого решения. В дальнейшем болонский архидьякон превратился в председателя комиссии, процедура

¹⁴⁸ Part.II.31.9.

¹⁴⁹ Part.II.31.9: Como deuen prouar al Escolar que quiere ser Maestro, ante que le otorguen licencia.

Папа римский Гонорий III. Гравюра XVII в.

деятельности которой постоянно усложнялась и во второй половине XIII в. была приблизительно такой, которая описана в Part.II.31.9 (что, впрочем, не являлось конечной точкой процесса совершенствования деятельности рассматриваемого учреждения)¹⁵⁰.

К сожалению, сравнить детали процедуры приема экзаменов с той, которая реально практиковалась в университетах Кастилии и Леона в исследуемый период, не представляется возможным из-за отсутствия источников: приходится ограничиться лишь замечанием о том, что комиссия должна была состоять не менее чем из трех-четырех опытных профессоров¹⁵¹. Так или иначе, можно уверенно утверждать, что сдача квалификационных экзаменов в Саламанке стала будничным делом после того, как в 1255 г. Папа Александр IV пожаловал местной университетской корпорации право присваивать ученые степени, с их обязательным признанием всюду, кроме Парижского и Болонского университетов¹⁵². Начиная с этого времени папские регистры упоминают о соответствующих процедурах многократно: экзамены на получение ученой степени сдаются по

¹⁵⁰ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 239–240, 245–257; Vergier J. Teachers // A History of the University in Europe... P. 145–147.

¹⁵¹ См., напр.: ...et post quattuor, saltim trium, in ejusdem juris facultate magistrorum diligentem examinationem, ad gradum et honorem magisterii facultatis ejusdem suscipiendi sufficientes et idoneas repereris... (Bull. Salam. P. 431, doc. no. 157 (a. 1380)); ...si post diligentem examinationem quatuor magistrorum in eadem theologia ad hoc sufficiens et idoneus repertus extiteris... (Bull. Salam. P. 462, doc. no. 177 (a. 1381)) etc.

¹⁵² Ibid. P. 322–323, doc. no. 15 (a. 1255).

цивильному и каноническому праву, богословию, а также «искусствам». Причем добиться права допуска к ним с течением времени оказывалось все сложнее: неоднократно встречаются упоминания о соискателях, к моменту получения степени уже имевших педагогический стаж три-пять лет и более¹⁵³.

Успешно прошедший экзамен и получивший *licentia docendi* обрел права магистра и мог начинать преподавательскую карьеру, избрав направление профессиональной специализации. Согласно закону Part. II.31.3¹⁵⁴ такая специализация была делом обязательным, хотя составители «Семи Партид» и допускали возможность определенных послаблений: «Но если для всех наук не смогут найти магистров, то достаточно, чтобы были магистры грамматики, логики, риторики, гражданского и канонического права».

Уровень оплаты труда профессора, размер которого должен был устанавливаться королем¹⁵⁵, зависел от преподаваемой им дисциплины. В отличие от рассмотренной выше саламанкской привилегии 1254 г., в данном случае законодатель не устанавливает конкретного размера оплаты, а ограничивается лишь констатацией различий ее уровня, а также порядка выплаты жалованья, которое следовало выдавать тремя частями: одна — непосредственно вслед за началом чтения курса (*estudio*), вторая — в Пасху, а третья — летом, в праздник святого Иоанна Крестителя¹⁵⁶.

И термин, используемый для обозначения профессорского жалованья (каст. *salario* < лат. *salarium*), и порядок его выплаты явно ориентированы на всё ту же болонскую модель, в рамках которой происходил постепенный переход от индивидуального размера и порядка оплаты согласно частной договоренности между профессором и студентом (*collecta*) к единой тарифной сетке (*salarium*), изначально утвердившейся в университетах Южной Италии и в Неаполе и окончательно введенной в Болонье статутом 1252 г.¹⁵⁷ Отход от системы *collecta* объяснялся резко негативной позицией Церкви, осуждавшей восприятие образования как

¹⁵³ Ibid. P. 335–336, doc. no. 28 (a. 1333); Ibid. P. 398–399, doc. no. 115 (a. 1364); Ibid. P. 415–416, doc. no. 136 (a. 1371); Ibid. P. 427–428, doc. no. 153 (a. 1378); Ibid. P. 431, doc. no. 157 (a. 1380); Ibid. P. 453–454, doc. no. 165 (a. 1381); Ibid. P. 462, doc. no. 177 (a. 1381); Ibid. P. 462–463, doc. no. 178 (a. 1386); Ibid. P. 479–480, doc. no. 203 (a. 1391); Ibid. P. 549–550, doc. n. 310 (a. 1402).

¹⁵⁴ Part. II.31.3: Quantos Maestros deuen ser en el Estudio general, e a que plazos deuen ser pagados sus salarios.

¹⁵⁵ Ibid.: ...e los salarios de los maestros deuen ser establescidos por el Rey.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 143–148.

коммерческой услуги. Специально посвященные этому вопросу каноны III и IV Латеранских соборов запрещали взимать плату как с бедных учеников, так и за получение права на преподавание¹⁵⁸. И хотя, строго говоря, эти нормы не касались университетов, а распространялись лишь на епархиальные школы, однако было немало желающих придавать им расширенное толкование¹⁵⁹.

Соответственно, порядок оплаты труда профессоров за счет средств, выделенных королевской властью, предусмотренный в привилегии Альфонсо X от 1254 г., следует рассматривать как закономерное проявление системы *salarium*. В реальности, однако, отнюдь не король выступал спонсором университетов Кастилии и Леона: эту роль в рассматриваемый период неизменно выполняла Церковь (по меньшей мере — применительно к профессорам из среды духовенства). Так, уже в 1220 г. в послании знати и консехо Паленсии Папа Гонорий III требовал, чтобы в течение пяти лет четвертая часть «третей»¹⁶⁰ тратилась на восстановление *studium*, основанного королем Альфонсо VIII, и зарплату магистров; распределение собранных средств вменялось в обязанность местному епископу; в штат студия должны войти богослов, канонист, преподаватели логики и «искусств»; через пять лет новым посланием этот порядок был продлен и на следующее пятилетие¹⁶¹.

Однако система не прижилась. Среди прочего, об этом свидетельствует и попытка взять университеты на содержание Короны (привилегия Альфонсо X от 1254 г.), которая также не увенчалась успехом. И лишь в середине — второй половине XIII в. окончательно сложилась новая, судя по всему — более совершенная, система материального обеспечения как профессоров, так и студентов. Наиболее ранний из известных мне документов, позволяющих представить особенности этой новой системы, датируется 1260 г. Речь идет о папском послании персоналу вновь основанного Альфонсо X *generale studium* в Севилье, в котором Папа Александр IV пожаловал его персоналу из числа клириков право взимать доходы со своих пребэнд и церковных бенефициев «так же, как это делают профессора и студенты других училищ» — *sicut percipiunt clerici suarum praebendarum et beneficiorum proventus qui docendo et studiando aliis studiis generalibus immorantur...*¹⁶². Все

¹⁵⁸ Conc. Lateran.III (a. 1179). can. 18; Conc. Lateran.IV (a. 1215). can. 11.

¹⁵⁹ Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común... P. 143–148.

¹⁶⁰ Часть десятины, остававшаяся в распоряжении приходского священника и использовавшаяся для ремонта и содержания церкви.

¹⁶¹ Bull. Salam. P. 308, doc. no. 2 (a. 1220). P. 309, doc. no. 4 (a. 1225).

¹⁶² Ibid. P. 323–324, doc. no. 17 (a. 1260).

содержание буллы свидетельствует о том, что описанный порядок является обычным, прочно установившимся. Свидетельство тому — десятки записей в папских регистрах о выделении пребэнд и бенефициев как профессорам, так и студентам различных учебных заведений Кастилии и Леона второй половины XIII—XIV в.¹⁶³

Очевидно, что в конечном итоге следствием введения этого принципа оплаты труда стало улучшение материального положения профессоров точно так же, как это в конечном итоге произошло и у их болонских коллег, отказавшихся от *collecta* в пользу *salarium*. Статус преподавателя (особенно — юриста-цивилиста) становился все более выгодным. Дополнительную привлекательность ему создавала система особых льгот и привилегий.

Частично я уже касался этого вопроса выше, говоря о влиянии привилегии, пожалованной болонской *alma mater studiorum* императором Фридрихом I в 1158 г. и ставшей отправным пунктом формирования привилегированного правового положения университетских профессоров. Рассматривая ее нормы как образец, составители «Семи Партид» предусмотрели не только льготный правовой режим для членов университетской корпорации, но и право особого суда по гражданским делам, судьями в котором выступали преподаватели¹⁶⁴. Особенно же обширные льготы получили преподаватели гражданского права, привилегиям которых законодатель посвятил целый закон — Part.II.31.8¹⁶⁵.

Главным прототипом этого закона стала конституция императоров Феодосия II и Валентиниана III, изданная 15 мая 425 г. (на что в своем комментарии указывает и Гр. Лопес). Она вошла в состав Кодекса Феодосия (C.Th. VI.21.1), однако ее текст был, скорее всего, известен составителям Партид по версии, вошедшей в состав Кодекса Юстиниана (C.XII.15.1). В первоначальном варианте конституция имела следующий текст:

«Императоры Феодосий Август и Валентиниан Цезарь Феофилу, префекту города. Грамматики-грецистов Гелладия и Сириана, латиниста Феофила, софистов Мартина и Максима, а также правоведа Леонтия, Нам угодно почтить императорскими указами (*honorari codicillis*) о присвоении им ныне Нашим Величеством звания комитов первого ранга, так, чтобы они получили достоинство экс-викариев. С учетом этого, все другие, кто впредь будут назначены для ведения этого рода преподавания, так что все обучаю-

¹⁶³ Ibid. P. 334, doc. no. 27 (a. 1323, Avignon); P. 343–344, doc. no. 34 (a. 1340, Avignon); P. 358, doc. no. 55 (a. 1345, Avignon); P. 359–360, doc. no. 58 (a. 1345, Villanueva); P. 360, doc. n. 60 (a. 1346, Avignon) и др.

¹⁶⁴ Part.II.31.2.

¹⁶⁵ Part.II.31.8: Que honrras señaladas deuen auer los Maestros de las Leyes.

Папа римский Александр IV. Гравюра XVII в.

шие, если, в силу безупречности поведения, они ведут жизнь, достойную похвалы, если они проявят глубокие знания в том, чему обучают, красноречие в чтении лекций и объяснении материала, а также изысканную тонкость в рассуждениях, и будут сочтены достойными в собрании именитейших, те, кто будут занимать должность в означенном сообществе преподавателей, а именно, когда они достигнут двадцатого года в добросовестном служении и ревностных преподавательских трудах, пусть они удостоятся того же достоинства, что и мужи, названные выше. Дано в мартовские иды, в Константинополе, в 11-е консульство Феодосия Августа, совместное с Валентинианом Цезарем».

Очевидно, что на составителей Партид в первую очередь повлияла сама идея предоставления особых привилегий профессорам права. Соответственно, закон Part.II.31.8 начинается с панегирика этой дисциплине: «Изучение гражданского права — это как бы источник справедливости, и мир пользуется им в большей мере, чем другими науками». Далее, со ссылкой на авторитет римских императоров (разумеется, вполне обоснованно) говорится о пожаловании преподавателям-цивилистам привилегий четырех типов: во-первых, право называться магистрами, рыцарями (обыгранное римское *equites*, переведенное с латинского как *cavalleros* — «всадники», но также и «рыцари») и «сеньорами гражданского права»; во-вторых, особо уважительное отношение к магистрам-цивилистам со стороны их коллег-судей; в-третьих, право беспрепятственной аудиенции у императоров, королей или князей, за исключением особых случаев; в-четвертых, наконец, по истечении двадцатилетнего срока руководства собственной школой, право на получение почестей, полагающихся графу (обыгранное при переводе лат. *comes* — собствен-

но, «комит»¹⁶⁶). Наконец, все магистры (а не только цивилисты) согласно закону Part.II.31.8 освобождались от платежей (*pescho*) и военной повинности.

Болонские истоки этой нормы не подлежат сомнению: имя императора Феодосия II пользовалось там особым авторитетом, поскольку в начале XIII в. среди болонских юристов получила распространение приписанная ему норма, полностью фальсифицированная и ложно датированная 433 г. Ее смысл сводился к констатации непрерывности преподавания права в Болонье начиная с римских времен: *studium incorruptum et inviolatum semper... debet permanere*¹⁶⁷. Соответственно, подлинная привилегия 425 г. рассматривалась как несомненное продолжение этих слов.

Что же касается конкретных правовых реалий, зафиксированных документами, то выше уже говорилось о привилегиях Альфонсо X Саламанкскому университету 1252–1254 гг. Судя по содержанию регистров папской канцелярии, Папы не отставали от королей в том, что касалось возвышения академического сословия. Так, предоставив в 1255 г. университетской корпорации Саламанки право иметь собственную печать (между прочим, вопреки королевскому запрету!)¹⁶⁸, Александр IV пошел еще дальше в противостоянии Альфонсо X и в том же году пожаловал университету привилегию, запрещающую любому папскому легату (не говоря уже об архиепископе Саламанки) отлучать университет от Церкви, на время или навсегда без специального приказа Папы, и вскоре продублировал эту норму; более того, следующим посланием тот же понтифик дал саламанкскому старшему магистру право снимать отлучения, наложенные на студентов и профессоров, при условии возмещения ущерба и совершения других необходимых действий лицом, попавшим под отлучение¹⁶⁹.

Саламанкский университет, получивший столь значительные привилегии, вовсе не был абсолютным исключением из правил. Наоборот, привилегированное положение профессорского корпуса, насколько можно судить по доступным мне документам, являлось абсолютной нормой. Не случай-

¹⁶⁶ Прототип этой нормы — упомянутая выше конституция из Кодексов Феодосия и Юстиниана, которая жалует отличившимся преподавателям знаки достоинства комита. См.: CTh. VI.21.1; C. XII.15.1.

¹⁶⁷ См., напр., об этом: *Bellomo M. La Universidad en la época del Derecho Común...* P. 139–141.

¹⁶⁸ Bull. Salam. P. 320, doc. no. 11 (a. 1255).

¹⁶⁹ Ibid. P. 320–321, doc. no. 12 (a. 1255); Ibid. P. 321, doc. no. 13 (a. 1255); Ibid. P. 321–322, doc. no. 14 (a. 1255).

но Папа Урбан IV, мечтавший о восстановления университета в Паленсии, среди прочего, пожаловал его магистрам и студентам такие же привилегии (*privilegiis, indulgentiis, libertatibus et immunitatibus*), которыми на момент издания буллы обладали магистры и студенты Парижского и других университетов¹⁷⁰.

И хотя никаких деталей в данном случае узнать невозможно, главное не вызывает сомнений: речь идет о еще одном законодательном акте, развешивающем дух и букву болонской привилегии 1158 г.

3.5. Студенты идеального университета, их статус и привилегии

В законах, составивших титул Part.II.31, студенты и преподаватели, как правило, предстают как члены единой университетской корпорации, о чем уже говорилось выше. Немало общего прослеживается и в привилегиях, которые студенты, наряду с преподавателями, получали в составе такой *universitat(d)*, вплоть до права получения пребенд и бенефициев для получения содержания в период учебы, чем активно пользовались студенты из духовной среды (в противовес мирянам)¹⁷¹. Несомненно, однако, что существовали и специфические черты, свойственные исключительно студенческой, а не преподавательской жизни.

Первой из них являлся буйный студенческий нрав, о чем прямо говорится как в рассмотренных привилегиях Альфонсо X от 1252 г., так и в папских регистрах: достаточно вспомнить рассмотренный выше случай Ордоньо Родригеса де Вильякирана, родственника архиепископа Хила Альвареса де Альборнос-и-Луна, который в вооруженной схватке с одним из своих товарищей отсек ему мечом два пальца на левой руке¹⁷². Этот случай датируется 1343 г., однако проблема возникла много раньше: многочисленные отлучения студентов прелатом Саламанки, упоминаемые в королевской привилегии 1254 г. и папских привилегиях 1255 г., были вызваны в первую очередь стремлением утихомирить их, охладив пыл наиболее буйных¹⁷³.

¹⁷⁰ Ibid. P. 326, doc. no. 20 (a. 1263).

¹⁷¹ Ibid. P. 341, doc. no. 31 (a. 1336, Avignon); Ibid. P. 342, doc. no. 32 (a. 1336, Avignon); Ibid. P. 343–344, doc. no. 34 (a. 1340, Avignon); Ibid. P. 344, doc. no. 35 (a. 1342, Villanueva); P. 348–349, doc. no. 41 (a. 1343, Avignon); P. 349, doc. no. 42 (a. 1343, Avignon); P. 352, doc. no. 46 (a. 1343, Avignon); P. 352–353, doc. no. 47 (a. 1343, Avignon); Ibid. P. 357, doc. no. 52 (a. 1344, Avignon); P. ..., doc. 71 (a. 1350, Avignon) etc.

¹⁷² Bull. Salam. P. 349–350, doc. no. 42 (a. 1343, Avignon).

¹⁷³ Ibid. P. 321–322, doc. no. 14 (a. 1255): ...in civitate Salmantina plures doctores et scholares, propter violentas manuum injectiones in clericos, excommunicati decedant...

Более осторожно та же тема затрагивается в законе Part.II.31.2. Лишь с учетом сказанного выше можно понять, что имел в виду законодатель, говоря о злоупотреблениях — оскорблениях, незаконных взятиях залога, актах насилия и прочих беззакониях — в отношении студентов, их родителей и их представителей. Явно симпатизируя академической корпорации, составители «Семи Партид» жестоко карали тех, кто осмеливался поднять руку на студентов: «И всякий, кто это нарушит, забрав у них что-либо насильно или ограбив их, должен вдвое заплатить четверть стоимости присвоенного; и если он ранит, или подвергнет бесчестью, или убьет, преступник должен быть жестоко наказан, как тот, кто нарушил Наше перемирие и наши гарантии безопасности»; суровые наказания ждут даже судей, посмеявшихся не выполнить королевское предписание в полном объеме.

Очевидно, что между студентами и преподавателями, с одной стороны, и горожанами — с другой, шла постоянная борьба, порой — вооруженная, сопровождавшаяся вспышками особенно жестокого насилия. Однако такое положение существовало далеко не только в Саламанке и шире — в Кастилии и Леоне. С одной стороны, средневековый мир вообще настроенно относился к чужакам, тем более — живущим по соседству, да еще и в немалом количестве. С другой стороны, студенты также не отличались ангельским нравом. Болонья, Монпелье, Неаполь, Париж — едва ли не все университетские центры Европы прошли через полосу конфликтов такого рода¹⁷⁴. Именно поэтому составители «Семи Партид» были вынуждены хотя бы частично отразить эту болезненную тему. Причем не только прямо, но и косвенно: воспроизведя основное содержание болонской привилегии 1158 г.¹⁷⁵ (Part.II.31.7) и сохранив для студентов право судиться у своих преподавателей, законодатель существенно урезал его, распространив лишь на частные гражданские иски; что же касается уголовной ответственности, то ее студенты должны были нести в общем порядке — по местному фуэро. В противном случае исчез бы жестокий, но зато верный способ охладить буйные горячие головы.

Еще одной характерной проблемой студентов была жилищная. Выше о ней говорилось достаточно подробно, поэтому здесь ограничусь лишь одним замечанием. А именно: тем, что проблемы и сложности расселения

¹⁷⁴ *Bellomo M.* La Universidad en la época del Derecho Común... P. 75–106.

¹⁷⁵ Привилегия 1158 г. позднее была включена в состав «Новелл» (Authentici) Корпуса Юстинана как *Habita IV.13*. Однако, как было показано выше, составители «Семи Партид» могли быть осведомлены о ней и непосредственно, что наглядно показывает исследование содержания мадридской рукописи *Mss.392 (C-8)*.

студенческой братии в полной мере воспроизводят аналогичные проблемы других университетских городов, в том числе — Болоньи. И как бы ни мечтали кастильские законодатели о размещении студентов в пригородной зоне (Part.II.31.5), в этой части правовой утопии было не суждено реализоваться. Дороговизна, скученность, борьба за удобное место жительства или даже за место вообще — все это было непреодолимо ни в Саламанке, ни в Болонье, ни где-либо еще: не случайно в описаниях этих трудностей, происходящих из разных регионов Латинской Европы, совпадает едва ли не все, вплоть до терминологии¹⁷⁶.

Заключительные замечания

Люди, книги, образ жизни — вот три основные направления болонских влияний, изучение которых позволяет составить достаточно целостное (что вовсе не означает *исчерпывающее*) представление о путях становления университетов в Кастилии и Леоне. Цель этих заметок, не претендующих на статус полноценного исследования, заключалась, прежде всего, в том, чтобы показать, что очевидная немногочисленность источников отнюдь не означает невозможности дальнейших исследований.

Действительно, хотя применительно к середине XIII—XIV в. мы знаем не очень многое о тех *людях*, которые путешествовали из Кастилии и Леона в Болонью в том или ином направлении, порой — туда и обратно, порой — несколько раз. И если персоналий, о которых мы знаем хотя бы что-нибудь, немного, это означает лишь то, что нам следует приложить особые усилия хотя бы для частичной реконструкции их биографий в формате микроистории. На самом деле мы можем сделать это в десятках случаев, просто перейдя от изучения тенденций к изучению людей для того, чтобы затем, уже на принципиально ином уровне вернуться к изучению тенденций. И поверьте, в этом есть смысл. Чего стоит один только казус Томаса (Фомы) Португальского, в качестве студента, а затем преподавателя объехавшего едва ли не всю Латинскую Европу и дающего потрясающий и сегодня пример академической мобильности!

Книги, книжность и все, что с ними связано, представляются значимым источником и сами по себе, и в качестве маркера внешних и внутренних академических связей. Выявление всего круга университетских рукописей в собраниях Испании (и, возможно, не только одной Испа-

¹⁷⁶ Bull. Salam. P. 396, doc. no. 113 (a. 1364); P. 420, doc. no. 142 (a. 1373).

нии) остается делом будущего. История каждого отдельного кодекса, его маргиналий, круга его владельцев — это малая часть истории университетов, которую следует шаг за шагом собрать как пазл. Видимо, здесь и следует искать главный резерв привлечения неопубликованных архивных материалов.

Наконец, *образ жизни* академического сообщества может быть реконструирован далеко не только в опоре на правовые тексты. Далеко не до конца использован актовый материал, не связанный по происхождению с университетскими архивами. Большую роль должны сыграть и вещественные источники.

В России, где традиции академической жизни не отличаются особой древностью и где к тому же они претерпели страшный ущерб в начале, середине и конце XX столетия, исследование университетской культуры западного мира (в том числе — пиренейских стран) играет особую роль. Очень хочется верить, что оно будет продолжено.

REFERENCES

1. Aurov O.V. «Disciplines for Education»: a little-known Early-Medieval Pedagogical Text (Latin Text, Translation, Commentary) [«Discipliny dlia vospitaniya»: maloizvestny pedagogichesky traktat epohi rannego Srednevekov'ja (latinskiy tekst, perevod, komentarii)] // Vestnik PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psikhologiya. 2013. N 1 (28). P. 7–20.
2. Vinogradov P.G. Roman Law in the Medieval Europe. [Rimskoe pravo v srednevekovoy Evrope]. M., 1910.
3. Mazhuga V.I. A Bolognese Exemplar of the Bartolo's Commentary on Digestum Novum in the Archive of SPBII RAN [Bolonsky spisok kommentariya Bartolo da Sassoferato k Digestum Novum v Nauchnom arhive SPbII RAN] // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. LXXI: Nasledie Nikolaja Petrovicha Likhacheva: interpretaciya teksta i obraza. Materialy nauchnoy konferencii, posviashhennoy 150-letiyu so dnia rozhdeniya academica Nikolaya Petrovicha Likhacheva (1862–1936). SPb., 2014.
4. Mazhuga V.I. On the Creation of Bartolo's Commentary on *Digestum Novum* [Ob istorii sozdaniya kommentariya Bartolo di Sassoferato k Digestum Novum (po dannym bolonskogo spiska 1370 g. iz sobraniya Arhiva Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN)] // Italia i Europa. Sbornik pamiati Viktora Ivanovicha Rutenburga. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014.
5. Marey A.V. A Considerations about the Reception of the Roman Law: a Formation of European Ius Commune, cent. XII–XV [K osmysleniju fenomena recepcii rimskogo prava: formirovanie ius commune v Zapadnoj Evrope v XII–XIV vv.] // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 5. P. 96–102.
6. Marey A.V. Language of Medieval Spanish Law: from Leges XII Tabularum to Siete Partidas [Yazyk prava srednevekovoy Ispanii: Ot Zakonov XII Tablic do «Semi Partid»]. M., 2008.
7. Martinez Martinez F. When the Europe was united. Common Law: *mos italicus*, *mos gallicus* and the Castilian appendix [Kogda Evropa byla edinoj. Obshhee pravo, stil italyanskij, stil franzuzskij i kastil'skoe prilozhenie] // IUS ANTIQUUM. Drevnee pravo. 2005. №2 (16). S. 143–162.
8. Muromcev S.A. A Reception of the Roman Law on the West [Recepcija rimskogo prava na Zapade]. M., 1886.
9. Poldnikov D.Y. Contractual Theories of the Classical *ius commune* (cent. XIII–XVI) [Dogovornye teorii klassicheskogo ius commune (XIII–XVI vv.)]. M., 2011.

10. Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio / Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. Barcelona, 2001.
11. Alma mater librorum. Nove secoli di editoria bolognese per l'Università. Bologna, 1988.
12. *Bellomo M.* La Europa del Derecho común. Roma, 1999.
13. *Bellomo M.* Universidad en la época del Derecho Común. Roma, 2001.
14. *Beltrán de Heredia V.* La cancillería de la Universidad de Salamanca // *Salmanticensis*. 1954. No. 1.
15. *Calasso F.* Introduzione al diritto commune. Milano, 1951.
16. *Calasso F.* Medioevo del Diritto. I. Le fonti. Milano, 1954.
17. *Cerdá Ruiz Funes J.* «Margarita de los pleitos» de Fernando Martínez de Zamora. Texto procesal del siglo XIII // *AHDE*. 1950. T. 20. P. 634–738.
18. Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance / Ed. by R. Burns. Philadelphia (Penn.), 1990.
19. *Fernández-Ordoñez I.* El taller de las Estorias // Alfonso X el Sabio y las Crónicas de España / Ed. por I. Fernández Ordoñez. Valladolid, 2001. P. 61–82.
20. *Fernández-Ordoñez I.* El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // *El Scriptorium alfonsí: de los Libros de Astrología a las «Cantigas de Santa María»* / Coord. por J. Montoya y A. Rodríguez. Madrid, 1999. P. 105–126.
21. *Fuente Pérez M.J.* El monte Helicon. El studium generale de Palencia y los inicios de la Universidad / Lección Inaugural del Curso Académico 2012–2013. Valladolid: Universidad de Valladolid, 2012.
22. *García Valdecasas J.G., Vanderwilde A.* Italia en España, Bolonia en don Gil // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artísticas y culturales / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 9–16.
23. *García y García A.* Derecho común en España: los juristas y sus obras. Murcia, 1991.
24. *García y García A.* El derecho común en Castilla durante el siglo XIII // *Glossae*. 1993–1994. N 5–6. P. 45–74.
25. *Gibbs R.* The development of the illustration of legal manuscripts by Bolognese illuminators between 1241 and 1298 // *Juristische Buchproduktion im Mittelalter* / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 173–218.
26. *González Jiménez M.* Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004.
27. *González Jiménez M.* Fernando III el Santo. El rey que marcó el destino de España. Sevilla, 2006.
28. *Handbuch der Quellen und Literatur der neueren Europäischen Privatrechtsgeschichte* / Herausgegeben von H. Coing. Bd.1: Mittelalter (1000–1500). München, 1973.
29. *Historia de la Universidad de Salamanca* / Coord. por L.E. Rodríguez-San Pedro Bezares. T. 2. Salamanca, 2004.

30. Kuttner S. The Revival of Jurisprudence // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century. Oxford, 1982. P. 299–323.
31. La Fuente y Condón V. Historia de las universidades, colegios y demas establecimientos de enseñanza en España. T. 1. Madrid, 1884.
32. Lange H., Kriechbaum M. Römisches Recht im Mittelalter. Bd. 1: Die Glossatoren. München, 1997; Bd. 2: Die Kommentatoren. München, 2007.
33. Larraona A., Tabera A. El Derecho justiniano en España // Atti del Congresso Internazionale di Diritto Romano (Bologna e Roma, XVII–XXVII Aprile MCMXXXIII). Bologna. Vol. 2. Pavia, 1935. P. 83–182.
34. L'Engle S. Trends in Bolognese legal illustration: the early Trecent // Juristische Buchproduktion im Mittelalter /Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 219–244.
35. Life G. The trivium and the Three Philosophies // A History of the University in Europe. Vol.1: Universities in the Middle Ages. Cambridge, 1992. P. 306–309.
36. Magallón Ibarra J.M. El renacimiento medieval de la jurisprudencia romana. Mexico, 2002.
37. Maravall J.A. Del régimen feudal al régimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // Id. Estudios de historia del pensamiento español. Part. 1. Madrid, 1983. P. 97–145.
38. Martínez Díez G. Tres lecciones del siglo XII del Estudio General de Palencia // AHDE. 1990. T. 60. P. 391–449.
39. Medica M. Il cardinale Albornoz e l'arte bolonese del Trecento // España y Bolonia: siete siglos de relaciones artisticas y culturales / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 49–64.
40. Montorzi M. Diritto feudale nel Basso Medioevo. Materiali di lavoro e strumenti critici per l'esegesi della glossa ordinaria ai Libri feudorum. Con la ristampa anastatica dei Libri feudorum e della loro glossa ordinaria. Torino, 1991.
41. Nebbiai D. «Leges de voluntariis». Bibliothèques et culture des juristes en Italie d'après les inventaires de livres (XIIIe–XVe siècles) // Juristische Buchproduktion im Mittelalter /Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 677–740.
42. Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden: Brill, 1979.
43. Pennington K. Learned Law, Droit Savant, Gelehrtes Recht: The Tyranny of a Concept // Rivista internazionale di diritto comune. 1994. N. 5. P. 197–209.
44. Pérez Martín A. El Derecho procesal del «Ius commune» en España. Murcia, 1999.
45. Pérez Martín A. Españoles en el Alma Mater Studiorum. Profesores hispanos Bolonia (de fines del s.XII a 1787). Murcia, Salamanca, 1998. P. 29–39.
46. Pérez Martín A. La producción de codices jurídicos en España: ius commune y ius propria // Juristische Buchproduktion im Mittelalter / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 568.

47. *Pini A.I.* Per una storia sociale dell'università: i bidelli bolognesi nel XIII secolo: Il bidello medievale tra università e società cittadina // *Annali di Storia delle Università italiane*. 1997. N 1. P. 43–76.
48. *Riaza R.* Historia de la literatura jurídica española. Madrid, 1998.
49. *Swinges R.Ch.* Student Education, Student Life // *A History of the University in Europe*. Vol.1: Universities in the Middle Ages. Cambrige, 1992. P. 236–237.
50. *Serra Desfilis A.* El Colegio de España en Bolonia y la arquitectura universitaria del primer Renacimiento en Italia y España // *España y Bolonia: siete siglos de relaciones artisticas y culturales* / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 17–30.
51. *Soetermeer F.* *Exemplar und Pecia*. Die Herstellung juristischer Bücher in Bologna im 13. und 14. Jahrhundert // *Juristische Buchproduktion im Mittelalter* / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 481–516.
52. *Tamayo y Salmorán R.* La Universidad: epopeya medieval. Notas para un estudio sobre el surgimiento de la universidad en el Alto Medioevo. Mexico, 2005.
53. The Creation of the IUS COMMUNE. From Casus to Regula / Ed. By J.W. Cairns, P.J. du Plessis. Edinburgh, 2010.
54. Tipologia degli exemplaria giuridici // *Juristische Buchproduktion im Mittelalter* / Herausgegeben von Vincenzo Colli. Frankfurt am Main: Klostermann, 2002. S. 105–172.
55. *Ureña y Smenjaud R. de, Bonilla y San Martin A.* Obras del Maestro Jacobo de las Leyes, jurisconsulto del siglo XIII. Madrid, 1924.
56. *Wieacker F.* A History of Private Law in Europe. Amsterdam, New York, Oxford, 1996.
57. *Yarza Luaces J.* Manuscritos iluminados boloñeses en España, siglos XIII y XIV // *España y Bolonia: siete siglos de relaciones artisticas y culturales* / Ed. por J.L. Colomer, A. Sierra Desfilis. Madrid, 2006. P. 31–48.

Ключевые слова:

средневековые университеты, средневековая Испания, Кастилия и Леон, Болонский университет, *natio Hispana*, Альфонсо X, «Семь Патрид», правовая культура, средневековые рукописи.

Oleg V. Aurov

FROM BOLOGNA TO CASTILE: PERSONS, BOOKS, MODE OF LIFE

Notes on history of medieval universities in Castile and Leon
in the 13th and 14th cc.

The article is devoted to researching the initial period (13th and 14th cc.) of the history of universities in the Hispanic Medieval kingdoms of Castile and Leon. Three main aspects are emphasized. The first one is the academic mobility between Medieval Spain and Bologna's *alma mater studiorum*; this factor played a great role in the process of the installation of the universities' academic tradition in Iberia. The second aspect is a penetration of Bolognese manuscripts (the *Corpus Iuris Civilis* and others) to Castile and Leon; these manuscripts were brought from Bologna, and were copied in Spain, applying the Bolognese manner of manuscripts making. The third aspect was the implementation of the Bolognese academic culture in the Castilian and Leonian universities; this process was reflected the norms of the royal Castilian legislation from the second half of the 13th c., and by the information of the documents, which discussed the Hispanic universities' history of the period.

Ауров Олег Валентинович

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС,
доцент РГГУ (Москва, Россия)

Г.А. Попова

ОБ ИСТОРИИ ОДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КОРОЛЯ АЛЬФОНСО X МУДРОГО: ESTUDIOS E ESCUELAS GENERALES DE LATIN E DE ARABIGO¹

самом конце 1254 г., в декабре, король Кастилии и Леона Альфонсо X приказал оформить грамоту об учреждении школы латинского и арабского языков в Севилье². Документ относится к группе привилегий, составлявшихся в королевской канцелярии с особой тщательностью, к так называемым *privilegios rodados*: помимо качества пергамента и уровня работы писца, их отличает художественное, часто полихромное, оформление инициалов и королевской подписи, иногда с использованием золотой краски. Очевидно, что подобное оформление свидетельствует о важности содержания документа. В данном случае речь идет о привилегии, подтверждающей особое расположение и заботу короля о «благородном городе Севилье»³.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

² Sevilla, ciudad de privilegios. Escritura y Poder a través del Privilegio Rodado / eds. Borrero Fernandez M., Fernández Gómez M. Sevilla, 1995. N.13. P. 224–225.

³ ...Por grand sabor que he de facer bien e merced e levar a delante a la noble ciudad de Sevilla e de enriquecerla e ennoblecer más, porque es de las más honradas e de las mejores ciudades de España, e porque yase hi enterrado el muy honrado rey don Ferrando mío padre que la ganó de moros e la pobló de cristianos a muy gran loor e grant servicio de Dios e a honra e a pro de todo cristianismo, e porque yo fui con él en ganarla e en poblarla, otorgo que haya hi Estudio e Escuelas generales de latín e de arábigo... (Sevilla, ciudad de privilegios... N.13).

Традиционно этот факт рассматривается в контексте истории переводов и, шире, истории восприятия в годы правления Альфонсо X Мудрого литературного и научного наследия арабоязычного мира. Можно без преувеличения сказать, что сегодня мы обладаем весьма внушительным объемом сведений о самых разных аспектах развития ученого знания в середине — второй половине XIII в., когда Альфонсо X прилагал немало усилий к собиранию и систематизации самых различных областей познания⁴. Переводы с арабского языка были одним из важнейших этапов в этой деятельности и входили в круг постоянных интересов Альфонсо как до начала его правления⁵, так и на всем его протяжении до самого конца. Сведения об основании «языковой школы» в Севилье относятся к той стороне истории переводов, которая в наименьшей степени поддается изучению — организационной составляющей. По сути, упомянутая привилегия — единственное документальное свидетельство, непосредственно упоминающая эту составляющую. Все остальные сведения об организации процесса переводов могут быть извлечены из самих переведенных текстов, главным образом из их прологов, но не только. В последние два десятилетия с особой тщательностью изучаются сами манускрипты, созданные при дворе Альфонсо Мудрого, — анализируются кодикологические характеристики, миниатюры, украшающие их страницы, традиция последующего копирования. Комплексный анализ создания текстов в период правления Альфонсо привел к возникновению исследовательского направления, изучающего особый феномен «скриптория Альфонсо X» — *scriptorium alfonsí*. Речь идет не столько о месте, где профессиональные писцы переписывают и оформляют книги, сколько о группе ученых и знатоков, которым король сообщал о своем желании полу-

⁴ Этой стороне деятельности короля посвящены многочисленные ученые труды, из которых упомянем лишь несколько, как кажется, наиболее значительных: Procter E. Alfonso X of Castile: patron of literature and learning. Oxford, 1951; Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance / ed. by Robert I. Burns. University of Pennsylvania Press, 1990; Márquez Villanueva F. El concepto cultural alfonsí. Barcelona, 2004 [1.ª ed., Madrid, 1995]; Alfonso X y su época. El siglo del Rey Sabio / ed. Rodríguez Llopis M. Barcelona, 2001.

⁵ Еще будучи инфантом, Альфонсо X познакомился в Толедо, своем родном городе, где проводил немало времени, с деятельностью знатоков арабского языка, работавших с собраниями арабских рукописей. Традиция переводов научных и философских трактатов с арабского языка существовала в этом городе уже около века. А в 40-е — начале 50-х гг. XIII в. в Толедо над переводами Аристотеля и Аверроэса трудился Герман Алеманский (Pérez González M. Herman el Alemán, traductor de la Escuela de Toledo. Estado de la cuestión // Minerva: Revista de filología clásica. N° 6. 1992. P. 269–284), и хотя он не входит в круг тех людей, которые работали над заказами Альфонсо, весьма вероятно, что последний был хорошо осведомлен о Германе и плодах его переводческого труда.

читать сочинение на ту или иную тему, а они должны были подготовить текст и, выслушав замечания короля, сделать окончательную версию труда⁶.

Первые наблюдения над особенностями работы такого коллектива были сделаны еще в 30-е гг. прошлого столетия, когда Х.М. Мильяс Вальрикроса начал систематическое изучение средневековых переводов с арабского языка, в том числе и тех, что были сделаны во второй половине XIII в.⁷ В одной из первых своих публикаций на основании анализа текста «Книги об астрологии заркала (или универсальной астрологии)» (*Libro de la Aṣafeha*)⁸ он пришел к заключению о высокой степени соответствия текста кастильского перевода арабскому оригиналу⁹. Долгое время это суждение определяло общие представления о работе переводчиков Альфонсо. В конце 70-х гг. начался новый период в изучении переводных средневековых текстов, в первую очередь научных. Группа исследователей под руководством Ж. Вернета и Х. Самсо последовательно сопоставила корпус трактатов по астрономии, астрологии и магии, созданных в правление Альфонсо X Мудрого¹⁰, с арабскими ориги-

⁶ El Scriptorium Alfonsí: de los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María / eds. Montoya Martínez J., Domínguez Rodríguez A. Madrid, 1999. P. X–XI.

⁷ Millás Vallicrosa J. M. El literalismo de los traductores de la corte de Alfonso el Sabio // *Al-Andalus*. 1933. P. 155–187; *Idem*. Las traducciones orientales en los manuscritos de la Biblioteca Catedral de Toledo. Madrid, 1942; *Idem*. (1943–50): Estudios sobre Azarquiel. Madrid-Granada, CSIC, 1945–1950; *Idem*. Una nueva obra astronómica alfonsí: el Tratado del cuadrante «sennero» // *Al-Andalus*. 1956. 21. P. 59–92.

⁸ Перевод трактата «Книга о неподвижных звездах» («Kitab suwar al-kawakib») Абд ар-Рахмана ал-Суфи, вошедший в состав «Книги знаний об астрологии» — подробнее см. ниже.

⁹ Millás Vallicrosa J.M. El literalismo...

¹⁰ Серия публикаций Института истории арабской науки им. Мильяса Вальрикросы: *Carandell J.* Risāla fi 'ilm al-zilāl de Muhammad ibn al-Raqqām al-Andalusī. Edición, traducción y comentario, Barcelona, 1988; *Castelló F.* El Dikr al-Aqālīm de Ishaq ibn al-Hasan al-Zayyāt (Tratado de Geografía Universal), Barcelona, 1989; *Casulleras J., Samsó J.* (eds.), From Baghdad to Barcelona. Studies in the Islamic Exact Sciences in Honour of Prof. Juan Vernet, 2 vols., Barcelona, 1996; *Comes M., Puig R., Samsó J.* (eds.). De Astronomia Alphonsi Regis. Proceedings of the Symposium on Alfonsine Astronomy held at Berkeley (August 1985) together with other papers on the same subject, Barcelona, 1987; *Comes M., Mielgo H., Samsó J.* (eds.). Ochava espera y Astrofísica. Textos y estudios sobre las fuentes árabes de la astronomía de Alfonso X, Barcelona, 1990. *Comes M.* Ecuatorios andalusíes. *Ibn al-Samh*, al-Zarqālluh y Abū-l-Salt, Barcelona, 1991; *Puig R.* Al-Šakkāziyya li-bn al-Naqqāš al-Zarqālluh. Edición, traducción y estudio, Barcelona, 1986; *Rius M.* La alquibla en al-Andalus y al-Magrib al-Aqōā. Barcelona, 2000; *Vernet J.* Estudios sobre Historia de la Ciencia Medieval (Reedición de trabajos dispersos, ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de los veinticinco años de su acceso a la cátedra de la Universidad de Barcelona), Barcelona, 1979; *Vernet J. (ed.)*. Textos y estudios sobre astronomía española en el siglo XIII, Barcelona, 1981; *Vernet J. (ed.)*. Nuevos textos y estudios sobre astronomía española en el siglo de Alfonso X. Barcelona, 1983; *Vernet J.* De 'Abd al-Rahmān I a Isabel II. Recopilación de estudios dispersos sobre Historia de la Ciencia y la Cultura Española ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de su LXV aniversario, Barcelona, 1989.

Книга крестов. Страница манускрипта XIII в.

налами (в тех случаях, когда они дошли до нас). Отправной точкой в работе этой группы стало определение круга текстов, переведенных в 1250–1284 гг. В результате выводы Х.М. Мильяса Вальякросы были существенно уточнены. Выяснилось, что степень точности перевода очень различна и изменения, привнесенные в текст переводчиками и редактором, могли быть весьма значительны. Х. Самсо, обобщив наблюдения своих коллег, разделил переводные научные трактаты на восемь групп в зависимости от точности воспроизведения оригинала и метода редактирования текста¹¹.

Собственно переводами арабских сочинений, тексты которых известны в оригинале, можно считать упомянутую выше «Книгу об астрологии заркала (или универсальной астрологии)» (первый перевод на кастильский в 1256 г., второй — в 1277 г.); «Каноны Альбатени»; возможно, с некоторыми допущениями, «Полное руководство по определению положения звезд» (перевод на кастильский — 1254 г., на латинский — 1257 г.) и «Книгу об универсальной астрологии» (*Libro de la Lámina Universal*, перевод на кастильский — в 70-е гг. XIII в.).

В следующую группу вошли переводы-компиляции — трактаты, составленные из нескольких других. К таковым относится самый ранний научный перевод, выполненный по заказу Альфонсо между 1243

¹¹ Samsó J. Traducciones científicas arabo-romances en la Península Ibérica // Actes del VII Congrès de l'Associació Hispànica de Literatura Medieval (Castelló de la Plana, 22–26 de setembre de 1997) / eds. Fortuño Llorens S., Martínez Romero T. Vol. I. Castelló de la Plana, 1999. P. 199–231.

и 1250 гг. — знаменитый «Лапидарий». Одним из этих трактатов был, видимо, тот, который впоследствии стал известен в качестве отдельного перевода под названием *Picatrix* и обычно датируется 1256 г., в соответствии с указанием в рукописи (сохранилась только латинская версия). Но результат сравнения текстов «Лапидария» и *Picatrix*, безусловно, заставляет предполагать более раннюю дату перевода второго трактата. Еще одним примером перевода, в котором соединены разные сочинения, является «Книга крестов».

Другой вариант работы над арабским оригиналом — изменение структуры — перестановка глав местами, изменение разбивки на главы, исключение некоторых разделов. Подобной переработке подвергся трактат Ибн аль Хайсана «*Kitab fi hay'at al-'ālam*», в кастильском переводе, сделанном после 1270 г., известном как «Книга об устройстве мира».

Особый интерес представляют переводы, в которые сделаны добавления, представляющие собой оригинальные тексты ученых, работавших над переводом. Несколько таких текстов входит в коллекцию трактатов под общим названием «Книга знаний об астрологии» (*Libro del saber de astrologia*). В трех трактатах, посвященных использованию и изготовлению разных видов астролябий и армиллярной сферы, руководства по изготовлению представляют собой оригинальные сочинения Исхака бен Сиды (известен также как *Rabiçag*)¹² — переводчика и астронома, самостоятельно создававшего инструменты для наблюдений и проводившего вычисления. Так, например, описание изготовления армиллярной сферы (*Alcora*) в соответствующем трактате содержится в двух вариантах — как часть перевода сочинения об использовании армиллярной сферы и в четырех главах, включенных в этот трактат и написанных на основании опыта самого переводчика. Между этими двумя описаниями есть заметные различия, касающиеся обозначенных фаз Луны, количества кругов — у Исхака бен Сиды их больше, что позволяет производить более точные вычисления положения звезд относительно той или иной точки сферы. Для того чтобы производить такие же вычисления, используя сферу, о которой говорится в арабском сочинении, необходимы дополнительные инструменты. Описание их использования сохранено в самом переводе, переводчик не стал вносить те изменения, которые были возможны при применении усовершенствований, сделанных и описанных им же.

¹² Об атрибуции этих текстов см.: Romano D. Le opere scientifiche di Alfonso X e l'intervento degli ebrei // Oriente e Occidente nel Medioevo: Filosofia e Scienze. Rome, 1971. P. 677–711.

Альфонсовы таблицы. 1252—1270 гг.

Наконец, последняя глава, авторство которой приписано дону Моше¹³, посвящена особому виду вычислений с использованием армиллярной сферы, а именно длительности временного периода до того или иного важного события — одной из основных астрологических техник, использовавшихся при составлении гороскопа. Причем и при описании этого вычисления не используются полностью возможности обновленной армиллярной сферы, и это, видимо, свидетельствует о том, что данный текст был составлен до создания руководства Исхака бен Сиды.

Еще четыре группы составляют трактаты, которые в результате компиляций, переработки и дополнения текстов переводных сочинений превратились по сути в самостоятельные авторские тексты. Перевод с арабского, безусловно, был начальной стадией работы над такими сочинениями, однако на окончательную редакцию повлияли, прежде всего, конкретные цели составителя и заказчика, те задачи, для решения которых и должны были служить сведения, включенные в текст. В некоторых из таких трактатов указана дата перевода и, как правило, это период 1253—1256 гг., но до нас они дошли уже в сильно измененном виде — период редактирования относится к 70-м гг. XIII в. Все эти тексты были включены в уже упоминавшееся собрание «Книги знаний об астрологии» — трактаты об астролбиях (плоской, сферической), «Четыре книги о звездах восьмой сферы», Альфонсовы таблицы.

¹³ Идентификация этого персонажа остается спорной. Существует версия, что этот же человек известен по другим документам как Иосиф Альфаки (*Gil J.S. La escuela de traductores de Toledo y los colaboradores judios. Toledo, 1985. P. 82—83.*)

Таким образом, анализ содержания перевода и его сравнение с арабским оригиналом позволяют более детально представить себе характер деятельности тех людей, которые прежде были известны главным образом как переводчики. Выбор трактата для перевода, его редактирование и составление компиляций, наконец, создание и включение в трактат собственных разделов — все требовало далеко не только лингвистических познаний и навыков.

Другое наблюдение, которое можно сделать на основании представленных исследований, касается способов организации работы над текстами, выполнявшихся по заказу короля. Как я уже упоминала выше, в исследованиях последних лет преобладает представление о скриптории Альфонсо X как о центре, где создавались и научные, и литературные произведения. Многие в оформлении рукописей позволяют делать вывод о существовании такого единого центра¹⁴. Сравнение прологов к научным, историческим и юридическим текстам также указывает на единый стиль редактирования последней версии текста¹⁵. Однако одновременно с этим существуют свидетельства об отсутствии координации между создателями трактатов. Так, один из составителей «Истории Испании», рассказывая о высадке на берегах Пиренейского полуострова отряда Тарифа в 710 г., признается, что не может указать точную дату, поскольку не умеет переводить мусульманскую датировку (известно, что это событие произошло в месяце Рамадан) в юлианскую. Очевидно, что ни автор, ни редактор этих строк не работали в том же самом месте, где и переводчики арабских астрономических трактатов, для которых подобное вычисление не составило бы труда, и они сразу бы сказали, что в 710 г. рамадан совпал с июлем¹⁶. О несовпадении ритмов работы в разных «мастерских» *scriptorium alfonsí* пишет И. Фернандес Ордоньес. По ее мнению, распространенное суждение (автором этой гипотезы является Г. Менендес Пидаль) о двух периодах в создании «альфонсинских текстов» — 150–1259 (преобладание переводческой деятельности) и 1269–1284 (создание

¹⁴ Domínguez Rodríguez A. Las miniaturas del Lapidario // Edición facsímil del Primer Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1982; Eadem. Astrología y Arte en el Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1984; Eadem. La miniatura del scriptorium alfonsí // Estudios Alfonsíes. Universidad ad de Granada, 1985.

¹⁵ Rico F. Alfonso el Sabio y la «General estoria»: tres lecciones. Barcelona, repr. 1984; Fernández Ordóñez I. El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // El Scriptorium Alfonsí... P. 105–126; Cardenas A.J. Alfonso's Scriptorium and Chancery: Role of the Prologue in Bonding the Translatio Studii to the Translatio Potestatis // Emperor of Culture... P. 90–108.

¹⁶ Samsó J. Traducciones científicas arabo-romances... P. 210.

Миниатюра из рукописи «Кантиг Святой Деве Марии». XIII в.

оригинальных текстов) — не соответствует действительности, поскольку не учитывает датировку составления таких крупных произведений, как Фуэро Реаль (1254), «Семь Партид» (1256–1265), «Кантиг Святой Деве Марии» (1265–1275)¹⁷. И если это замечание, безусловно, справедливо в отношении юридических и литературных сочинений, то для периодизации работы над переводными текстами гипотеза Г. Менендеса Пидалья по-прежнему остается актуальной. Полагаю, что работа скриптория Альфонсо X, существование которого убедительно доказывают кодикологические и текстологические исследования, соответствует последнему этапу в создании текста, когда должна была появиться последняя редакция, на основе которой мог быть изготовлен соответствующим образом оформленный кодекс. Промежуточные версии текста, скорее всего, возникали не здесь, ученые и знатоки разных дисциплин работали в различных центрах. Д. Каталан в 60-е гг. использовал понятие «историографическая мастерская»¹⁸, и, как кажется, это слово, уже упоминавшееся выше, «мастерская» (*taller*), может использоваться для обозначения и других подобных коллективов — астрономическая, юридическая, литературная мастерская. Традиционно существовало и другое обозначение для одного

¹⁷ Fernández Ordóñez I. El taller historiográfico alfonsí... P. 106.

¹⁸ Подробнее см.: Catalan D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códigos, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. Madrid, 1997.

из таких центров, а именно — школа или, как сформулировано в севильской привилегии, — *estudio e escuelas generales de latin y de arabigo*. Речь идет о переводческих центрах, а поскольку подавляющее большинство текстов, переведенных между 1250 и 1290 гг., были посвящены астрономии и астрологии, то можно предполагать, что в этих *estudio e escuelas* сотрудничали переводчики и ученые-астрономы и математики, а иногда эти специальности совмещал один человек. Только три текста, появившихся в правление Альфонсо и в основе которых лежит перевод с арабского, не связаны непосредственно с наукой о небесных телах — «Калила и Димна», «Вознесение Мухаммада», «Книга об играх».

Сведения из прологов и колофонов переводных трактатов послужили основой для реконструкции порядка работы в Школах переводчиков, которую предложил в своей статье 1951 г. Г. Менендес Пидаль¹⁹. Выше уже шла речь о том, что выводы этой статьи относятся почти исключительно к переводной литературе, и преимущественно научной.

Над переводами в таких центрах работало, как правило, несколько человек. Такой «бригадный» метод появился еще в XII в. в Толедо: когда туда стали приезжать из разных частей Европы для изучения арабских переводов античных авторов и комментариев на них, то местные знатоки арабского стали помогать приезжавшим ученым осваивать арабоязычные трактаты и переводить их на латынь. Предположительно один переводчик делал устный перевод с арабского на кастильский, а второй записывал текст на латыни. Также продолжали работать и в XIII в., о чем свидетельствует следующий пассаж из пролога «Полного руководства по определению положения звезд»:

*Сие есть великая и полная книга об астрологических положениях, которую составил величайший астролог Али Албенрагель и которую Иуда сын Моше по повелению господина Альфонсо, светлейшего короля Кастилии и Леона, перевел с арабского на родной язык, а Альваро по повелению названного светлейшего короля перевел его труд с родного языка на латинский*²⁰.

¹⁹ Menéndez Pidal G. Como trabajaron las Escuelas alfonsíes // Nueva Revista de Filología Hispánica. A. V (1951). P. 363–380. Цит. по переизд.: Menéndez Pidal G. Varia Medievalia. II. Madrid, 2003. P. 13–41.

²⁰ Hic est liber magnus et completus quem Haly Albenragel summus astrologus composuit de Judiciis Astrologie, quem Juda filius Mosse de precepto domini Alfonsi illustrissimi regis Castelle et Legionis transtulit de arabico in ydeoma maternum, et Alvarus dicti illustrissimi regis factura eius ex precepto transtulit de ydeomate materno in latinum. Цит. по: Menéndez Pidal G. Como trabajaron... P. 16.

Страница трактата «Книга о неподвижных звездах» Абд ар-Рахмана ал-Суфи. XIII в.

Важнейшим нововведением эпохи Альфонсо X Мудрого стало то, что перевод на кастильский превращается из устной посреднической версии в полноценный вариант текста, фиксируемый на пергамене. Некоторые трактаты существовали в двух вариантах — на кастильском и на латыни. Перевод сочинения *Picatrix* с арабского на кастильский был закончен в 1256 г., затем был сделан латинский перевод и до нас он дошел только в последнем варианте. В 1254–1255 (?) Иуда бен Моше га-Коэн перевел на кастильский «Полное руководство по определению положения звезд», а затем, как следует из цитировавшегося пролога, был сделан латинский перевод. Помимо Альваро над ним трудились Эгидий Тебальди Пармский и Петр из Реджио, королевский нотариус. Большинство переводов научных трактатов было выполнено к 60-м гг. XIII в. (см. Приложение). Следующий этап, начавшийся примерно в середине 60-х гг., заметно отличался от предыдущего: хотя по-прежнему переводились отдельные тексты, основную часть работы составляли компиляция и редактирование уже выполненных переводов, а также их дополнение оригинальными текстами. Так, трактат «*Kitab suwar al-kawakib*» Абд ар-Рахмана ал-Суфи, легший в основу «Четырех книг о звездах восьмой сферы», был впервые переведен Иудой бен Моше совместно с Гиленом д'Аспа в 1256 г. В 1276 г., в период составления коллекции «Книги знания об астрологии», Самуэль га-Леви, Иоанн Мессинский и Иоанн Кремонский столь значительно переработали материалы

Тоledo. Гравюра XIX в.

этого трактата, что, как уже упоминалось выше, его можно считать самостоятельным сочинением. Трактат об астролябии заркала был переведен Фернандо Толедским на кастильский язык в 1256 г., но в 1277 г. сразу несколько человек получили от короля указание переработать и дополнить его²¹. Исправлением перевода занимались в Бургосе Абрахам Альфаки и Бернардо Араб, а дополнения составил в Тоledo уже не раз упоминавшийся Исхак бен Сид.

Последний пример, для которого мы располагаем сведениями об именах переводчиков-составителей и месте их работы, позволяет обратиться к весьма сложному для изучения аспекту бытования переводческих центров, или школ — их локализации, персональному составу и структуре.

Все, без исключения, авторы, касающиеся истории переводов в правление Альфонсо X, говорят о трех центрах, где существовали школы изучения языков — Тоledo, Севилье и Мурсии. Однако информация, которой мы о них располагаем, не позволяет с уверенностью говорить о том, что это были центры, организованные по одной и той же схеме, со схожей структурой.

Толедская школа переводчиков, единственный из трех центров, традиционно упоминается в литературе почти исключительно под таким названием. Ее истории посвящено немало исследований, о чем уже шла речь выше. И если относительно корректности использования наименования «школа» в отношении той переводческой деятельности, которая осуществлялась в Тоledo в XII в. под покровительством архиепископа Раймундо, вы-

²¹ Millás Vallicrosa J.M. La traducciones... P. 33.

Школа переводчиков в Толедо. Средневековая миниатюра

сказываются сомнения уже не одно десятилетие²², то для XIII в. существование организованного центра переводов под патронатом короля обычно не оспаривается. Тем не менее надо заметить, что в текстах той эпохи мы не встретим ни слова «studium», ни «schola» (*escuela*) в качестве наименования толедского центра. По сути, его организационная структура никак не обозначается в источниках. Мы знаем только, что большинство переводчиков, выполнявших заказы Альфонсо X, работали в Толедо. Ни в одном из прологов к переводным трактатам, где традиционно описываются обстоятельства создания текста, нет и намёка на существование в городе какой-либо структуры, специально организованной для переводов. Всегда речь идет о двусторонних отношениях между королем, дающим поручение исполнить работу, и выполняющим его переводчиком, иногда несколькими переводчиками. Большинство известных нам по именам толедских переводчиков были иудеями (подробнее см. Приложение): Иуда бен Моше га-Коэн, Раби-саг или Исхак бен Сид, Самуэль га-Леви. В Толедо также работал Абрахам Альфаки — придворный медик Альфонсо X, исключая период переработки перевода «Книги об астрологии заркала», когда, как уже упоминалось, он

²² Наиболее взвешенно суть дискуссии определил А. Гонсалес Паленсия: Los historiadores de la Filosofía y de la Ciencia en la Edad Media han solido dar por sentada la existencia de un cuerpo organizado al que se ha llamado Escuela de Traductores de Toledo. Los escasísimos documentos hasta ahora hallados no permiten afirmar la existencia de tal Centro de traducciones. Pero las obras vertidas en Toledo son tantas, y las personas que en Toledo se ocuparon tan diversas, a través del siglo XII, que bien puede darse por supuesto un núcleo de gentes dedicadas en especial a esta labor, para lo cual debieron de tener la ayuda económica y el aliento moral de personajes toledanos (*González Palencia A. El arzobispo Don Raimundo de Toledo. Barcelona—Madrid, 1942. P.118—119*).

находился в Бургосе. Из известных нам переводчиков-христиан середины—второй половины XIII в. в Толедо жили Герман Алеманский (до 1266 г., когда занял епископскую кафедру в Асторге), Альваро Овьедский и Гарси Перес, сотрудничавшие с Иудой бен Моше. Про второго в прологе «Лапидария» говорится, что он был «клириком, весьма сведущим в астрологии»²³. Также вместе с Иудой бен Моше упоминаются имена двух других христиан-переводчиков — Хуана д'Аспа и Гиллена Арремона д'Аспа, последний, возможно, был севильским каноником²⁴. Если это так, то возникает вопрос о хронологическом соотношении следующих фактов — участие Гиллена д'Аспа в 1256 г. в переводе «Четырех книг о звездах восьмой сферы» в Толедо (особо отмечу — через два года после основания Севильской школы) и получение им статуса севильского каноника. В случае, если порядок этих событий был такой же, в каком они приведены здесь, то это можно было бы рассматривать как свидетельство о существовании связей между двумя центрами переводов — в Толедо и Севилье. Пока, однако, утверждать что-либо однозначно нельзя из-за отсутствия сведений источников. В качестве участника переводов, вернее, их редактора, мы знаем и королевского нотариуса Хуана Кремонского, который сотрудничал и с Иудой бен Моше, и с Самуэлем га-Леви.

Большинство известных нам переводов, сделанных по заказу Альфонсо X, были первоначально (в 50-е гг. XIII в.) выполнены в Толедо. Очевидно, что помимо существовавшей уже не одно десятилетие традиции переводов этому способствовали богатейшие собрания арабоязычных рукописей, которые хранились в архиве собора святой Марии и в монастырях города. Х. Самсо выдвинул, как мне кажется, любопытную гипотезу о связи между этапами истории переводов с арабского языка на Пиренейском полуострове и переходом в руки христиан, с развитием Реконкисты, городов, где хранились важнейшие мусульманские библиотеки. Завоевание в 1085 г. Толедо, одного из самых крупных интеллектуальных центров аль-Андалуса XI в., открывает второй период в истории пиренейских переводов (середина XII — первая половина XIII в.)²⁵. Следующий и последний (вторая половина XIII в.) был связан с собраниями Кордовы и Севильи, отвоеванными Фернандо III в 1236 и 1248 гг. соответственно.

²³ Цит. по: *Gil J.S. La escuela de traductores...* P.58.

²⁴ *Procter E. Alfonso X...* P.127.

²⁵ Первый этап — конец XI—XII в. — Х. Самсо связывает с книжными собраниями Сарагосы. С рукописями, происходившими оттуда, работали Герман Каринтийский, Роберт Кеттон, Гуго де Санталя (Samsó J. Traducciones científicas arabo-romances... P. 230–231).

Панорама Севильи. Гравюра начала XVII в.

В соответствии с этой гипотезой основание школы арабского и латинского языков в Севилье, рассказ о котором послужил отправной точкой моих рассуждений, выглядит как очень обоснованный шаг. Если же принять во внимание, что Севильская школа определяется тем же термином, что употреблялся в это время для обозначения университетов — *estudios e escuelas generales*, то можно рассмотреть данную в Бургосе привилегию в контексте «университетской политики» Альфонсо X (напомню, что знаменитая привилегия университету Саламанки была оформлена в мае того же 1254 г.). Впрочем, здесь нам придется остаться больше в области планировавшегося и предполагавшегося, нежели реализованного на практике. Несмотря на блестящее начало — Севильская школа получила не только королевскую привилегию об основании, но и папскую санкцию как *generale litterarum studium*, оформленную в бреве Александра IV от 30 июня 1260 г., эта институция просуществовала не долго и не оставила существенного следа в истории переводов. Собственно, других достоверных свидетельств о развитии изучения арабского и латинского языков или иной учебной и научной деятельности в Севилье у нас нет. Как и в случае с Саламанкским университетом, использовать для описания Севильской школы данные 31-го титула Второй Партиды, регламентирующего устройство *estudio general*, можно лишь с известной долей условности. Как показывает А. Гарсия и Гарсия, авторы этого титула больше опирались на нормы канонического права, нежели фиксировали современные им реалии²⁶.

Ни один из известных нам текстов переводов нельзя связать именно с Севильей, так же, как мы не знаем ни одного имени переводчиков, которые

²⁶ García y García A. La enseñanza universitaria en las Partidas // Glossae. Revista de historia del derecho europeo. Murcia, 2, 1989–1990. P. 107–118.

Мурсия. Гравюра XIX в.

бы работали в Севилье. Об упоминавшемся выше Гиллене Арремоне д'Аспа известно, что он работал как переводчик в Толедо, а в связи с Севильей он именуется только как каноник. Можно предполагать, что король пытался решить проблему кадров в Севильской школе, надеяя известных знатоков арабского языка владениями в Андалусии. Иосиф Альфаки владел землями и домами в Севилье с 1253 г., Иуда бен Моше получил в 1266 г. в дар от короля несколько домов в Херес де ла Фронтера²⁷. Последний, однако, так и остался самым знаменитым и плодовитым переводчиком в Толедо, не соблазнившись перспективами работы на новом месте.

Наконец, если говорить о мурсийской школе, то о ее существовании не сообщает ни один хронологически близкий христианский источник, и мы не располагаем известиями о каких-либо переводах, выполненных там. Собственно, уникальные сведения об этом центре сообщает историк XVII столетия Аль-Маккари в своем сочинении по истории аль-Андалуса (*Nafh at-tib min gusn al-Andalus ar-ratib wa dikri waziriha Lisan Addin b. Al-Hatib*). В Мурсии жил выдающийся философ и медик Мухаммад бен Ахмад аль-Рикути, знаток «древних наук: логики, геометрии, арифметики, музыки и медицины»²⁸. Король Альфонсо после завоевания Мурсии в 1266 г., признав глубокие познания аль-Рикути, основал школу, где он обучал мусульман, иудеев и христиан, причем владея несколькими языками, аль-Рикути мог это делать на родном для любой аудитории языке. Безусловно,

²⁷ Gil J.S. La escuela de traductores... P. 62, 83.

²⁸ Цит. по: Samsó J. Dos colaboradores científicos musulmanes de Alfonso X // Lull. V. 4, 1981. P. 173.

привлекает внимание близкий к европейскому «университетскому стандарту» набор тех дисциплин, которые, вероятно, преподавал в своей школе мусульманский ученый, а также возможное многоязычие преподавания и поликонфессиональный состав студентов. Известно, что в начале 70-х гг. аль-Рикути уехал в Гранаду, поскольку в Мурсии на него оказывали сильное давление, вынуждая принять христианство, о чем также сообщает аль-Маккари²⁹. Судя по всему, после эмиграции аль-Рикути его школа перестала существовать.

Заклячая экскурс в историю центров изучения языков и переводов, существовавших в правление Альфонсо X Мудрого, надо подчеркнуть роль самого короля в их организации. Если даже он и предполагал превратить их в крупные учебные центры, может быть, даже университеты, то это так и осталось лишь проектом. Реальное повседневное существование переводческих центров обеспечивалось и поддерживалось за счет регулярных королевских заказов на переводы с арабского и на составление на их основе научных трактатов. И есть все основания предполагать, что Альфонсо X лично принимал решение относительно судьбы текстов, которые выходили из-под пера ученых-переводчиков.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Martínez Ripoll A. Aportaciones a la vida cultural de Murcia en el siglo XIII. La «madrassa» de M. al-Ricoti y el «Studium solemne» de los dominicos. P. 33–46.*

Приложение

Переводчики, работавшие над составлением трактатов
по заказу Альфонсо X³⁰

Имя переводчика	Общие сведения	Название перевода	Название и автор оригинала
Альваро (Alvaro de Oviedo)	Род. в Овьедо. Оsn. выполнены в Толедо. Автор трех трактатов с комментариями трудов Аверроэса	Libro conplido en los iudizios de las estrellas (De judiciis astrologiae)	Abū-l-Ḥassan ‘Alī ibn Abī-l-Riḡāl. Kitāb al-barī‘ fī aḥkām al-muḡūm
Гарси Перес (Garcí Perez)	Королевский нотариус в Андалусии	Lapidario (Libro de las formas et de las ymagenes)	Abolays (?)
Бернардо Араб (Bernardo Arabico, Bernaldo del Arauigo)	Обращенный мусульманин (maestro Bernardo Arabico overo Saracino ³¹). Работал в Бургосе, 1278 г.	Libro de la açafeha (переработка 1278 г.)	
Фернандо Толедский (Ferrando de Toledo)		Libro de la açafeha (перевод 1256 г.)	Abū Ishāq Ibrāhīm ibn Yaḥyā al-Naqqāsh al-Zarqālī
Хуан д’Аспа (Juan d’Aspa, Daspa)		Libro de la alcora, 1259	Qusṭā ibn Lūqā
		Libro de las cruces, 1259	Abū ‘Abd Allāh al-Baqqār. Kitāb al-amṭār wa-l-as‘ār.
Гиллен Арремон д’Аспа (Guillen Arremon d’Aspa, Daspa)	Каноник в Севилье (?)	III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1256	‘Abd al-Raḥmān al-Šūfī. Kitāb al-kawākib al-ṭābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)
Эгидий Тебальди Пармский (Aegidius de Thebaldis de Parma)	Переводил на латынь с кастильского	Libro conplido en los iudizios de las estrellas (De judiciis astrologiae) 1257	Abū-l-Ḥassan ‘Alī ibn Abī-l-Riḡāl. Kitāb al-barī‘ fī aḥkām al-muḡūm
Хуан Мессинский (Juan de Mesina)		III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1276	‘Abd al-Raḥmān al-Šūfī. Kitāb al-kawākib al-ṭābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)
Хуан Кремонский	Родом из Италии. Королевский нотариус	III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1276	‘Abd al-Raḥmān al-Šūfī. Kitāb al-kawākib al-ṭābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)

³⁰ В таблице систематизированы сведения о переводчиках, работавших по заказам Альфонсо X. В скобках указаны варианты имен и названий текстов, встречающиеся в источниках. Вопросительный знак в скобках обозначает, что приводимая информация носит гипотетический характер и не может считаться установленным фактом.

³¹ Procter E. The scientific works of the court of Alfonso X of Castille: the King and his collaborators // The Modern Language Review. 40 (1945). P. 23.

Имя переводчика	Общие сведения	Название перевода	Название и автор оригинала
Бонаventura де Сена	Королевский нотариус. Работал над переводом на французский в Севилье	Escala de Mahoma. 1264	
Педро Реджио	Королевский нотариус, работал над переводом на латынь	Libro conplido en los iudizios de las estrellas (De iudiciis astrologiae), 1257	
Иуда бен Моше га-Коэн (Yhuda. Fi de Mose fi de Mosca, Yhuda Mosca el Menor, Yhuda fi de Mose Alcohen, su alfaquin)	Толедский иудей, на королевской службе с 1243 г.(?) †1272 (?)	Lapidario (Libro de las formas et de las ymagenes), 1250	Abolays (?)
		Libro conplido en los iudizios de las estrellas (De iudiciis astrologiae), 1254	Abū-l-Ḥassan ‘Alī ibn Abī-l-Riḡāl. Kitāb al-barī‘ fi aḥkām al-muḡūm
		III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas) 1256 (перевод) 72 редактирование–1270	‘Abd al-Raḥmān al-Ṣūfi. Kitāb al-kawākib al-tābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)
		Libro de las cruces, 1259	Abū ‘Abd Allāh al-Baqqār. Kitāb al-amṭār wa-l-as‘ār.
		Libro de la alcora, 1259	Qusṭā ibn Lūqā
		Tablas Alfonsies (часть Libro del saber de astrologia), 1262–1270	
Рабисаг (Исаак бен Сид) (Rabiṣag, Rabiṣag Aben Cayut)		Libro de la açafeha	Abū Ishāq Ibrāhīm ibn Yaḥyā al-Naqqāsh al-Zarqālī. Kitāb al-‘amal bi-l-ṣafiḥa al-Ziḡīya
		Libros del astrolabio redondo	
		Libro del ataṣir	
		Lamina Universal, 1277	
		Libro de quadrante pora rectificar	
Абрахам Альфаки (Abraham Alfaquí)	†1294 Врач при дворе Альфонсо X, Санчо IV. Работал в Бургосе	Libro de la Constitución del Universo, после 1270	Abū ‘Alī al-Haiṭam. Kitab fi hay‘at al-‘ālam
		Escala de Mahoma (перевод на кастильский)	
		Libro de la açafeha	Abū Ishāq Ibrāhīm ibn Yaḥyā al-Naqqāsh al-Zarqālī. Kitāb al-‘amal bi-l-ṣafiḥa al-Ziḡīya
Самуэль га-Леви (Samuel ha-Levī Abulafia)		Libro de la fabrica y de instrument del levantamiento que en arábigo se llama ataṣir	
		III libros de las estrellas de la ochava espera (Libros de las estrellas fixas), 1276	‘Abd al-Raḥmān al-Ṣūfi. Kitāb al-kawākib al-tābita al-musawwar (Kitab suwar al-kawakib)

REFERENCES

1. Alfonso X y su época. El siglo del Rey Sabio / ed. Rodríguez Llopis M. Barcelona, 2001.
2. *Carandell J.* Risāla fī 'ilm al-zilāl de Muhammad ibn al-Raqqām al-Andalusī. Edición, traducción y comentario, Barcelona, 1988.
3. *Cardenas A.J.* Alfonso's Scriptorium and Chancery: Role of the Prologue in Bonding the Translatio Studii to the Translatio Potestatis // Emperor of Culture... P. 90–108.
4. *Castelló F.* El Dikr al-Aqālīm de Ishaq ibn al-Hasan al-Zayyāt (Tratado de Geografía Universal), Barcelona, 1989.
5. *Casulleras J., Samsó J.* (eds.), From Baghdad to Barcelona. Studies in the Islamic Exact Sciences in Honour of Prof. Juan Vernet, 2 vols., Barcelona, 1996.
6. *Catalan D.* De la silva textual al taller historiogràfic alfonsí: còdices, cròniques, versions y quaderns de treball. Madrid, 1997.
7. *Comes M.* *Ecuadorios andalusies.* Ibn al-Samh, al-Zarqālluh y Abū-l-Salt, Barcelona, 1991.
8. *Comes M., Mielgo H., Samsó J.* (eds.). Ochava espera y Astrofísica. Textos y estudios sobre las fuentes árabes de la astronomía de Alfonso X. Barcelona, 1990.
9. *Comes M., Puig R., Samsó J.* (eds.). De Astronomia Alphonsi Regis. Proceedings of the Symposium on Alfonsine Astronomy held at Berkeley (August 1985) together with other papers on the same subject. Barcelona, 1987.
10. *Domínguez Rodríguez A.* Astrología y Arte en el Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1984.
11. *Domínguez Rodríguez A.* La miniatura del scriptorium alfonsí // Estudios Alfonsies. Universidad ad de Granada, 1985.
12. *Domínguez Rodríguez A.* Las miniaturas del Lapidario // Edición facsímil del Primer Lapidario de Alfonso X el Sabio. Madrid, 1982.
13. El Scriptorium Alfonsí: de los Libros de Astrología a las Cantigas de Santa María / eds. Montoya Martínez J., Domínguez Rodríguez A. Madrid, 1999.
14. Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance / ed. by Robert I. Burns. University of Pennsylvania Press, 1990.

15. *Fernández Ordóñez I.* El taller historiográfico alfonsí. La Estoria de España y la General estoria en el marco de las obras promovidas por Alfonso el Sabio // El Scriptorium Alfonsí... P. 105–126.
16. *García y García A.* La enseñanza universitaria en las Partidas // Glossae. Revista de historia del derecho europeo. Murcia, 2, 1989–1990. P. 107–118.
17. *Gil J.S.* La escuela de traductores de Toledo y los colaboradores judíos. Toledo, 1985.
18. *González Palencia A.* El arzobispo Don Raimundo de Toledo. Barcelona–Madrid, 1942.
19. *Márquez Villanueva F.* El concepto cultural alfonsí. Barcelona, 2004.
20. *Martínez Ripoll A.* Aportaciones a la vida cultural de Murcia en el siglo XIII. La «madrassa» de M. al-Ricoti y el «Studium solemne» de los dominicos. P. 33–46.
21. *Menéndez Pidal G.* Como trabajaron las Escuelas alfonsíes // Nueva Revista de Filología Hispánica. A. V (1951). P. 363–380.
22. *Millás Vallicrosa J.M.* (1943–50): Estudios sobre Azarquiel. Madrid–Granada, CSIC. 1945–1950.
23. *Millás Vallicrosa J.M.* El literalismo de los traductores de la corte de Alfonso el Sabio // Al-Andalus. 1933. P. 155–187.
24. *Millás Vallicrosa J.M.* Una nueva obra astronómica alfonsí: el Tratado del cuadrante «sennero» // Al-Andalus. 1956. 21. P. 59–92.
25. *Millás Vallicrosa J.M.* Las traducciones orientales en los manuscritos de la Biblioteca Catedral de Toledo. Madrid, 1942.
26. *Pérez González M.* Herman el Alemán, traductor de la Escuela de Toledo. Estado de la cuestión // Minerva: Revista de filología clásica. Nº 6. 1992. P. 269–284.
27. *Procter E.* Alfonso X of Castile: patron of literature and learning. Oxford, 1951.
28. *Puig R.* Al-Šakkāziyya li-bn al-Naqqāš al-Zarqālluh. Edición, traducción y estudio. Barcelona, 1986.
29. *Rico F.* Alfonso el Sabio y la «General estoria»: tres lecciones. Barcelona, repr. 1984.
30. *Rius M.* La alquibla en al-Andalus y al-Magrib al-Aqòà. Barcelona, 2000.
31. *Romano D.* Le opere scientifiche di Alfonso X e l'intervento degli ebrei // Oriente e Occidente nel Medioevo: Filosofia e Scienze. Rome, 1971. P. 677–711.
32. *Samsó J.* Dos colaboradores científicos musulmanes de Alfonso X // Lluç. V. 4. 1981. P. 173.

33. Samsó J. Traducciones científicas arabo-romances en la Península Ibérica // Actes del VII Congrés de l'Associació Hispànica de Literatura Medieval (Castelló de la Plana, 22–26 de setembre de 1997) / eds. Fortuño Llorens S., Martínez Romero T. Vol. I. Castelló de la Plana, 1999. P. 199–231.
34. Sevilla, ciudad de privilegios. Escritura y Poder a través del Privilegio Rodado / eds. Borrero Fernandez M., Fernández Gómez M. Sevilla, 1995.
35. Vernet J. (ed.). Nuevos textos y estudios sobre astronomía española en el siglo de Alfonso X. Barcelona, 1983.
36. Vernet J. (ed.). Textos y estudios sobre astronomía española en el siglo XIII. Barcelona, 1981.
37. Vernet J. De 'Abd al-Rahmān I a Isabel II. Recopilación de estudios dispersos sobre Historia de la Ciencia y la Cultura Española ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de su LXV aniversario. Barcelona, 1989.
38. Vernet J. Estudios sobre Historia de la Ciencia Medieval (Reedición de trabajos dispersos, ofrecida al autor por sus discípulos con ocasión de los veinticinco años de su acceso a la cátedra de la Universidad de Barcelona). Barcelona, 1979.

Ключевые слова:

школа переводчиков, *studio generale*, переводы с арабского XIII в., скриптории Альфонсо X.

Galina A. Popova

DESTINY OF ONE INITIATIVE OF ALFONSO X THE LEARNED: ESTUDIOS E ESCUELAS GENERALES DE LATIN E DE ARABIGO

The article studies the history of the centers of translations during the reign of Alfonso X. The most important information about them is contained in the manuscripts with the treatises translated from the Arabic. Direct evidences about these centers in the charters are rarely found. There are only two documents which touch upon one of these centers — «Studio Generale» in Sevilla. Data of the royal charters (specially donations) have not been closely examined and systematized until today and these acts could provide us with new information about the famous translators from Arabic and the authors of the original additions to the translated texts. There are evidences of the three centers, where the Arabic language was learned or used for teaching — Toledo, Seville, Murcia. They are scarcely comparable because each had an own proper structure. In Toledo the tradition of transitions from the Arabic has persisted since the XII c., and Alfonso X relied on a fruitful local practice. The most significant change introduced by the king consists in fixing the translation from Arabic into Castilian as an independent full-fledged version of the text. «Studio Generale» of Seville was arranged as educational and scientific center, but evidences about its activities are not preserved. The school in Murcia was organized by the famous Muslim mathematician, philosopher and physician al-Rikuti, who was teaching in Arabic and Castilian, and the history of this center ceased after his emigration. Actually, the centers of translations from Arabic continued working due to the regular royal orders for such translations and compilations of the scientific treatises.

 Попова Галина Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН
(Москва, Россия)

А.В. Русанов

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КОРОЛЯ АЛЬФОНСО X МУДРОГО И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО ПОРТУГАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ XIII—XIV В¹.

Законодательство Альфонсо X предоставляет исследователям немало источников по университетской истории. Стоит особо подчеркнуть роль корпуса текстов, созданных при дворе этого монарха (в первую очередь «Семи Партид») как одного из первых эксплицитных выражений концепции *studium generale* (*estudio general*), связанной с постоянно существующей корпорацией школяров и магистров — *universitas* (*universidad, ayuntamiento*). Это одна из первых и подробнейших манифестаций возможности *основания* университета, в том числе королевской властью². В первую очередь речь идет о знаменитом XXXI титуле Второй Партиды, целиком посвященном школам, магистрам и школярам³. Крайне важным для всех королевств Пи-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

² Внимание «Семи Партидам» в данном контексте уделяется уже в классических работах по истории университетов: *Denifle H. Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. B. I. Die Entstehung der Universitäten. B., 1885. S. 33; Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford, 1895. Vol. 1. P. 8.*

³ *Alfonso X el Sabio. Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alfonso el Nono, nuevamente glosadas por el Licenciado Gregorio Lopez del Consejo Real de Indias de su Magestad. Segunda Partida Madrid, 1555. (Reprint.: Madrid, 1985. Vol. I.). Fl. 114–116.*

ренейского полуострова представляется перенесение латинской терминологии, в том числе и связанной с университетами, на почву старокастильского языка⁴.

Безусловно, нуждается в дополнительном исследовании влияние данной концепции непосредственно на жизнь испанских университетов. Не раз отмечались важность именно символического значения Партид и дискуссионность практического применения их положений⁵. Как отмечает А. Гарсия-и-Гарсия, законы «Семи Партид», касающиеся прав магистров и школяров, имеют крайне ограниченное значение непосредственно для исследования истории Саламанки или иных кастильских университетов. Объясняется это отсутствием у данного документа законодательной силы до 1347 года⁶.

Однако нельзя недооценивать последовательность политики Альфонсо X и его канцелярии в отношении школ королевства. Так, известен ряд документов рассматриваемого периода, где данная политика реализуется в отношении университета Саламанки⁷ (в том числе и знаменитая *Carta Magna*), а также их связь с наиболее «практичными» положениями Партид, касающимися проблем съема школярами жилья и соблюдения их привилегий горожанами⁸. В данной статье я постараюсь проследить, какое влияние приобрели разные аспекты леонско-кастильского законодательства периода Альфонсо X, связанные с университетской жизнью, в Португалии.

Прежде всего, следует охарактеризовать пути, по которым могли осуществляться подобные заимствования. В Португалии XIII—XIV вв. было известно и, более того, переводилось немалое количество кастильских ис-

⁴ См.: Rubio Moreno L. Contribución al estudio de las definiciones léxicas de las «Partidas» de Alfonso el Sabio. Avila, 1991. P. 739–744; Мареј А.В. Язык права средневековой Испании: От Законов XII Таблиц до «Семи Партид». М., 2008. С. 26–27.

⁵ См.: Iglesia Ferreirós A. Derecho municipal, derecho señorial, derecho regio // Historia, Instituciones, Documentos. 4. 1977. P. 155–197.

⁶ García y García A. Génesis de la Universidad, siglos XIII–XIV // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002. P. 30. Насколько можно судить, образ университета в Партидах в большей степени ориентирован непосредственно на Болонью (см.: Idem. La enseñanza universitaria en las Partidas // Glossae. Revista de historia del Derecho europeo. 1989–1990. 2. P. 107–118.)

⁷ Подробнее о составе данного корпуса текстов см.: Ibid. P. 22–25; Alonso Romer M.P. El fuero universitario, siglos XIII–XV // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. II: Estructuras y flujos. Salamanca, 2004. P. 161–165, а также: Beltrán de Heredia V. Los orígenes de la Universidad de Salamanca. T. 1. Salamanca, 1953.

⁸ **Part.II.31.2.** En que logar debe seer establecido el estudio, et como deben seer seguros los maestros et los escolares que hi vinieren á leer et aprender; **Part.II.31.5.** En que logares deben seer ordenadas las escuelas de los maestros.

точников права⁹. При этом данные заимствования осуществлялись как местными конселью, так и королевской властью.

Самым ярким примером первого случая является собрание конселью Гварды, в котором сохранился список «Цветов права» Хакобо Законника. Также в состав так называемой «Тетради Обычаев Гварды» (*Caderno de Costumes da Guarda*) был включен текст «Королевского фуэро»¹⁰. Подобное заимствование обычно объясняется кастильским образованием местного юриста и рассматривается в контексте разнообразия законодательных норм Португалии в период только начинающейся правовой централизации (конец XIII — начало XIV в.)¹¹.

Однако для университетской истории гораздо более значительны заимствования, осуществлявшиеся королевской властью. В первую очередь влияние оказали Партиды. Ко времени правления Афонсу IV Храброго (1325–1357) относится сохранившийся перевод Третьей Партиды (1341 г.), осуществленный по королевскому указанию, а также многочисленные отрывки Первой (также сохранилась рукопись ее полного текста), Второй, Третьей и Седьмой Партид¹². Вполне вероятно, что существовали и более ранние переводы. Так, Ж. ди Азеведу Феррейра доказывает существование этих гораздо более ранних текстов (особенно в отношении Третьей Партиды), предполагая это следствием полного перевода, начатого по приказу короля Диниша (1279–1325)¹³. Кроме того, Ж. Домингеш выделяет две прямые отсылки к Партидам в законодательстве Диниша¹⁴. Также на основе указаний в завещании коимбрского

⁹ Caetano M. História do direito português: Vol. I. Fontes — Direito Público. Lisboa, 1981. P. 341–343; Albuquerque R. de, Albuquerque M. de. História do Direito Português. Vol. I. (1140–1415). 1 Parte. Lisboa, 1999. P. 181–196.

¹⁰ См.: *Merêa P.* A versão portuguesa das Flores de las Leyes de Jacome Ruys // Revista da Universidade de Coimbra. Vol. VI. P. 343–360, а также издание: *Afonso X.* Fuero Real. Braga, 1982. Vol. I.

¹¹ *Albuquerque, R. de, Albuquerque M. de.* História... P. 183.

¹² См.: *Primeira partida: edição et étude.* Braga, 1980. Подробнее о происхождении и содержании данных фрагментов см.: *Costa A. de Jesus da.* Fragmentos preciosos de Códices Medievais. Braga, 1949. P. 22–25; *Caetan M.* História... P. 342; *Gomes da Silva, N.J.E.* História... P. 206; *Azevedo Ferreira J. de.* Fragmentos das Partidas de Afonso X reencontrados em Braga // *Cohers de linguistique hispanique médiévale.* 18–19 (1993–1994). P. 367–402; *Dias A.F.* As partidas de Afonso X: novos fragmentos em língua portuguesa. Coimbra, 1994; *Pinto P.* Um novo fragmento português medieval da Terceira Partida de Afonso X // *Boletim da Direcção-Geral de Arquivos, Lisboa, 2009. № 8.* P. 5.

¹³ *Azevedo Ferreir J. de.* Subsídios para uma edição de Terceira Partida de Afonso X // *Boletim de Filologia. Homenagem a Manuel Rodrigues Lapa.* Vol. II. T. XXIX. Lisboa, 1984. P. 114–117.

¹⁴ В законе короля Диниша о праве убежища в церкви («com estas sentenças sobreditas acordam mujtos direitos E outrosy a lley iiii» da primeira partida Titollo xi [P 1.1.1.4] E diz assy homes hi a que nom deuem seer enparados em-na igreja E os podem ende sacar sem coima nhuma / assy como os ladroões manefestos E púbricos que teem os camjnhos E matam os

Король Афонсу IV Храбрый. Изображение XVII в.

каноника Жуана Гонсалвиша (1285 г.) можно предположить наличие уже в то время комментариев к Партидам, вероятно, осуществленных по приказу короля (а возможно и под его прямым руководством)¹⁵.

Всё это позволяет попытаться рассмотреть в свете кастильско-леонской традиции королевские документы, касающиеся ранней истории университета в Португалии. Он был основан между 1288 и 1290 гг. в Лиссабоне. К первой из дат, ограничивающих время его возникновения, относится прошение, отправленное группой португальских клириков Папе Николаю IV после одобрения короля Диниша. В этом прошении провозглашалась необходимость для королевства наличия собственного *studium generale* в связи с опасностями пути к иностранным центрам образования и предполагалось его финансирование из рент ряда монастырей¹⁶. К 1290 г. отно-

homens E os Roubam») и его же законе от 4 мая 1305 г. о том, что только король может посвящать в рыцари («Ca seede certos que de dereyto antigo e das leys dos enperadores que ante nos forom [P 2.21.2] nenhum homem de conçelho nom pode seer caualeiro nem auer honra de caualaria senom per seu Rey ou per seu filho que ha de reinar per seu mandado dElRey») (Domingues J. As Partidas de Castela e o Processo Medieval Português // Initium 18 — Revista Catalana d'Història del Dret (2013). P. 237–288).

¹⁵ В тексте завещания говорится о комментариях на народном и латинском языках к некой книге из семи частей («Item quemdam librum de VII^m partibus glossatum per linguagem... Item alium librum de VII^m partibus glossatum per latinum»). См.: Albuquerque R. de, Albuquerque M. de. História... P. 195.

¹⁶ Petição dirigida ao Papa por alguns prelados portugueses para pagarem, das rendas dos Mosteiros e Igrejas, os salários dos Mestres e Doutores do Estudo Geral de Lisboa, que ia ser criada (Doc. 2) // Chartularium Universitatis Portugalensis (далее — CUP). Lisboa, 1966. Vol. I. P. 6–7.

сится два документа, согласно которым можно предположить функционирование к тому времени университета в Лиссабоне. Это — грамота короля Диниша от 1 марта, гарантирующая ряд университетских привилегий¹⁷, и булла *De statu Regni Portugalie*, датированная 9 августа¹⁸. Нам неизвестны другие документы, касающиеся португальского *studium generale* в первый период существования, который предшествовал переезду в Коимбру. Этот переезд произошел около 1308 г. и был, согласно булле, его подтверждающей¹⁹, связан с конфликтами между школярами и горожанами. На протяжении XIV в. университет еще не раз менял свое местоположение: в 1337 г. он вернулся в Лиссабон, однако уже около 1354 г. он вновь переместился в Коимбру, где пребывал до 1377 г. В этом году по указанию короля Фернанду I университет обосновался в Лиссабоне, как оказалось, более чем на полтора столетия²⁰.

Как не раз отмечалось, специфику Португальского университета во многом определил тот факт, что к тому времени сложилась концепция *studium generale*, зафиксированная, в частности, Партидами²¹ (при этом зачастую подразумевается непосредственное влияние данного документа²²). Однако прежде чем перейти к непосредственному анализу источников, следует выделить важный аспект заимствований. Насколько мы можем судить, как представителям королевской канцелярии, так и, впоследствии, членам университетской корпорации постановления Альфонсо X, связанные со *studium generale*, были известны также и благодаря непосредственному знакомству с корпоративным правом Саламанки. Так, существует ряд гипотез о связи португальской королевской курии уже с университетом Паленсии в начале XIII в., причем ряд его профессоров, как предполагалось, оказал влияние на королевские реформы 1211 г., а впоследствии не раз там оказывались епископы. Существуют свидетельства о португальцах даже в недолго суще-

¹⁷ Carta de D. Dinis ampliando os privilégios concedidos ao Estudo Geral de Lisboa (Doc. 4) CUP Vol. I. P. 10–11.

¹⁸ Bula de Nicolau IV aprovando o pagamento dos salários aos professores do Estudo Geral de Lisboa e concedendo privilégios aos mestres e alunos (Doc. 6) // CUP Vol. I. P. 12–13.

¹⁹ Bula de Clemente V autorizando a concessão de seis igrejas paroquiais ao Estudo que ia ser trasladado para Coimbra (Doc. 22) // CUP Vol. I. P. 39–40.

²⁰ Об истории Португальского университета в Средние века см.: Braga T. História da Universidade de Coimbra nas suas relações com a instrução portuguesa. T. I. 1289 a 1555. Lisboa, 1892; Brandão M., Almeida, M.L. de. A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937; História da universidade em Portugal. Vol. I. (1290–1536). Lisboa, Coimbra, 1997; A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013.

²¹ Mattoso J. A Universidade portuguesa e as universidades europeias // História da universidade... P. 3.

²² Saraiva A.J. O crepúsculo da Idade Média em Portugal. Lisboa, 1986. P. 116–117.

ствовавшей высшей школе в Калаорре²³. Хотя роль Саламанки как центра образования всей пиренейской элиты особо возросла в XIV (а еще более — в XV) в.²⁴, уже в XIII в. она была важным центром, привлекавшим летрадос из соседних королевств, в том числе и ряд высших иерархов португальской церкви. Особенно важна среди них фигура лиссабонского епископа и главы Королевской канцелярии Домингуша Аниша Жарду, вероятно, непосредственно связанного с основанием *studium generale*²⁵.

Безусловно, сложно представить, чтобы королевская поддержка основания университета не была хотя бы отчасти связана с влиянием образа Альфонсо Мудрого на его внука по материнской линии, Диниша²⁶. Данное влияние было крайне разнообразно, в частности, стоит отметить соответствие роли королевской канцелярии в управлении королевством предписаниям Партид²⁷.

В данном контексте приобретает значение образ мудрого и справедливого короля, *rex litteratus*, созданный в подражание Соломону и Давиду²⁸. При этом в кастильско-леонской историографии данный образ уже с начала XIII в. связывается с понятием *institutor scholarum*, заботящийся о различных аспектах распространения знания в королевстве²⁹. Особое значение

²³ Fleisch I. The Portuguese clergy and the European universities in the 12th and 13th centuries // Carreiras Eclesiásticas no Ocidente Cristão (séc. XII—XIV). Lisboa, 2007. P. 72—74.

²⁴ Mattoso J. A Universidade portuguesa... P. 11.

²⁵ Farelo M. Lisboa numa rede latina?... P. 263. См. также: Veríssimo Serrão J. Portugueses no Estudo de Salamanca. I. (1250—1550). Lisboa. 1962. P. 3—15.

²⁶ См.: Mattoso J. As relações de Portugal com Castela no reinado de Afonso X // Mattoso J. Fragmentos de uma composição medieval. Lisboa, 1987. P. 73—94; González Jiménez M. Alfonso X y Portugal // Alcanate. IV (2004—2005). P. 19—34.

²⁷ Это касается, в частности, роли канцлера в управлении государством — впоследствии во II титуле Установлений короля Афонсу V был прямо процитирован 4 закон 9 титула Второй Партиды. Хотя данный свод права, обобщающий королевское законодательство, относится к середине XV в., португальские исследователи, в частности А. ди Ж. да Кошта, прослеживают рассматриваемое влияние уже с конца XIII в. (Costa A. de J. da. Chancelaria Real Portuguesa e os seus registos, de 1217 a 1438 // Revista da Faculdade de Letras. História (Porto) Ser. 2. Vol. 13 (1996). P. 81, 84.) К сожалению, отсутствует современное критическое издание Установлений короля Афонсу V. Здесь и далее используется издание 1792 г. (Ordenações do Senhor Rey D. Affonso V. Coimbra, 1792.)

²⁸ См.: Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium. Der westiberische Raum und die europäische universitätskultur in Hochmittelalter. Prosopographische und rechtsgeschichtliche Studien. Münster, 2006. S. 310—311, S. 356—358.

²⁹ См.: Nieto Soria J.M. Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII—XV). Madrid, 1988; Pedredo-Sánchez M.G. O saber e os centros de saber nas Sete Partidas de Alfonso X, o Sábio // A Ciência e a Organização dos Saberes na Idade Média. Porto Alegre, 2000. P. 203—204; Kleine M. La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso X el Sabio // Res publica. 17. 2007. P. 223—239; Farelo M. A universitas no labirinto: poderes e redes sociais // A Universidade medieval em Lisboa... P. 188—189.

это получило во время Альфонсо X, что проявилось в подробном описании устройства *estudio general* в Партидах. К сожалению, отсутствие как обширных правовых сводов, так и португальской хронистики до XV в. затрудняет анализ осмысления такого рода политики во времена короля Диниша³⁰, однако представляется возможным рассмотреть его в связи с университетскими грамотами.

Насколько можно судить, едва ли стоит рассматривать в связи с прямым влиянием законодательства Альфонсо X риторику прошения 1288 г. Оно начинается с соединения перифразов из Введения к Институциям Юстиниана и аутентики *Habita* императора Фридриха I Барбароссы³¹, чем подчеркивается значение законов для королевства и науки (*scientia*) для борьбы с ересью. Аналогично и в грамоте 1290 г. говорится об университете как о «сокровищнице знания», в чем едва ли можно усмотреть влияние Альфонсо X. При этом для Лиссабона выбрано нетипичное обозначение *civitas regia*, призванное подчеркнуть право короля на основание университета вне зависимости от императора³². Можно предположить, что в данном случае ведется та же полемика в защиту того, что впоследствии будет названо *Studium Generale respectu regni*³³, ответом на которую было утверждение в Партидах равной возможности основания университета «по указанию Папы, или императора, или короля»³⁴. Безусловно, в случае короля Диниша также важно и утверждение его равенства с королями Кастилии и Леона, лишь недавно формально признавшими независимость Португальского королевства.

Таким образом, самые ранние документы Португальского университета свидетельствуют, скорее, о решении королевской властью в отношении университета проблем, сходных с теми, что рассматриваются Альфонсо X, однако без прямых заимствований из его наследия. Насколько можно судить, в «университетской политике» короля Диниша нашли отражение отвлеченные идеалы школы, существовавшие при дворе Альфонсо Муд-

³⁰ Farello M. Lisboa numa rede latina? Os escolares em movimento // A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV. Lisboa, 2013. P. 240–241.

³¹ «cum Regiam celsitudinem non solum armis decoratam sed legibus oportet esse armatam ut tam tempore belli quam pacis res publica. Recte ualleat gubernari. Nam per scientiam mundus illuminatur et vita subiectorum ad obidientiam Deo et ministries eis plenius et fidelius informatur fides corroboratur ecclesia exaltatur et per viros ecclesiasticos defenditur contra hereticam prauitatem» (Petição... (Doc. 2). P. 6–7.)

³² См.: Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium... S. 310–317.

³³ Rashdall H. The Universities of Europe... Vol. 1. P. 12–15.

³⁴ «...et este estudio debe seer establecido por mandado de papa, ó de emperador, ó de rey» (II Part., Tít XXXI, Ley 1).

Вид Лиссабона до землетрясения. Гравюра начала XVIII в.

рого. Ярким выражением этих идеалов, оказавшим большое влияние на основывавшиеся впоследствии королями пиренейские университеты, стало описание Афинской школы в «Всеобщей истории»³⁵, отразившее идею центра, где все желающие могут найти все знания³⁶, причем расцвет этого места связан с «добрыми фуэро и привилегиями, которое там имели школяры»³⁷. Показательной особенностью данной модели, реализуемой и поддерживаемой радением королевской власти, было минимальное внимание, уделяемое, собственно, городским властям³⁸, что не могло не приводить к многочисленным противоречиям и столкновениям с горожанами. Это, как упоминалось выше, произошло с лиссабонскими школярами в конце XIII — начале XIV в. и вынудило короля перенести (а по сути, основать заново) *studium generale*.

³⁵ Rucquoi A. Contribution des studia generalia à la pensée hispanique médiévale // Pensamiento medieval hispano: homenaje a Horacio Santiago-Otero. Madrid, 1998. Vol. 1. P. 740–743.

³⁶ «Et esto pusieron assi los sabios, como dixiemos, por que non touieron por bien que certedumbre del bien en este mundo, andudiesse errado buscando lo, mas que cierta mientre fuesse al logar o era» (*Alfonso el Sabio*. General Estoria. Primera parte. Madrid, 1930 (Libro VII, Cap. XXXIV). P. 193).

³⁷ «Et esto se aprendie en Grecia en Athenas mas que en otro logar del mundo a aquella sazón, e por esso uinien todos a Athenas mas que a otro logar, e otrosi por quantos buenos fueros e priuilegios auien alli los escolares e por muchos plazerres que fallauan y». (Ibid.)

³⁸ Monsalvo Antón J.M. El Estudio y la Ciudad en el período medieval // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002. P. 448.

В целом, вероятно, в данном случае уместнее говорить именно о влиянии образов, таких как короли Кастилии и Леона в хрониках Родриго Хименеса де Рады и Луки Туйского, например, Альфонсо VIII, представленный «новым Соломоном».³⁹ Впрочем, нельзя исключать и неполноты картины в условиях столь ограниченной источниковой базы.

Несколько иную ситуацию мы наблюдаем в грамотах того же короля, дарованных университету после его обоснования в 1308 г. в Коимбре. Для данного периода мы обладаем большим количеством документов, касающихся разных сторон жизни корпорации. Безусловно, особое значение имеет королевская грамота от 15 февраля 1309 г. (так называемая *Magna Charta privilegiorum* Португальского университета⁴⁰), часто характеризующаяся как его первые статуты.

На основе данного документа можно подробнее рассмотреть «программу» королевской власти относительно университета, изложенную в преамбуле следующим образом:

Ведь король никак лучше не мог бы достигнуть того, чтобы так расцвела справедливость, чем если бы приказал засеять землю и королевство, ему доверенное, семенем, ибо именно так милостью того, кто из смертного семени приносит обильный плод, королевство произвело бы сияющие пальмовые ветви справедливости, а земля — свои плоды, то есть мужей, всячески выдающихся в науке красноречия, поэтому точно так же учеными мужьями ради всех благ вашей небесной милости, которыми они служат, король и королевство вполне укрепляются крепостью справедливости»⁴¹.

Этот пассаж, безусловно, перекликается с кастильскими идеями, в частности, изложенными во введении к титулу Партид, где ведется речь о школах, «поскольку с помощью ученых людей и с помощью их советов люди, земли и королевства преуспевают, охраняются и управляются»⁴². Бо-

³⁹ См.: *Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium...* S. 357–358.

⁴⁰ Carta de D. Dinis fundando y establecendo em Coimbra o Estudo Geral e concedendo-lhe privilégios (Doc. 25) // CUP. Vol. I. P. 43–47. Закрепившееся в историографии название следует за традиционным названием грамоты, дарованной университету Саламанки Альфонсо X, которая будет рассмотрена далее.

⁴¹ «Quippe hec rex culte justitie nusquam mellius poterit ducere quam si terram et regnum sibi comjsum faciat semjne multiblicabillem semjnari vt sic demum per illius gratiam quj de mortificato semine plurium frutum afert regnum emictas palmas justitie et terra germjnet fructose suas scilicet viros eloquiorum doctrina multipliciter insignatos vt perinde uestre celstis gratie viris literatis ad omnem bonum quomodo operantibus rex et regnum in soliditate justitie solidentur» (Carta de D. Dinis... (Doc. 25). P. 43–44).

⁴² «et porque delos omes sabios, los omnes tierras et los Reynos se aprovechan et se guardan et se guian poe el consejo dellos» (II Partida, XXXI, Prol.)

Университет в Коимбре. Гравюра XIX в.

лее того, в грамоте Диниша данные идеи конкретизируются, подробнее рассматривается «непосредственная польза» для королевства. Так, наличие преподавателей гражданского права необходимо, «дабы управители (*rectores*) и судьи нашего королевства по праву могли бы разрешать запутанные и трудные тяжбы, советуясь со знатоками»⁴³. В целом, можно отметить, что модель университета в грамоте короля Диниша претендует на большую универсальность, чем была свойственна, например, Партидам⁴⁴.

В португальской *Magna Charta* не раз отмечалось⁴⁵ влияние одноименного документа, дарованного королем Альфонсо Мудрым университету Саламанки⁴⁶. Стоит сразу оговорить, что необходимо отделить непосред-

⁴³ «vt rectores et et iudices nosti regnj consillio peritorum dirimere ualeant subtilles et arduas questiones» (Carta... (Doc. 25) P. 44).

⁴⁴ Так в составе университета рассматривается «конвент братьев-проповедников и монахов, обучающихся Св. Писанию, дабы католическая вера была окружена нерушимой стеной воинов» («apud religiosos conuentus fratrum predicatorum et mjonum jn sacra pagina doceat ut sit fides catholica circumdata muro jnexpunabili belatorum» (Ibid.)). Стоит упомянуть, что богословский факультет был утвержден Папой в Португальском университете только в 1400 г.

⁴⁵ Denifle H. Die Universitäten des Mittelalters... S. 526; Brandão M., Almeida M.L. de. A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937. P. 52—55; Rodrigues M.A. Notas sobre a Universidade de Coimbra desde as origens (1290) até à fixação definitiva em Coimbra // Rodrigues M.A. A Universidade de Coimbra. Figuras e Factos da sua história. Porto, 2007. P. 9—233; Martins A. Lisboa, a cidade e o Estudo: a Universidade de Lisboa no primeiro século da sua existência // A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII—XV. Lisboa, 2013. P. 54.

⁴⁶ Real cédula de Alfonso X el Sabio en que confirma los privilegios de la Universidad de Salamanca y le da una reglamentación. (Doc. 23) // Cartulario de la Universidad de Salamanca. Vol. I. Salamanca, 1970. P. 630—633.

ственное влияние права Саламанки от «болонского субстрата», ключевого для всех иберийских университетов. Так, например, М. Песет выделяет в португальских грамотах ряд общих черт с привилегиями университета Лериды (Льейды) (1300 г.), сохранившихся в составе *Liber constitutionum et statutorum*⁴⁷, отмечая, что, скорее всего, речь идет о заимствовании установлений Болоньи⁴⁸. Кроме того, сходства могут быть вызваны и аналогичностью проблем, с которыми сталкивались школяры.

Вероятнее всего, непосредственно на опыт Саламанки ориентировались при определении системы жалования преподавателей и официалов, зафиксированной в грамоте Альфонсо Мудрого⁴⁹, а в Португалии — в грамоте короля Диниша 1323 г.⁵⁰ Непосредственное влияние представляется особенно значимым при общем для Коимбры и Саламанки финансировании университета из так называемых третин⁵¹.

⁴⁷ Llibre de les constitucions i estatuts de l'Estudi General de Lleida. Lleida, 2000.

⁴⁸ Peset M. Interrelaciones entre las universidades españolas y portuguesa en los primeros siglos de su historia. Coimbra, 1982. P. 23, 27–28.

⁴⁹ «Otro si mando que ayan vn maestro en decretos e yo quele de tresientos maravedis cada anno. Otro si mando que ayan dos maestros en decretales e yo queles de quinientos maravedis cada anno. Otro si tengo por bien que ayan dos maestros en logica e yo queles de doscientos maravedis cada anno. Otro si mando e tengo por bien que ayan dos maestros en la gramatica e yo queles de dosientos maravedis cada anno. Otro si mando e tengo por bien que ayan dos maestros en fisica e yo queles de dosientos maravedis cada anno. Otro si mando e tengo por bien que ayan vn estacionario e yo quele de cient maravedis cada anno e el que tenga todos los exenprarios buenos e correchos... Otro si tengo por bien el dean de Salamanca e Arnal de Sençaque que yo fago conseruadores del estudio ayan cada anno dosientos maravedis por su trabajo e pongo otros dosientos maravedis que tenga el dean sobredicho para faser despesar en las cosas que fesieren menester al estudio. E estos maravedis sobredichos son por todo dos mill e quinientos maravedis e mando que los sobredichos conseruadores rresçiban e tengan estos maravedis sobredichos e que los despiendan en prouecho del estudio asi como yo mande e sobredicho es e que den [cuen]to e rason dellos cada anno a mi o a quien yo mandare» (Real cédula de Alfonso X el Sabio... (Doc. 23) P. 632).

⁵⁰ «o dicto Meestre de en cada hũu anno ao Meestre das Leix sexcentas libras e ao Meestre das degreetaes quinhentas libras e ao Meestre da ffizica duzentas libras e ao Meestre da Musica seteenta e cinco libras e de a dous conseruadores quarenta libras a cada hũu» (Carta de D. Dinis determinando ao Mestre da Ordem de Cristo o quantitativo a pagar aos professors do Estudo Geral de Coimbra (Doc. 59) // CUP. Vol. I. P. 84–85). Данная грамота связана с передачей обязанностей по содержанию университета Ордену Христа, так что фиксируемая в ней система жалования, скорее всего, восходит ко времени начальных уложений Португальского университета после переезда в Коимбру.

⁵¹ То есть части церковных десятин, получаемых королевской властью по соглашению с папами (первоначально для целей Реконкисты). Третины впервые предоставлены впервые предоставлены Фернандо III Святому Иннокентием IV в 1247 г., но именно Альфонсо Мудрый активировал их как постоянную часть функционирования казны, в частности, для финансирования университета.

Король Диниш. Изображение XVII в.

В период после смерти короля Диниша (1325 г.) происходит ряд важных изменений.

С одной стороны, насколько можно судить, для португальских королей всё слабее становится связь между ключевым для них образом «справедливого правителя», прислушивающегося к советам знатоков права, и необходимой для этого «институализации». Можно предположить связь этого процесса и уменьшения внимания короля к университету, в частности, в правление Афонсу IV (который при этом уделял немалое внимание вопросам централизации законодательства)⁵².

Однако идея об обязательствах королевской власти перед университетом сохраняется и переживает причудливую трансформацию. Теперь она может использоваться как пример несоблюдения королем своих обязанностей. Так, на кортесах 1371 г. высказывается претензия королю Фернанду, что он, несмотря на то, что «благороднейшим делом короля является поддержка летрадуш»⁵³, не уделяет должного внимания *studium generale*

⁵² См., например: Варьяш И.И., Русанов А.В. Новая научная интерпретация грамоты 1338 года, выданной Афонсу IV Португальскому университету // Средние века. № 73(3/4). С. 326–340.

⁵³ «huma das mais nobres cousas que no mundo o Rej pode auer por que mais prol uem aa sua terra ssij he auer em ela letrados e entendudos E que poreм os Reijs que ante nos fforom... trabalharom se dauer em este rreijno estudo geeral de que os homens pudessem aprender çiençia pera per ella seer sua terra mais nobre» (Artigos das Cortes realizadas em Lisboa, onde se pede que a Universidade de Coimbra seja reformada nos seus lentes (Doc. 276) // CUP. Vol. I. P. 297).

и, более того, тратит на другие нужды предоставленные для него Папой средства⁵⁴. Показательно, что король вынужден, по сути, признать заботу об университете как свою обязанность, однако в тексте статей кортесов нет прямых отсылок к источнику такого представления.

С другой стороны, хотя во второй половине XIV столетия Партиды активно использовались как источник права в судебных процессах⁵⁵, они встречали сопротивления обладателей особых привилегий и прав. На это жаловались на кортесах 1361 г. в Элваше клирики, указывая, что судьи пользуются Партидами, «созданными королем Кастилии, подданными которого мы не являемся», но пренебрегают каноническим правом, которому должен подчиняться любой христианин⁵⁶.

В связи с данным процессом следует рассматривать и королевскую грамоту, адресованную консерватору университета Коимбры 13 апреля 1361 г.⁵⁷ Она отвечает на жалобу университетской корпорации, согласно которой консерватор, являющийся гарантом привилегий школяров в городской среде, «когда случается, что они ссылаются на какие-либо свои права, содеянные прежде вас, по своим книгам, вы не хотите это рассматривать, кроме как если покажут эти права в книгах Партид (*de partida*) об этом. И я считаю благом и повелеваю вам, чтобы, когда они вам покажут какие-либо права в своих книгах, вы бы их соблюдали, посовещавшись прежде с летрадуш, которые в этом разбираются, таким образом, чтобы сторонам не было затруднений без причины»⁵⁸. Н.Ж.Э. Гомиш да

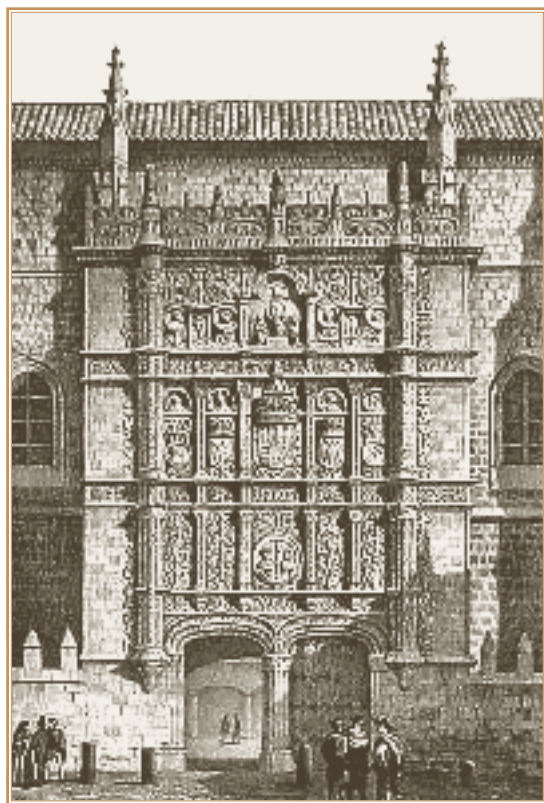
⁵⁴ «E foij lhjs outorgando per o papa com certas rrendas que pera os encargos do dicto studio derom as quaes rrendas ssenpre foram em m̃ao dos Reijs que ante nos foram pera eles pagarem os leentes e os outros que conpriam ao dicto estudo E que eram na nosa E que o dicto estudo nom era rreformado de leentes commo lhj conujinha e fazja mester por por a qual rrazom mujtos da nossa terra sse hjam for dela aaprender o que nom era nos seruiço nem onrra ca mjlhor ficaria na nossa terra o que eles leuam que o leuarem fora dela des hj o nosso Reyno aueria por hj mjlhor fama» (Ibid.).

⁵⁵ Domingues J. As Partidas de Castela... P. 260–277.

⁵⁶ Gama Barros H. da. História da Administração publica em Portugal nos seculos XII a XV. Lisboa, 1945. Vol. I. P. 126; Almeida Costa M.J. de. Romantismo e bartolismo no direito português. Coimbra. 1960. P. 16–17; Caetano M. História... P. 342.

⁵⁷ Carta de D. Pedro restabelecendo o antigo uso dos conservadores da Universidade de conhecerem e julgarem os feitos ocorridos entre escolares e outras pessoas e recomendando ao conservador Gonçalo Anes que tome conhecimento dos direitos invocados perante ele (Doc. 218) // CUP. Vol. I. P. 229–230. Грамота, наряду с упомянутой выше статьей кортесов, ценится в португальской историографии как важное свидетельство распространения Партид (см.: Caetano M. História... P. 342; Gomes da Silva N.J.E. História... P. 205–206), но мало изучена в контексте проблем истории привилегий университета.

⁵⁸ «me enujarom dizer que quando acintece que elles allegam em alguuns fectos perante uos seus djreitos per seus liuros que lhes nom queredes delles conhecer saluo se uos monstrem esse djreitos em liuros de partida sonre esto tenho por bem e mandouos que quando uos elles

Фасад Саламанкского университета. Гравюра XIX в.

Силва предполагает, что эти споры связаны с тем, что консерватор, будучи неграмотным (или, по крайней мере, малограмотным), не мог разобраться в сложностях латинских законов канонического и гражданского права и просил, чтобы все законы были представлены в Партидах — доступных ему, так как были написаны на кастильском (а возможно, имевшихся у него и в переводе на португальский)⁵⁹. Вполне вероятно, что речь идет не только о каноническом праве, к которому апеллировали большинство школяров, являвшихся клириками, но и собственно университетские установления. Можно уверенно говорить, что к 1361 г. уже сформировался первый корпус университетских привилегий, копии которых в 1367 г. были включены в королевскую грамоту, ставшую по сути первым картулярием Португальского *studium generale*⁶⁰.

alguuns djreitos mostrarem per seus liuros nos dictos fectos que lhos agurdedes auendo ante conselho com letrados que delo saybham de quisa que as partes nom recebam agrauamento sem razam» (Carta de D. Pedro... Doc. 218. P. 230).

⁵⁹ Gomes da Silva N.J.E. História... P. 206.

⁶⁰ Об этом процессе подробнее см.: Русано А.В. Подтверждения привилегий Португальского университета в правление короля Фернанду (1367–1383) // Средние века. № 75(1/2).

Таким образом, к данному периоду влияние леоно-кастильского законодательства XIII в. на корпоративное право Португальского университета окончательно сходит на нет. В ходе процесса унификации португальского королевского права⁶¹, приведшего к составлению в середине XV в. Установлений короля Афонсу V, использовались некоторые законы Партида⁶², сохранял распространение и сам их текст на протяжении XV—XVI вв.⁶³, но едва ли можно говорить об их прямом влиянии на правовые акты, связанные с университетской корпорацией.

Безусловно, проблема кастильского влияния как в португальском средневековом праве в целом, так и в его разделах, касающихся университетской корпорации, нуждается в дальнейшем изучении. Также нуждается в дальнейшем исследовании соотношение «идеологических» и, собственно, правовых заимствований. Однако на основе предварительного рассмотрения данных процессов в связи с формированием и развитием корпорации Португальского университета удалось сделать ряд выводов.

Можно с определенной долей уверенностью утверждать, что идеи *studium generale* заимствовались и реализовывались в Португалии в контексте «престижа» власти, образа *rex litteratus* — под влиянием Кастилии и во многом в противостоянии с ней⁶⁴. Вскоре после этого происходит развитие понимания образа университета (как «проводника права»⁶⁵ и истока справедливого правления), заимствуются модели, воплощавшиеся в законодательном наследии Альфонсо X. Параллельно с этим корпорация университета заимствует опыт университета Саламанки (наряду с привилегиями университета Болоньи и, вероятно, Парижа), что находит отражение в предоставляемых королем привилегиях. В правление наследников Диниша уменьшается влияние кастильских образов

⁶¹ См.: Варьяш О.И. Юридическая культура португальского двора XIV в. // Варьяш О.И. Пиренейские тетради. М., 2008. С. 64–77.

⁶² Gama Barros H. da. História da Administração pública... Vol. I. P. 127; Caetano M. História... P. 546–547.

⁶³ Так, в каталоге библиотеки короля Дуарте упоминается «книга Первой Партиды» («livro da primeira partida» (Livro dos Conselhos de El-Rei D. Duarte (livro da cartuxa). Lisboa, 1982. P. 208). Сохранился и ряд рукописей XV в. Например, о Первой Партиде из библиотеки церкви Святого Иакова в Торриш-Новаш см.: Rosa Pereira, I. da. Dos Livros e dos seus Nomes: Bibliotecas Litúrgicas Medievais // Arquivo de Bibliografia Portuguesa. № 17 (1974, separata). P. 127.

⁶⁴ См.: Fleisch I. Sacerdotium — Regnum — Studium... S. 352–356.

⁶⁵ См.: García y García A. Los estudios jurídicos en la Universidad medieval // Lex Ecclesiae. Salamanca. 1972. P. 575–592; García Díaz J. La Europa de Alfonso X el Sabio. En torno a una historia jurídica comparada // Alcanate.VIII (2012–2013). P. 271–272.

королей — покровителей школ, что, насколько можно судить, существенно уменьшает непосредственную поддержку *studium generale* и не раз приводит его к материальным затруднениям. Однако сохраняется и подтверждается (хотя далеко не всегда реализуется) корпус привилегий университета. Эти привилегии, в ряде существенных аспектов основанные на представлении о *studium generale*, выраженном в Партидах и, как видно, опередившем свое время, способствовали институализации университета в Португалии во второй половине XIV в. При этом сами Партиды воспринимались уже как свод, враждебный как каноническому праву, так и праву корпоративному — то есть двум важнейшим основам привилегий школяров и магистров.

REFERENCES

1. *Variash I.I., Rusanov A.V.* A New Interpretation of a Chart of 1338 issued by Afonsu IV to the University of Portugal [Novaya nauchnaya interpretaciya gramoty 1338 goda, vydannoj Afonsu IV Portugalskomu universitetu] // *Srednie veka*. N 73(3/4). P. 326–340.
2. *Variash O.I.* Law Culture of the Portuguese Royal Court at XIV cent. [Juridicheskaja cultura portugalskogo dvora XIV v.] // *Id.* *Pireneyskie tetradi*. M., 2008. P. 64–77.
3. *Marey A.V.* Language of Medieval Spanish Law: from *Leges XII Tabularum* to *Siete Partidas*. [Yazyk prava srednevekovoy Ispanii: Ot Zakonov XII Tablic do «Semi Partid»]. M., 2008.
4. *Rusanov A.V.* Confirmations of the Privilege of Portuguese University issued during the Reign of Fernando (1367–1383). [Podtverzhdeniya privilegij Portugalskogo universiteta v pravlenie korolia Fernandu (1367–1383)] // *Srednie veka*. N 75(1/2).
5. *A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV*. Lisboa, 2013.
6. *Albuquerque R. de, Albuquerque M. de.* História do Direito Português. Vol. I. (1140–1415). 1 Parte. Lisboa, 1999.
7. *Almeida Costa M.J. de.* Romantismo e bartolismo no direito português. Coimbra, 1960.
8. *Alonso Romero M.P.* El fuero universitario, siglos XIII–XV // *Historia de la Universidad de Salamanca*. Vol. II: Estructuras y flujos. Salamanca, 2004. P. 161–165.
9. *Azevedo Ferreira J. de.* Fragmentos das Partidas de Afonso X reencontrados em Braga // *Cohers de linguistique hispanique médiévale*. 18–19 (1993–1994). P. 367–402.
10. *Azevedo Ferreira J. de.* Subsídios para uma edição de Terceira Partida de Afonso X // *Boletim de Filologia*. Homenagem a Manuel Rodrigues Lapa. Vol. II. T. XXIX. Lisboa, 1984. P. 114–117.
11. *Beltrán de Heredia V.* Los orígenes de la Universidad de Salamanca. T. 1. Salamanca, 1953.
12. *Braga T.* História da Universidade de Coimbra nas suas relações com a instrução portuguesa. T. I. 1289 a 1555. Lisboa, 1892.
13. *Brandão M., Almeida M.L. de.* A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937.
14. *Brandão M., Almeida, M.L. de.* A Universidade de Coimbra: esboço da sua história. Coimbra, 1937.
15. *Caetano M.* História do direito português: Vol. I. Fontes — Direito Público. Lisboa, 1981.

16. *Costa A. de Jesus da.* Fragmentos preciosos de Códices Medievais. Braga, 1949. P. 22–25.
17. *Costa A. de Jesus da.* Chancelaria Real Portuguesa e os seus registos, de 1217 a 1438 // *Revista da Faculdade de Letras. História (Porto) Ser. 2. Vol. 13* (1996) P. 81, 84.
18. *Denifle H.* Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. B. I. Die Entstehung der Universitäten. B., 1885.
19. *Dias A.F.* As partidas de Afonso X: novos fragmentos em língua portuguesa. Coimbra, 1994.
20. *Domingues J.* As Partidas de Castela e o Processo Medieval Português // *Initium 18 — Revista Catalana d'Història del Dret* (2013). P. 237–288.
21. *Farelo M.* A universitas no labirinto: poderes e redes sociais // *A Universidade medieval em Lisboa...* P. 188–189.
22. *Farelo M.* Lisboa numa rede latina? Os escolares em movimento // *A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV.* Lisboa, 2013. P. 240–241.
23. *Fleisch I.* Sacerdotium — Regnum — Studium. Der westiberische Raum und die europäische universitätskultur in Hochmittelalter. Prosopographische und rechtsgeschichtliche Studien. Münster, 2006.
24. *Fleisch I.* The Portuguese clergy and the European universities in the 12th and 13th centuries // *Carreiras Eclesiásticas no Ocidente Cristão (séc. XII–XIV).* Lisboa, 2007. P. 72–74.
25. *Gama Barros H. da.* História da Administração pública em Portugal nos séculos XII a XV. Lisboa, 1945. Vol. I.
26. *García Díaz J.* La Europa de Alfonso X el Sabio. En torno a una historia jurídica comparada // *Alcanate.VIII* (2012–2013). P. 271–272.
27. *García y García A.* Los estudios jurídicos en la Universidad medieval // *Lex Ecclesiae.* Salamanca. 1972. P. 575–592.
28. *García y García A.* Génesis de la Universidad, siglos XIII–XIV // *Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas.* Salamanca, 2002.
29. *García y García A.* La enseñanza universitaria en las Partidas // *Glossae. Revista de historia del Derecho europeo.* 1989–1990. 2. P. 107–118.
30. *González Jiménez M.* Alfonso X y Portugal // *Alcanate. IV* (2004–2005). P. 19–34.
31. *História da universidade em Portugal. Vol. I. (1290–1536).* Lisboa, Coimbra, 1997.
32. *Iglesia Ferreirós A.* Derecho municipal, derecho señorial, derecho regio // *Historia, Instituciones, Documentos.* 4. 1977. P. 155–197.
33. *Kleine M.* La virtud de la prudencia y la sabiduría regia en el pensamiento político de Alfonso X el Sabio // *Res publica.* 17. 2007. P. 223–239.
34. *Martins A.* Lisboa, a cidade e o Estudo: a Universidade de Lisboa no primeiro século da sua existência // *A Universidade medieval em Lisboa: séculos XIII–XV.* Lisboa, 2013.

35. *Mattoso J.* A Universidade portuguesa e as universidades europeias // História da universidade em Portugal. Vol. I (1290–1536). Lisboa, Coimbra, 1997.
36. *Mattoso J.* As relações de Portugal com Castela no reinado de Afonso X // *Mattoso J.* Fragmentos de uma composição medieval. Lisboa, 1987. P. 73–94.
37. *Merêa P.* A versão portuguesa das Flores de las Leyes de Jacome Ruys // Revista da Universidade de Coimbra. Vol. VI. P. 343–360.
38. *Monsalvo Antón J.M.* El Estudio y la Ciudad en el período medieval // Historia de la Universidad de Salamanca. Vol. I: Trayectoria histórica e instituciones vinculadas. Salamanca, 2002. P. 448.
39. *Nieto Soria J.M.* Fundamentos ideológicos del poder real real en Castilla (siglos XIII–XV). Madrid, 1988.
40. *Pedredo-Sánchez M.G.* O saber e os centros de saber nas Sete Partidas de Afonso X, o Sábio // A Ciência e a Organização dos Saberes na Idade Média. Porto Alegre, 2000. P. 203–204.
41. *Peset M.* Interrelaciones entre las universidades españolas y portuguesa en los primeros siglos de su historia. Coimbra, 1982.
42. *Pinto P.* Um novo fragmento português medieval da Terceira Partida de Afonso X // Boletim da Direcção-Geral de Arquivos. Lisboa, 2009. N 8. P. 5.
43. *Rashdal H.* The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford, 1895.
44. *Rodrigues M.A.* Notas sobre a Universidade de Coimbra desde as origens (1290) até à fixação definitiva em Coimbra // *Rodrigues M.A.* A Universidade de Coimbra. Figuras e Factos da sua história. Porto, 2007. P. 9–233.
45. *Rosa Pereira I. da.* Dos Livros e dos seus Nomes: Bibliotecas Litúrgicas Medievais // Arquivo de Bibliografia Portuguesa. N 17 (1974, separata). P. 127.
46. *Rubio Moreno L.* Contribución al estudio de las definiciones léxicas de las «Partidas» de Alfonso el Sabio. Avila, 1991. P. 739–744.
47. *Rucquoi A.* Contribution des studia generalia à la pensée hispanique médiévale // Pensamiento medieval hispano: homenaje a Horacio Santiago-Otero. Madrid, 1998. Vol. 1. P. 740–743.
48. *Saraiva A.J.* O crepúsculo da Idade Média em Portugal. Lisboa, 1986. P. 116–117.
49. *Veríssimo Serrão J.* Portugueses no Estudo de Salamanca. I (1250–1550). Lisboa, 1962. P. 3–15.

Ключевые слова:

Альфонсо X, история права, Португальский университет, университеты и королевская власть, король Диниш, концепция *Studium Generale*, португальско-кастильские отношения.

Alexander V. Rusanov

LEGAL HERITAGE OF THE KING ALPONSO X THE WISE AND CORPORATIVE LAW OF THE PORTUGUESE UNIVERSITY IN LATE 13th—14th C.

his article observes how the juridical heritage of King Alfonso X *El Sabio* influenced the corporative law of the Portuguese university founded in 1288–1290 in Lisbon by Alfonso's grandson, King Denis. By dynamic borrowing and translation of Castilian juridical texts (*Fuero Real*, *Siete Partidas*) Portuguese legal tradition adopted the new model of *studium generale*. The idea of *rex illustris* (and especially the king — protector of schools) was very important for the early history of the Portuguese university. In the *Magna Charta privilegiorum* (1309) the image of the higher school related to this idea and was adopted from the Castilian historical texts combined with the experience of the University of Salamanca. Later, in context of the forming of the unified Royal Law the situation was changing. On the one hand the care for the University still was still interpreted as a special duty of the King (for example by the Cortes in Elvas in 1361). On the other hand members of the university considered the usage of the *Partidas* as the legal source in their cases as a violation of their privileges (as it can be seen in the Diploma of 1361). We can see how the privileges that had been granted in the special context of the «prestige struggle» between Iberian kings became the foundation of the university corporative law for centuries.

Русанов Александр Витальевич

аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
стажер-исследователь ИГИТИ имени А.В. Полетаева НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)

И.И. Варьяш

ВЛАСТЬ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВСКОЕ ПРАВО В «СЕМИ ПАРТИДАХ» АЛЬФОНСО МУДРОГО¹

редневековая литература, в том числе и пиренейская, опираясь на античную и христианскую традиции, посвятила немало внимания теме природы королевской власти и задач государей. Во многом дошедшие до нас тексты демонстрируют высокую степень топосности и даже клишированно-

сти. В связи с этим представляется более корректным в рамках настоящего исследования обратиться не к литературному, а к правовому источнику, который, безусловно, будучи отмечен все той же традиционностью в трактовке узловых вопросов, тем не менее, в силу своего жанра, говорит о власти короля и о королевском праве другим языком и рассматривает эти сюжеты с другой точки зрения.

В центре данной работы будет проблема законодательных и судебных функций короля, получивших трактовку в «Семи Партидах» — первом общекоролевском своде законов, созданном на Пиренейском полуострове в середине XIII в. под непосредственным руководством и при участии Альфонсо X Мудрого.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семи Партид” Альфонсо X Мудрого».

Это внушительный труд (в издании Грегорио Лопеса от 1555 г. он уместился в три объемных тома), претендующий быть последним словом в юридической науке и в праве в его практическом приложении того времени. Не случайно «Семь Партид» оперируют устойчивым и отработанным понятийным аппаратом, который затем становится своего рода эталоном для юридических текстов; в нем отчетливо заметна работа королевских легистов, знакомых с римским правом.

«Семь Партид» был любимым детищем Альфонсо Мудрого, так же как и Книга игр, написанная этим удивительным и одаренным государем. Безусловно, король работал над Партидами не один, а с целой группой знатоков права, не в последнюю очередь еще и потому, что свод законов должен был учитывать местные обычаи и уметь найти компромисс, дать взвешенное решение той или иной проблемы. Однако достаточно прочитать Пролог, чтобы убедиться в присутствии яркой индивидуальности Альфонсо X на страницах Партид, в его личной заинтересованности в этом труде.

Альфонсо Мудрый был очень образованным и начитанным человеком, что, конечно, не могло не наложить отпечаток на его произведение: «Семь Партид» во многих своих проявлениях — и в структуре, и в терминологии, и в трактовках — весьма традиционны. Более того, он часто (особенно во вводных разделах) повторяет принятые в то время клише. Это утверждение в полной мере относится и ко Второй Партиде, посвященной «Императорам, Королям и прочим великим Сеньорам земли...». В то же время примечателен сам факт появления такого раздела в своде законов, в чем видятся, безусловно, королевская позиция и заинтересованность. Именно здесь Альфонсо Мудрый говорит о происхождении и назначении королевской власти, рассуждает о том, каким должен быть добрый государь.

Партиды открываются Прологом, написанным от лица короля, перед каждой книгой также помещается пролог; затем следуют титулы, на которые делится Партида и которые в свою очередь состоят из законов. Интересующая нас информация о природе королевской власти и короля встречается во всех упомянутых разделах.

Это само по себе показательно: Альфонсо Мудрый не ограничился общим изложением своей позиции в вводных разделах. Для него было и важно, и естественно вспоминать об этом предмете при изложении более конкретного материала, попавшего в законы. Здесь надо отметить, что законы Второй Партиды имеют очень разный характер: если первые два титула больше трактуют такие широкие вопросы, как «Что есть король», «Что есть король и почему так называется», «Почему подобает, чтобы был Король, и какое место занимает», «Какова власть Короля и как должен ею пользоваться»,

«Как Король должен любить Бога за великое добро, что есть в нем», «Каким должен быть Король в самом себе и прежде всего в своих помыслах» и т.д., то законы следующих титулов посвящены более частным темам: «Как Король должен быть умерен в еде и питье», «Каким должен быть Король по отношению к своей жене и она к нему», «Как Король должен любить своих детей и почему» и т.д. Впрочем, о чем бы ни говорил закон, Альфонсо X находит необходимым и уместным еще раз сказать о природе короля и его власти.

«Семь Партид» открываются традиционным *invocatio* в Прологе: «Мы, дон Альфонсо, Божьей милостью король Кастилии, и Толедо, и Леона, и Галисии, и Севильи, и Кордовы, и Мурсии, и Хаэна, и Альгарве...»², а во Второй Партиде утверждается: «и особенно принимает Король имя от Господа нашего Бога: так же как он назван Королем над всеми Королями... от него имеют (Короли) имя и ими управляет и их поддерживает вместо себя на земле»³.

Положение о наместничестве короля от Бога, дословно выраженное на романсе — *en lugar de Dios*, встречается во Второй Партиде неоднократно. «Король поставлен на земле вместо Бога»⁴, «Король занимает место Бога...»⁵, «...и еще должен король знать Бога через веру... если... не будет его знать, не должен знать также ни имени, которое имеет, ни места, которым обладает...»⁶, «надо, чтобы его (Бога) боялся... еще и потому, что обязан давать отчет ему в этом мире и в другом, поскольку занимает его место на земле»⁷, «святое место, которым обладают (короли)»⁸.

Характерен и неизменно использующийся в данном контексте глагол — *tener* — король держит свою власть и свои полномочия по воле Бога, который «оказывает ему такую честь»⁹, а в 5-м законе первого титула Второй Партиды читаем: «Короли суть викарии Бога»¹⁰.

Из текста видно, что для Альфонсо X и имя короля, и его положение были не только от Бога, но Божьи, что особенно подчеркивает сакральность и самого короля, и его власти¹¹. Надо сказать, что такие формулировки тра-

² Part.prooem.

³ Part.II.1.6.

⁴ Part.II.1.5.

⁵ Part.II.1.7.

⁶ Part.II.2.1.

⁷ Part.II.2.3.

⁸ Ibid.

⁹ Part.P. II.1.1, T. I, L. I.

¹⁰ Part.II.1.5.

¹¹ О сакральности королевской власти, получившей отражение в «Семи Партидах», см. также: Варьяш И.И. Сакральное право короля творить право // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 52–77.

Альфонсо X. Портрет работы Х. М. Родригеса де Лосада. XIX в.

диционные для пиренейских текстов, по тому или иному поводу касавшихся темы природы королевской власти¹². Это в полной мере относится и к вопросу о назначении короля, его задачах и функциях.

Альфонсо Мудрый однозначно оценивает главное назначение короля: «Короли должны поддерживать землю в справедливости и истине»¹³, «для поддержания и защиты земли в справедливости»¹⁴, «справедливость, которая, как он (Бог) хочет, совершалась бы на земле рукою Императоров и Королей»¹⁵.

¹² Ср., напр., с манифестом португальского короля Диниша от 1320 г.

¹³ Part.II.prooem.

¹⁴ Part.II.1.prooem.

¹⁵ Part.II.prooem. В тексте используется термин *justicia*, который я позволила себе перевести как *справедливость*, хотя, конечно, очевидно, что под ним понималось и правосудие. Скорее всего речь идет о комплексном восприятии этого понятия в середине XIII в., когда оно одновременно мыслилось и как *справедливость*, и как *правосудие*, и как *справедливое правосудие*. Понимая, что второе значение в русском варианте ближе по смыслу к латинскому и романсе, я все же перевожу *justicia* как *справедливость* еще и потому, что в понятийном аппарате «Семь Партид» нет особого термина, обозначающего справедливость, в том числе и высшую, божественную, каковая, следуя логике памятника, лежит в основе всякой земной справедливости.

Основной задачей короля позиционируется поддержание справедливости на вверенных ему территориях. Этот тезис может немного видоизменяться: «...Короли... поставленные над народами, дабы поддерживать их в справедливости и истине...»¹⁶, «...справедливость, которую должны совершать, чтобы поддерживать народы... ибо это их труд»¹⁷. Нередко слог Альфонсо становится поэтичным и образным: «Так же как душа располагается в сердце человека и ею живет тело и держится, так и в Короле располагается справедливость, которая — жизнь и поддержание народа его сеньории»¹⁸.

Благодаря небесному источнику королевской власти и государя, король определяется как вместилище источника жизни народа — справедливости. Таким образом последней отводится поистине животворящая роль, а задача государя определяется как поддержание жизни народа.

Подобные положения вполне традиционны в том числе и для правовой пиренейской риторики. Однако нельзя ли попробовать проникнуть за это клише и приблизиться к более содержательному пониманию того, что имел в виду Альфонсо X, когда говорил о справедливости? В некотором смысле ответ на этот вопрос лежит на поверхности, поскольку текст «Семи Партид» изобилует пассажами, в которых *justicia* упоминается совместно с другими терминами. Более того, чаще всего рядом с ней стоит *derecho* — право. «...Король поставлен на земле вместо Бога, дабы исполнять справедливость и каждому дать его право»¹⁹; или уже упоминавшийся отрывок: «также если... не будет его (Бога) знать, не должен знать... ни имени, которое имеет, ни места, которым обладает, дабы совершать справедливость и право»²⁰; «короли... должны быть справедливыми, давая каждому его право»²¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что справедливость рассматривалась как соблюдение права, а соблюдение права должно было совершаться по справедливости. Именно поэтому, кстати говоря, Альфонсо Мудрый так заботился о составлении Партид.

Эти два термина, постоянно встречающиеся рядом, дополняют друг друга и позволяют иначе взглянуть на категорию справедливости. В таком контексте она перестает быть отвлеченным синонимом высшей божественной истины, хотя и в этом качестве, безусловно, иногда выступа-

¹⁶ P. II, T. I, L. V.

¹⁷ Pr.

¹⁸ P. II, T. I, L. V.

¹⁹ Part.II.1.5.

²⁰ Part.II.2.1.

²¹ Part.II.1.9.

ет и обязательно так и должна восприниматься — но в таких случаях она чаще всего помещается в тексте одна, изолированно, или сопровождается такими словами, как *истина*, *милосердие*²². Появление же понятия *право* (к тому же в приложении к «каждому» подданному короля) указывает на вполне практическое отношение к справедливости. Этот вывод подтверждается и рассуждениями о двух видах власти, находящихся в руках короля, и об основании королевской власти, о которых также весьма пространно повествует источник.

В самом начале Второй Партиды, в Прологе, находим: «...это два меча, которыми держится мир. Первый — духовный. И другой — мирской... И посему эти две власти переплетаются, чтобы дать вере нашего Господа Иисуса Христа справедливость полностью, и душе, и телу. Отсюда следует на правом основании, что эти две власти всегда должны быть согласны так, чтобы каждая из них помогала бы от своей власти другой»²³. Идея о переплетении двух властей и их согласии друг с другом обосновывается здесь необходимостью совершить справедливость полностью — и душе, и телу. Только в этом месте мы находим краткое и емкое уточнение данного выражения — *fazer justicia complidamente* — хотя оно типично для этого времени и встречается не только в законодательных текстах, но и в актовом материале, что еще раз доказывает тезис о применении понятия «справедливость» и в практическом ключе.

«Семь Партид» видят гарантом такой полной справедливости именно государя, что отражается и в 6-м законе I титула: «И потому их называют Королями, что правят как в преходящем, так и в духовном... дабы совершать справедливость и право: также они обязаны поддерживать и защищать в справедливости и в истине (подданных) своей сеньории». Немного с другой точки зрения подходит к тому же предмету 6-й закон II титула: «и служить ему (Богу) Короли должны двояко. Во-первых, поддерживать веру и ее повеления, подавляя ее врагов и почитая и охраняя церкви и их права и их служителей. Во-вторых, охраняя и поддерживая людей и народы... дабы дать каждому справедливость и право на его месте»²⁴.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в обеих цитатах, трактующих вопрос о двух видах власти, логическим продолжением этой темы (и даже следствием ее) выступает вопрос о главной задаче короля — о творении справедливости и права. В то же время, по мнению Альфонсо Муд-

²² Part.II.2.3; Part.II.1.5; Part.II.prooem.

²³ P. II, Pr.

²⁴ Part.II.2.6.

рого, королевская власть и в духовной, и в преходящей сфере обладала сугубо практическими задачами. Не случайно в последнем, приведенном мною, отрывке в двух частях — по отношению к вере и церкви и по отношению к народам — используются одни те же глаголы (поддерживать, защищать) и упоминается право. Две части закона ставятся на одну доску, взаимоуподобляются — в плане задач государя — благодаря риторическому искусству.

Впрочем, Альфонсо X не скупился на обоснования такой трактовки королевских полномочий, обращаясь к классическим для Средневековья рассуждениям о естественном основании и божественной природе королевской власти:

«Древние мудрецы приводили многочисленные и правдивые доводы в пользу того, что король должен существовать. <..> Один из доводов, приводившихся в пользу того, что король должен существовать, таков, что все живые существа от природы имеют при себе все, в чем нуждаются, и не подобает, чтобы к этому добавлялось что-либо извне. Поскольку, если речь идет об одежде, то все они одеты в свое, — кто в перья, кто в шерсть, кто в шкуры, кто в чешую или в раковину, согласно их природе, — и не имеют нужды в шитье, чтобы одеваться. Также и для защиты, у одних есть клювы, у других — зубы, у иных — когти или рога, или жала, или шипы, так что им нет нужды искать иного оружия для того, чтобы защищаться. Также и с тем, что они едят и пьют — каждый находит то, в чем имеет нужду, таким образом, что не должны они искать кого-то, кто приготовил бы для них, ни того, о чем знают лучше, и не должны ни покупать еду, ни идти за нее работать. Но человек не имеет для себя ничего из этого, за исключением помощи многих тех, кто ищет для него и приносит ему то, что ему подходит. И эта помощь не может быть оказана без правосудия, которое не сможет осуществляться иначе, кроме как начальниками, которым все прочие обязаны повиноваться. И не может быть, чтобы эти начальники, будучи многочисленными, не ссорились бы многократно, поскольку воли людей от природы разделены, и каждый для себя хочет большего, чем все остальные. И потому возникла нужда в справедливой силе, осуществлявшейся кем-то одним, возглавлявшим всех, рассудком которого направлялись бы и объединялись бы все, как все члены тела направляются и руководятся головой. И по этой причине короли должны были появиться, а люди — признать их за сеньоров. Другой довод уже имеет духовный характер, в соответствии со словами пророков и святых о том, зачем появились короли. И это случилось по причине справедливости, которую наш Господь Бог должен был дать этому миру, чтобы люди жили

в мире и любви, и нужно было, чтобы кто-то вершил ее за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам»²⁵.

Благодаря этому тексту мы можем легче судить о назначении короля и его власти в глазах Альфонсо Мудрого. Король призван помогать людям, будучи их главой и заботясь о том, чтобы они жили в мире и любви, как того хочет Господь. Одновременно обращает на себя внимание обилие упоминаний о справедливости и праве в этом небольшом отрывке: помощь, в которой так нуждается человек, должна быть справедливой; один, управляющий другими, появляется *por derecha fuerza* — посредством справедливой силы; духовным основанием существования королей называется божественная справедливость, ради которой они должны творить земное правосудие, обеспечивая права каждого. Сделав небольшой круг, мысль возвращается к тому, о чем постоянно говорится во II титуле Второй Партиды. И, видимо, это не случайно, но, напротив, отражает некие глубинные представления.

Для того чтобы с большей уверенностью говорить об этом, следует выяснить два момента: во-первых, рассказывает ли источник еще о каких-либо функциях королевской власти (связанных ли с правом или нет), во-вторых, пристальнее взглянуть на употребление таких терминов, как *justicia* и *derecho*, что, возможно, также даст какой-нибудь новый ракурс, подчеркнет незамеченный ранее оттенок.

Во Второй Партиде — в 4-м законе I титула — есть очень краткое упоминание: «Король, т.е. такой как рехидор; так, бесспорно ему принадлежит управление королевством»²⁶. Пожалуй, это единственное, но весьма недвусмысленное заявление о функции короля как правителя — и в высшей степени важны употребленные здесь термины: *regidor, gobierno del reino*. Эта тема не получает в тексте никакого развития, что само по себе привлекает внимание, поскольку вопросы управления землями и народами вполне логично могли вписаться во Вторую Партиду. Вместо этого Альфонсо X дает аристотелевское положение: «И согласно тому, что говорили древние мудрецы и особенно Аристотель в книге, которая называется “Политика”, во времена язычников, король был не только предводителем и вождем войска, и судьей над всеми в королевстве, он был еще сеньором в духовном, что тогда совершалось через благоговение и почитание богов, в которых они верили. И потому их называют королями, что правят как в преходящем, так и в духовном»²⁷. Затем он касается уже рассмотренного выше пасса-

²⁵ Part.II.1.7, пер. А.В. Марья.

²⁶ Part.II.1.4.

²⁷ Ibid.

жа о том, что короли «правят как в преходящем, так и в духовном...». Круг опять замыкается.

Фраза о короле-*regidor*’е может быть лучше понята, если обратиться к законам, помещенным во Второй Партиде, но посвященным не королям, а императорам²⁸. В этом случае действительно обнаруживается переключ-ка. Второй, третий и четвертый законы титула рассказывают о том, «какую власть имеет Император» и «как Император должен использовать свою власть». Обращение к текстам, трактующим вопросы, связанные с императорской властью, кажется, вполне допустимым, поскольку в законах о королях указывается на то, что король — «как Император в своей империи»²⁹; и что «вся та власть... которой обладают Императоры и которую должны иметь над людьми своей империи, что той же самой обладают Короли в своих королевствах»³⁰.

По мнению составителей «Семи Партид», такая власть бывает двух видов: *de derecho* и *de fecho*³¹. Та власть, которой император обладает, *segund derecho*, заключается в следующем: он «может создавать новый закон и фуэро и менять старый»; прояснять «затемненный закон», может «пресечь использующийся обычай, когда поймет, что он был вреден, и сделать новый, который будет добрым». На первом месте, как видно из текста, стоит законотворчество государя.

Далее следуют судебные функции: «И еще имеет власть вершить справедливость / правосудие и наказание во всех землях». Только после этого перечисляются полномочия императора по управлению землями: «он имеет власть накладывать портазго и назначать ярмарки», «по его повелению... должна... чеканиться монета», «он один... властен разделить пределы провинций и городов», он «должен разбирать... когда случится столкновение из-за привилегий», «ему одному принадлежит власть назначать аделантадо и судей в земли», «взимать... подати, и налоги, и цензы», «по его повелению должны совершаться война, перемирие и мир».

В следующем за этим законе рассматривается второй вид власти императора: *de fecho* — «Император должен быть могущественным на деле:

²⁸ Проблема императорской власти на Пиренейском полуострове и в «Семи Партидах» нами посвящено отдельное исследование: Варьяш И.И. Имперская идея на Пиренейском полуострове и концепция императорской власти в Семи Партидах Альфонсо Мудрого // Империи и этно-национальные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 410–430.

²⁹ Part.II.1.5, 7.

³⁰ Part.II.1.2.

³¹ Ibid.

Иисус в образе короля-судьи. Фрагмент саркофага из Паленсии. XIII в.

таким образом, чтобы его власть была столь полной и также повелевающей, что мог бы больше, чем другие, в его владениях, дабы принудить тех, кто не захочет повиноваться»³². «Чтобы иметь такую власть», указывается в «Семи Партидах», император «нуждается в том, чтобы владеть рыцарством», иметь любящих и преданных ему военачальников, быть сильным замками и крепостями и воротами империи, «чтобы в его власти была бы вся жизнь, входы и выходы империи». «И также должен иметь людей мудрых, и разумеющих, и преданных, и верных, чтобы помогали ему и служили ему на деле в том, что необходимо: для его совета и для совершения справедливости и права народу».

Этот закон продолжается утверждением, что «наибольшая» и «наиболее полная» власть принадлежит императору, «когда он любит свой народ и любим им» и что «он может заработать... эту любовь», «совершая правую справедливость тем, кто в ней нуждается, и обладая одновременно милостью...».

Тексты, посвященные двум видам власти императора, по объему практически одинаковы, однако информативность первого, повествующего о власти *de derecho*, намного выше. Кроме того, помещенный здесь мате-

³² Part.II.1.3.

риал более точен и практичен, если можно так выразиться, — он подразумевает объективно существующие и нуждающиеся во внимании самого правителя задачи. Несколько различной оказывается и стилистика этих двух законов, расположенных друг за другом и логически связанных между собой — в том числе и в сознании составителя, что отразилось в тексте, в начале 2-го закона: «Власть, которую имеет император двух видов. Первый — от права. И другой — от дела».

В первом отрывке император присутствует очень активно — он имеет власть совершать, наказывать, назначать, он властен разделить; может создавать, пресекать, взимать; по его повелению должны чеканиться монеты, совершаться война и мир, он должен разбирать тяжбы. Во втором отрывке император занимает гораздо более скромное место: здесь прямо говорится, что он «нуждается» в том, чтобы у него были рыцарство и верные военачальники. Указывается, что он должен быть силен крепостями и должен иметь мудрых советников. Собственно говоря, на этом завершается более или менее конкретная часть закона: следующий за этим текст снова обращается к общей теме справедливости.

Любопытное наблюдение, сделанное выше, о лидерстве правотворческих и судебных функций среди прочих функций государей подкрепляется материалом 4-го закона «Как император должен использовать свою власть». Этот закон, ссылаясь на древних мудрецов, говорит о существовании «времени войны» и «времени мира», которые возлагают на императоров разные задачи. Во время мира они должны готовиться к войне, дабы иметь все наготове, когда будет нужно³³. «Также должны в то же самое время разбираться в исправлении своего народа и своей земли, помогая себе законами и фуэро, и правами... давая свое право каждому»³⁴. Далее указывается, что император должен «налаживать и упорядочивать свои ренты», «хорошо работать, сохраняя... казну»³⁵. Во время же войны император «должен использовать оружие и все то, что может помочь ему против его врагов на море или на земле», и советоваться со знающими в военном деле людьми, «так же, впрочем, как руководствоваться советом знающих право, дабы пресекать столкновения, которые рождаются между людьми»³⁶.

Таким образом, и в законах 2 и 3, где речь идет о власти, которую император имеет (*que poderio ha el Emperador*), и в законе 4 о том, «как импера-

³³ Part.II.1.4.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

тор должен использовать (*usar*) свою власть», на первом месте стоят судебные и законодательные функции власти. Четвертый закон, вообще, кроме них упоминает — для мирного времени — еще только финансовые задачи (если не считать помещенного в начало и нераскрытого тезиса о необходимости быть готовым к войне).

Разумеется, не стоит абсолютизировать правовой материал источника и полагать, например, что Альфонсо Мудрый считал, что во время войны император должен исключительно «использовать оружие» и «советоваться», оставляя без своего внимания все прочие задачи власти. Однако благодаря повторяющейся позиции источника в отношении правовых функций государя проступает известная закономерность, заставляющая пристальнее взглянуть в термины³⁷.

Первый термин, на котором хотелось бы остановиться — *justicia*. Выше уже шла речь о том, что справедливость не всегда понимается в источнике как высшая, божественная, но явно рассматривается как связанная с земными, насущными нуждами.

Действительно, в высоком смысле слова *justicia* встречается не часто. Среди немногочисленных примеров можно привести следующие: «*en el Rey yaze la justicia*» — «в Короле располагается справедливость»³⁸; помощь, в которой нуждается человек (не приспособленный к жизни так, как животное), «не может быть без справедливости»³⁹; справедливость является одной из четырех добродетелей, которыми следует обладать королю, она — мать всего доброго⁴⁰.

В Прологе к Партидам встречается еще один случай такого применения *justicia*, но уже вместе с другим очень важным для моей темы термином — *derecho*: «...дон Фернандо, наш отец, который был исполнен справедливости и права...»⁴¹. Во всех приведенных отрывках речь не идет о справедливости, существующей в координатах земного правосудия. Напротив, подразуме-

³⁷ О таких терминах, как *justica*, *direito*, *lei*, писала О.И. Варьяш — применительно к актам португальских кортесов XIV в. Любопытно, что ее выводы о смысловых значениях этих понятий, особенно *direito*, во многом совпадают с моими, хотя исследование основывается на принципиально другом источнике, кроме того, датированном столетием позже. Это, видимо, должно свидетельствовать о существовании уже в XIII в. некоего общепиренейского понятийного юридического аппарата, а также об известной устойчивости и принятости восприятия таких слов пиренейским средневековым сознанием. Подробнее о португальской традиции см.: Варьяш О.И. Понятия «закон», «право» и «обычай»... С. 70.

³⁸ Part.II.1.5.

³⁹ Part.II.3.7.

⁴⁰ Part.II.5.8.

⁴¹ Part.prooem.

вается некое качество сакрального характера, которое должно быть и может быть присуще королю по его природе.

Не так акцентированно, в довольно общем плане *justicia* присутствует, как уже отмечалось, при обозначении основных задач королевской власти. В этом случае она может соседствовать с разными словами или, хотя и редко, оставаться самостоятельной: «...земля, которую они (короли) должны поддерживать в справедливости и истине»⁴²; «...дабы совершать справедливость и право: также они обязаны поддерживать и защищать в справедливости и в истине (подданных) своей сеньории»⁴³; «...дабы совершать справедливость и право в королевстве»⁴⁴; «...дабы совершать справедливость и право»⁴⁵; «...поддерживать свой народ в справедливости и праве...»⁴⁶; «...дабы поддерживать... дела своей империи в справедливости и в праве»⁴⁷. Словоупотребление в этих цитатах указывает на то, что понятия истина (*verdad*) и право (*derecho*) в такой позиции — рядом с *justicia* — очень близки, поскольку могут взаимозаменять друг друга.

В тексте присутствует целый ряд более развернутых высказываний (часть из которых уже приводилась выше): «...дабы исполнить справедливость и дать каждому его право»⁴⁸; «...Король вместо Бога совершает справедливость в преходящем, давая каждому его право, согласно его заслуге»⁴⁹; «...быть справедливым, давая каждому его право»⁵⁰; «...дабы дать каждому справедливость и право на его месте (*en su lugar*)»⁵¹; «...совершать справедливость хорошо и полно, т.е. дать каждому то, что подобает ему, полностью и то, что заслуживает»⁵²; «совершая правую справедливость тем, кто в ней нуждается»⁵³.

Вполне вероятно, что эти формулировки являются подробным, уточняющим, вариантом по отношению к цитированным перед этим. Но мы все же не склонны так однозначно их воспринимать. Представляется, что краткая и развернутая формулировки присутствуют в тексте законов не случайно —

⁴² Part.II.prooem.

⁴³ Part.II.1.7.

⁴⁴ Part.II.1.7.

⁴⁵ Part.II.2.1.

⁴⁶ Part.II.3.5.

⁴⁷ Part.II.5.13.

⁴⁸ Part.II.1.5.

⁴⁹ Part.II.1.7.

⁵⁰ Part.II.1.9.

⁵¹ Part.II.2.4.

⁵² Part.prooem.

⁵³ Part.II.1.3.

каждая из них выполняет свою функцию, наделяя понятие *justicia* разными оттенками. Отличие пространного варианта в том, что он имеет в виду не абстрактно существующую справедливость, которая по Божественной воле и в силу природы короля должна исполняться, но справедливость, действующую благодаря тому, что в ней нуждаются люди. В этой позиции *justicia* по значению, без сомнения, ближе к русскому «правосудие».

Справедливость/правосудие понимается как обеспечение правом каждого подданного короля. «Семь Партид» неоднократно подчеркивают это, превращая слова *a cada uno* — каждому — практически в обязательное клише, без которого рассуждения о королевской справедливости видятся уже невозможными.

Понимание *justicia* как правосудия ярко обнаруживается еще в одном месте источника: «...имеет власть творить справедливость и наказание (*escarmiento*)»⁵⁴ — здесь подчеркиваются карательные функции справедливости/правосудия, и через нее — власти государей. Отмечу специально, что это один из тех редких случаев, когда Вторая Партида говорит о наказании. Легко можно пересчитать места, где речь идет о каре, штрафе или в более общем плане об исправлении. В этом видится характерная и принципиальная особенность Второй Партиды, которая охотно и много уделяет внимания справедливости и праву, по существу совсем не затрагивая темы наказаний. Судя по всему, она не требовала отдельного освещения: термин *justicia* покрывал собою все, связанное с восстановлением и обеспечением справедливости, в том числе и возмездие, что и было напрямую выражено в приведенном отрывке.

В тексте источника несколько раз встречаются указания на то, как должна совершаться государем *justicia* — «совершать справедливость полно»⁵⁵, «...чтобы дать вере Господа нашего Иисуса Христа справедливость полностью, и душе, и телу»⁵⁶, «совершить справедливость хорошо и полностью» *fazer la justicia bien e cumplidamente*⁵⁷. Мы уже кратко упоминали об этом в той части статьи, где исследовались задачи королевской власти в контексте «идеи двух властей». Теперь снова обращаемся к этому материалу, чтобы продемонстрировать отношение к самому понятию *justicia*.

В данном случае нас интересует, какие определения используются в тексте законов в приложении к процессу созидания *justicia* и к ней самой.

⁵⁴ Part.II.1.2.

⁵⁵ Part.II.5.12.

⁵⁶ Part.II.prooem.

⁵⁷ Part.prooem.

Эпитетов, которыми наделяется справедливость, немного: «справедливость духовная (*spiritual*)» и «справедливость мирская (*temporal*)»⁵⁸, а также уже упоминавшаяся «справедливость правая (*derecha*)»⁵⁹.

Таким образом, основными характеристиками *justicia*, как она позиционируется в Партидах, является ее связанность с вечным, божественным — и отсюда с заботой о душе — и с преходящим, земным. Только объединяя в себе эти два проявления, *justicia* может быть «хорошей» и «полной», а значит — «правой». Единственное, по существу, требование, которое предъявляется к справедливости в тексте — требование быть полной, логично вытекает из ее двойной природы, ибо божественное, пусть и сотворяющееся в преходящем, ни в коем случае не может быть лишено цельности. А с другой стороны, только будучи совершенной полно, *justicia* способна обеспечить право.

То же самое можно сказать и о термине право — *derecho*, который фигурирует в тексте законов на разных уровнях. Присмотримся к нему внимательнее, чтобы определить, какой смысл или смыслы могли быть вложены в это понятие составителями правового памятника в середине XIII в. и как они соотносятся со значениями *justicia*, поскольку очевидно, что оба слова связаны друг с другом — и тематически, и по частому употреблению рядом. Кроме того, эти вопросы весьма важны при исследовании королевского права.

Выше уже приводились высказывания источника общего плана, по типу «совершать справедливость и право народу»⁶⁰. Здесь *derecho*, так же как и *justicia*, выступает в роли очень общего обозначения всего того, что верно, правильно, не незаконно. Вспомним определение, приложенное к королю дону Фернандо, «который был исполнен справедливости и права». В таком высоком смысле слова *justicia* и *derecho* сближаются. Это неплохо видно на следующем примере: «...чтобы вера поддерживалась истиной (*con verdad*) и сила волей — правом и справедливостью: так, короли, зная то, что истинно и право, должны совершать это...»⁶¹. Примечательно, что в первой части цитаты рядом традиционно расположены право и справедливость, в то время как во второй части речь идет об истинном и правом, но уже в обратном порядке. По общему духу фразы все три слова — *verdad*, *justicia*, *derecho* — максимально приближены друг к другу, призваны подчеркивать различные стороны, оттенки некоего единого направления, в котором дол-

⁵⁸ Part.II.prooem.

⁵⁹ Part.II.1.3.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Part.prooem.

Император-судья. «Книга добрых наставлений Санчо IV». Рукопись XV в.

жны действовать короли. Даже при переводе этих понятий на русский язык чувствуется их родственность (в данном контексте): истинность, справедливость, правомерность (например, высказывания, позиции, пути и т.д.).

Свод законов, впрочем, не может ограничиться абстрактным и возвышенным пониманием *derecho*, если только Вторая Партида намеренно не концентрируется на этом уровне восприятия задач государей. Действительно, в тех формулировках, которые уже упоминались раньше, как более развернутые — «...дабы дать каждому справедливость и право»⁶² — *derecho* исполняет совсем другую функцию. Это особенно отчетливо видно в тех случаях, когда *justicia* и *derecho* не являются однородными членами предложения, а находятся в отношении соподчинения, каждый обладая своим глаголом. «...дабы исполнить справедливость и дать каждому его право» — здесь сочиненное предложение наделяет обе части одинаковым весом.

Однако такое равновесие соблюдается не всегда, а скорее всего, и вовсе не подразумевается, поскольку в романсе середины XIII в. сочинительный союз «е» не отрицал наличия между однородными членами некоторой подчиненности. В «Семи Партидах» формулировок, указывающих на наличие такой подчиненности, больше: например, «...совершает справедливость... давая каждому его право»⁶³, «...быть справедливым, давая каждому его право»⁶⁴. Еще сильнее зависимость *derecho* от *justicia* видна в отрывке: «...совершать справедливость... т.е. дать каждому то, что подобает... ему»⁶⁵.

⁶² Part.II.2.4.

⁶³ Part.II.1.4, 7.

⁶⁴ Part.II.1.9.

⁶⁵ Part.prooem.

Опираясь на опыт изучения всей Второй Партиды, мы можем ясно видеть, что под выражением «то, что подобает» подразумевается именно *derecho*. Таким образом, данный пассаж интересен не только тем, что он раскрывает, уточняет понятие *justicia*. Он в то же время указывает на то, что совершение справедливости (в общем) сводится по сути к тому, чтобы каждому дать то, что ему подобает (на уровне всех частных), т.е., в формулировке Партид, дать «его право (*su derecho*)».

Обеспечение прав каждого предстает, соответственно, частным случаем творения справедливости, а сам термин *derecho* в этом контексте приобретает значение совокупности известных, конкретных прав и обязанностей индивида. С этой точки зрения очень важно обратить внимание на то, что в тексте Второй Партиды несколько раз особо указывается: право следует обеспечивать согласно тому, что каждый «заслуживает», «что ему подобает», «на его месте»⁶⁶.

Этот вывод подтверждается другими, очень интересными, примерами из текста законов. Вот первый из них: «...дабы жить правильно (*derechamente*) согласно повелению Бога и сеньора, разделяя и давая каждому его право»⁶⁷. Любопытно, что здесь употреблено сразу две глагольные формы: *departiendo* и *dando* — разделяя и давая... право. Мы имеем дело с типичной для классического Средневековья формулировкой о разделении, разграничении прав, при помощи которой еще отчетливее фиксируется значение *derecho* как права в его частных формах.

Тот же оттенок присутствует и в выражениях: «защищая их права» (*guardando sus derechos*)⁶⁸, «по его праву» (*por derecho de le*)⁶⁹, «наследовать по праву» (*heredar por derecho*)⁷⁰, «иметь право делать это» (*han derecho de lo fazer*)⁷¹, «приобретать по праву» (*se ganar por derecho*)⁷².

Близко по значению и *derecho*, присутствующее в формулировке «против права» (*cosa que sea contra derecho*⁷³; *contra derecho*⁷⁴). Конечно, в дан-

⁶⁶ Part.prooem; Part.II.1.7; Part.II.2.4; Part.II.5.8.

⁶⁷ Part.II.5.8. В отрывке наречие *derechamente* заменяет привычную уже на этом месте *justicia*, что лишний раз доказывает близость двух понятий на уровне обобщающего значения. Связано такое словоупотребление, возможно, с требованиями стиля — в тексте речь идет о справедливости как добродетели, которой должны обладать короли.

⁶⁸ Part.II.2.4.

⁶⁹ Part.II.1.3.

⁷⁰ Part.II.1.9.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid.

⁷³ Part.II.5.

⁷⁴ Part.II.1.2.

ном контексте *derecho* можно было бы понимать в общем плане, если бы не уточнение, сделанное во 2-м законе I титула: «против права или как не должен»⁷⁵, то есть имеется в виду право, существующее только в приложении к кому-то, а не абстрактно. Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что отрицание правомерности или правильности формулируется в источнике исключительно с использованием термина *derecho* и никогда — *justicia*. Это дает основание предположить, что смысл термина *derecho* в этом случае не близок к *justicia* так, как в известных других вариантах, и подразумевает более конкретный уровень.

Надо сказать, что текст «Семи Партид» обнаруживает еще одну возможную трактовку понятия *derecho* — когда он обозначает правовые установления, нормы, может быть, писанные, хотя последнее не обязательно. Свидетельством тому служат следующие выдержки из законов: «помогая себе законами (*leyes*), и фуэро (*fuero*), и правовыми нормами (*derecho*)»⁷⁶, «согласно фуэро (*fuero*) и праву (*derecho*)»⁷⁷. Особенно интересна фраза из Пролога к «Семи Партидам»: «И мы берем слова и добрые высказывания, которые высказали знающие, которые понимали вещи разумно согласно природе и из правовых норм законов (*de los derechos de las leyes*) и из добрых фуэро (*de los buenos fueros*), которые создали великие сеньоры и другие люди, знающие право (*sabidores de derecho*)...»⁷⁸

Упомянувшиеся в источнике знатоки права также, видимо, владеют правом в значении некой совокупности норм — или зафиксированных властью, или — шире — норм обычного и писаного права. Приведенные выше цитаты позволяют понимать *derecho* и так, и так. Стоит, однако, учитывать, что сам термин, какой бы из его внутренних смысловых уровней ни воспринимался в отдельный момент, тем не менее, всегда продолжал оставаться многозначным, всегда предоставлял одновременно весь спектр своих значений.

На основании приведенного материала может сложиться представление, что термин *derecho*, обладая несколькими смысловыми уровнями, только на самом первом, абстрактном сближается с *justicia*. Это верно только отчасти. Было бы, конечно, легче изучать право двух других уровней уже независимо от категории справедливости, как более частное проявление правового пространства. Однако это было бы и упрощением, хотя бы пото-

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Part.II.1.3.

⁷⁷ Part.II.1.2.

⁷⁸ Part.prooem.

му, что, как показано выше, и справедливость — особенно в ипостаси правосудия — существует и мыслится во вполне практическом, конкретном смысле слова. Таким образом, и на уровне земной повседневности *justicia* и *derecho* обязательно встречаются, что подразумевается и текстом источника. Они не только продолжают соседствовать в законах, их связывает внутреннее родство.

Оно обнаруживается, например, при использовании составителями «Семи Партид» производных от этих слов: *justiciero* и *derechero*⁷⁹ — каждое из них употребляется вместе с другим, родственным, термином. Так, в 9-м законе I титула встречаем: «...*ser justiciero, dando a cada uno su derecho* (быть справедливым, давая каждому его право)»⁸⁰, а 8-й закон V титула называется *derechero* (исполненным права) короля, который обладает целым рядом добродетелей, важнейшая из которых — справедливость⁸¹.

Любопытно также и присутствие в тексте таких формулировок как *justicia derecha* и *derecho de justicia*⁸². В первом случае, видимо, подчеркивается истинность, справедливость правосудия (иначе выйти из стилистической ситуации при переводе невозможно). Второй случай не столь однозначен: «...поддерживать земли, управлять народами *con derecho de justicia*», что можно трактовать двояко — с правом справедливости или со справедливым правом. Однако какой бы вариант перевода ни был избран, суть высказывания, подчеркивающая взаимосвязь права и справедливости, очевидна.

И еще одно соображение. В большей части положений законов «Семи Партид», упоминаящих обеспечение «каждого его правом», присутствует и понятие справедливости.

Дабы не повторяться, сейчас стоит обратить внимание только на то, что в памятнике устанавливается прямая связь между *justicia* и *su derecho*, т.е. правом в значении совокупности прав и обязанностей индивида.

В этом случае понятие *justicia* корректнее передавать русским *правосудие*, оставив *справедливость* для тех ситуаций, когда *justicia* понимается более абстрактно. Но хотелось бы сохранить свойственное источнику

⁷⁹ *Justiciero* — единственная форма, производная от *justicia*, которая встречается в источнике. От *derecho* образуется больше форм — *derecha*, *derechamente*, *derechero* — и используются они довольно активно. Однако этот сюжет не относится напрямую к изучаемому вопросу о сакральности королевской власти в области права, поэтому я позволю себе на нем не останавливаться подробно.

⁸⁰ Part.II.1.9.

⁸¹ Part.II.5.8.

⁸² Part.II.1.3.

единообразие в использовании терминов. Это касается и *justicia*, и *derecho*, в применении многозначности которых, несомненно, отразился определенный этап развития юридического понятийного аппарата. Кроме того, такая многозначность позволяла без труда — пользуясь способностью человеческого сознания воспринимать семантическое поле в целом — сохранять неразрывной связью между разными уровнями смыслов. Опирирая двумя многозначными терминами, ставя их в различное положение относительно друг друга, «Семь Партид» создавали еще более яркую в своей многогранности картину — при том, что грани ее все время будто бы «повторяются», чем достигается, кроме прочего, эффект неявного, незаметного перехода от вечного, божественного к преходящему, земному.

В завершение анализа терминов *justicia* и *derecho* представляется необходимым остановиться на глаголах, с которыми они встречаются. Одинаковы ли предикаты, употребляющиеся применительно к этим понятиям или нет? Если они различны, то в чем заключается разница и не поможет ли она лучше понять наполнение терминов?

Нами сразу было отмечено, что в тексте «Семи Партид» присутствует всего несколько глаголов, которые устойчиво используются и с *justicia*, и с *derecho*: *mantener en/con justicia e derecho* (поддерживать в/с справедливости и праве); *fazer la justicia e el derecho* (делать справедливость и право); *dar justicia e derecho* (дать справедливость и право); *era complide de justicia e derecho* (был исполнен справедливости и права). Такие глаголы могут одновременно прилагаться к обоим терминам — чаще всего так ведет себя глагол *mantener*, реже *fazer*, совсем редко *dar* — или могут относиться только к одному из двух понятий. Так встречается формулировка *mantener e gouernar con derecho* (поддерживать и управлять с правом), *son tenudos de mantener e guardar en justicia* (обязаны поддерживать и защищать в справедливости), *mantener en justicia* (поддерживать в справедливости). Как видно, при таком применении глагол *mantener* может сопровождаться глаголами *gouernar* и *guardar*, встречается также и глагол *defender* (защищать).

Что же касается глагола *fazer*, то он никогда не ставится рядом с *derecho* в одиночной позиции, но оказывается бесспорным лидером в сочетании с *justicia*. Ни один другой глагол не прилагается к справедливости так часто, как этот. При переводе на русский язык приходится из стилистических соображений использовать выражения «совершать справедливость», «творить справедливость», поскольку невозможно сказать «делать справедливость», хотя эта формулировка была бы ближе всего и лучше передавала бы простоту мысли источника.

Право «делается» только в тех случаях, когда оно следует во фразе за справедливостью и по значению очень близко ей. То же самое можно сказать и об использовании глагола *cumplir* и производных от него форм — они относятся к *justicia* и никогда — к *derecho* самостоятельному.

Напротив, глагол *dar* и особенно образованное от него деепричастие *dando* чаще всего используется применительно к *derecho*: в хорошо памятных конструкциях *dando a cada uno su derecho* (давая каждому его право) или, например, в высказывании типа *tenudo es, por derecho, de le dar* (обязан по праву ему дать).

Рядом с *justicia* этот глагол встречается редко, так же как и глагол *ser*: *virtud es justicia e es madre de todo bien* (справедливость — добродетель и мать всякого добра); или глагол *yazer*: *en el Rey yaze la justicia* (в Короле располагается справедливость); или глагол *governar*: *de governar e mantener... en justicia* (управлять и поддерживать в справедливости).

Таким образом, к *justicia* в текстах законов относятся прежде всего *fazer*, *mantener en/con*, *cumplir/fazer cumplidamente*. Остальные глаголы встречаются эпизодически.

Совершенно иная картина складывается при употреблении глаголов и отглагольных форм применительно к *derecho*. Они намного разнообразнее и по смыслу, и по форме. Под последней здесь понимают, прежде всего, деепричастия: *guardando*, *departiendo*, *ayudandose de*, *dando*. Введение в текст понятия права в рамках деепричастного оборота указывает на его подчиненное положение по отношению к главному предложению.

Derecho встречается со многими глаголами: *haber* — *han derecho* (имеют право), *conocer el derecho* (знать право), *se ganar por derecho* (приобретать по праву), *heredar por derecho* (наследовать по праву), *pertenecer* — *a el pertenece segund derecho* (ему принадлежит по праву), уже упоминавшийся глагол *governar* (управлять). Такая пестрота лишней раз подтверждает способность термина *derecho* выступать в частных, конкретных значениях. В то же время чаще всего относящиеся к *derecho* глаголы — *dar* и *mantener* — отражают два других смысловых уровня этого термина.

Позволим себе вернуть читателя к основной проблеме данного исследования — королевскому праву.

Напомним, что важным наблюдением при изучении материалов Второй Партиды стало особенное внимание источника к тем задачам короля и королевской власти, которые связаны с правом. Анализ терминов *justicia* и *derecho* подтверждает и уточняет этот тезис, свидетельствуя о том, что Альфонсо Мудрый и его помощники-составители Партид широко и с раз-

Король-судья. «Книга добрых наставлений Санчо IV». Рукопись XV в.

ных точек зрения смотрели на справедливость и право, а значит, и на королевские полномочия в этой сфере.

Надо сказать, что помещение судебных и правотворческих функций короля на первое место обычно для Средневековья, хотя на это редко обращается внимание. «Семь Партид» единодушно относятся к королю прежде всего как к вершителю справедливости и права. Если же мы обратимся к тем речевым конструкциям, которыми пользовались составители памятника для обозначения задач короля, картина станет еще ярче.

Объясняя предназначение короля, «Семь Партид», как правило, оперируют двумя способами передачи этой информации: через союз *para* — ради, чтобы, дабы — и через долженствование. Мы уже видели выше все те выдержки из текста законов, к которым необходимо обратиться сейчас снова, чтобы проиллюстрировать эту мысль. Посмотрим еще раз, теперь уже *как* — а не *что* — говорит источник о функциях королевской власти.

«*Los reyes... puestos sobre las gentes para mantener las en justicia e en verdad*»⁸³ (короли... поставлены над народами, дабы поддерживать их в справедливости и истине); «*Rey es puesto en la tierra en lugar de Dios para cumplir la justicia e dar a cada uno su derecho*»⁸⁴ (Король поставлен на земле

⁸³ Part.II.1.5.

⁸⁴ Ibid.

вместо Бога, дабы исполнять справедливость и дать каждому его право); «...*para mantener e guardar las tierras en justicia*»⁸⁵ (...дабы поддерживать и защищать земли в справедливости). Как видим, Законы однозначно трактуют назначение государя — он поставлен Богом именно ради поддержания и исполнения справедливости и обеспечения права каждого. Прямая и единственная проговариваемая связь между двумя частями приведенных фраз очевидна.

То же можно наблюдать в следующих выдержках: (...и ими (королями) управляют и поддерживаются вместо него (Бога) на земле, дабы совершать справедливость и право: так, что они обязаны поддерживать и защищать в справедливости и правде (народы) своей империи); «...*e tiene el lugar de Dios para fazer justicia e derecho en el reino*»⁸⁶ (...и держит место Бога, дабы совершать справедливость и право в королевстве); «*por el santo lugar que tiene para fazer justicia e derecho*»⁸⁷ (посредством святого места, которым владеет, дабы совершать справедливость и право). «Местоблюстительство» королями Бога на земле также связывается в источнике исключительно с функциями королей в области права. Еще сильнее этот момент звучит в более развернутых формулировках: «...*e (Dios) los gouierna e los mantiene en su lugar en la tierra, para fazer justicia e derecho: aissi ellos son tenudos de mantener e de guardar en justicia e en verdad a las de su seniorio*» (...и (Бог) ими управляет и их поддерживает вместо себя (Бога) на земле, дабы творить справедливость и право: так что они обязаны их (земли) своей сеньории поддерживать и защищать в справедливости и истине)⁸⁸; «...*e servir le (a Dios) deven (los Reyes)... guardando e manteniendo los pueblos e las gentes... para dar acada uno justicia e derecho en su lugar*» (...и служить ему (Богу) должны (Короли)... защищая и поддерживая народы и людей... чтобы каждому дать справедливость и право на его месте)⁸⁹. Примечательно, что здесь появляется — в приложении к государю — долженствование. Это уже не просто констатация того положения, что король существует ради отправления справедливости, государь *должен* обеспечивать справедливость и право, поскольку к этому его обязывает божественное происхождение статуса и власти.

Долженствование чаще всего передается глаголами и глагольными конструкциями: «*la justicia, que han (los Reyes) de fazer*»⁹⁰ (справедли-

⁸⁵ Part.II.1.

⁸⁶ Part.II.1.7.

⁸⁷ Part.II.2.3.

⁸⁸ Part.II.1.6.

⁸⁹ Part.II.2.4.

⁹⁰ Part.prooem.

вость, которую должны (Короли) творить); «*reyes, que... han de mantener en justicia e en verdad la tierra*»⁹¹ (короли, которые...должны поддерживать в справедливости и истине землю); «*deven ser... justiciero, dando acada uno su derecho*»⁹² (должны быть... справедливыми, давая каждому его право); «*como Rey derecho deve fazer*»⁹³ (как Король, исполненный права, должен делать) и т.д.

Следует подчеркнуть, что прочие способы выражения судебно-правотворческой задачи встречаются в источнике несопоставимо реже. Как правило, это формулировки, использующие сослагательное наклонение: «*justicia, que quiso, que se fiziesse en la tierra por el mano... de los Reyes*»⁹⁴ (справедливость, которая, как хотел (Бог), совершалась бы на земле рукой... Королей); «*...oviesse quien la fiziesse por el*»⁹⁵ (чтобы был тот, кто ее (справедливость) совершал бы вместо него (Бога)).

Таким образом, королевское законодательство середины XIII в., трактуя вопрос о задачах короля и королевской власти, вменяло в обязанность государям прежде всего отправление справедливости и обеспечение права подданным. Такие функции короля тем самым превращаются в провозглашенную норму, приобретают юридическое значение, хотя генетически они, безусловно, остаются связанными и с литературной традицией (в том числе христианской), и с политической риторикой.

В то же время, раз речь идет о правовых нормах, интересно было бы посмотреть на объект приложения усилий королевской власти. Насколько абстрактным он выведен в законах? Обусловлен ли сословными границами или приоритетами (что не редкость для средневекового законодательства)? Ответы на эти вопросы помогут лучше понять, насколько объемлющим воспринималось создателями «Семи Партид» назначение королевской власти и короля, мыслилось ли оно как самодостаточное или связанное с людьми-подданными? Другими словами, помнил ли закон о человеческом факторе или, скорее, был отвлеченной декларацией?

Альфонсо Мудрый, вдохновленный идеей составить общекоролевский свод законов и выразивший во Второй Партиде личное государево отношение к королевской власти, не мог бы, даже если бы ставил это своей целью, обойти вниманием тех, ради кого короли должны были творить справедливость и право. Действительно, в законах постоянно упоминается, в чьих

⁹¹ Part.II.prooem.

⁹² Part.II.1.9.

⁹³ Part.II.2.8.

⁹⁴ Part.II.prooem.

⁹⁵ Part.II.1.7.

интересах, для кого действует монарх — поскольку это хорошо видно из приведенных выше многочисленных цитат, ограничимся краткими, суммирующими замечаниями.

Вполне естественно, что общекоролевские законы в части, посвященной к тому же во многом теоретическим вопросам полномочий и происхождения королевской власти, не знают никаких сословных ограничений. Чаще всего, как мы могли наблюдать, здесь встречается довольно безличная формулировка: короли наделяются народами и землями, трудятся ради поддержания народов и земель в справедливости и праве, управляют народами, любят свой народ и любимы им.

«Семь Партид» используют два термина для обозначения понятия народ: *gente/gentes* и *pueblos*, без отчетливо прослеживающейся разницы в употреблении. Нередкое упоминание земель (*las tierras*), самостоятельно или следом за народами, как одного из объектов обязательного внимания и заботы короля, еще сильнее обезличивает нормы, одновременно придавая им масштабность, которая как нельзя лучше сочетается с божественным происхождением и назначением короля: «...должны поддерживать земли и управлять народами...»⁹⁶

Однако было бы неверно утверждать, что человек — *ome/omes* — совсем не присутствует в источнике. Этот термин встречается в памятнике очень часто, в том числе и во Второй Партиде. Как правило, он используется или при рассуждениях общего плана о природе человека и о Божественном промысле⁹⁷; или в пассажах, не связанных напрямую с задачами королей, когда упоминаются представления людей, люди, знающие право, честные люди, с которыми императорам следует советоваться и т.д.⁹⁸ Если же речь заходит о «людях империи/сеньории», то подразумевается более конкретный уровень рассуждений, нежели в тех случаях, когда трактуются обязанности королей. Так, во 2-м законе I титула Второй Партиды говорится о правах людей империи, а в 3-м законе того же титула — о том, что император не должен презирать и приспособливать людей своей сеньории⁹⁹.

Чаще всего *ome/omes* встречаются в тексте источника в тех случаях, когда разбираются вопросы о конкретных правовых мерах, приложимых к человеку: например, о наложении штрафов на людей, о наказании человека, об обязанности наказывать человека¹⁰⁰; о наказании человека, как в

⁹⁶ Part.II.2.prooem.

⁹⁷ Part.II.1.6 et al.

⁹⁸ Part.prooem.; Part.II.1.2.

⁹⁹ Part.II.1.2, 3.

¹⁰⁰ Part.II.2.2; Part.II.3.5.

преходящем, так и в духовном¹⁰¹; об обязанности императора наказывать, «когда люди делают то, за что (следует наказывать)»¹⁰². Любопытен бросающийся в глаза факт — в большей части таких частных случаев человек фигурирует как преступающий норму (или потенциально способный на это) и подлежащий наказанию. Намного реже Вторая Партида говорит об обязанностях государя, используя термин *ome/omes*, а не *gentes* или *pueblos*: монарх должен разрешать «столкновения, которые рождаются между людьми» и «поддерживать истину между людьми»¹⁰³.

Имея в виду все вышесказанное, можно было бы предположить, что «Семь Партид» однозначно указывает на уровень задач короля — повелевать народами, — не обращаясь, когда речь заходит о справедливости, к людям и человеку. Но сделать это мешает одно обстоятельство, на котором я уже подробно останавливалась — это постоянное, усердное упоминание «каждого» (*a cada uno*), ради соблюдения прав которого призывается в этом мире король.

В небольшом отрывке из закона мы можем видеть, как, вознесенный Господом, обличенный Божественной властью поддерживать целые народы, король склоняется к каждому: «должны... устанавливать любовь и согласие в своем народе и быть справедливыми, давая каждому его право»¹⁰⁴.

Органичное, естественное для памятника совмещение этих двух уровней лучше, чем что бы то ни было другое, свидетельствует о Божественной природе короля и о Божественном источнике его главной задачи — творить справедливость и право. С другой стороны, только государь благодаря своему божественному, сакральному естеству обладает правом вмешиваться в миропорядок, поддерживать его своими направленными усилиями, быть его гарантом. Если следовать логике «Семи Партид», совершение справедливости и обеспечение правом, по сути, и означает власть от Бога, власть, данную королю и обеспечивавшую королевское право.

¹⁰¹ Part.II.prooem.

¹⁰² Part.II.1.2.

¹⁰³ Part.II.1.4; Part.II.2.3.

¹⁰⁴ P. II, T. I, L. IX.

REFERENCES

1. *Variash I.I.* The Sacred Law of a King to create the Law // Sacred Body of a King. Rituals and the Myths of a Power. Collected Papers / ed. by N.A. Hachaturjan [Sakralnoe pravo korolja tvorit pravo // Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i mifologiya vlasti / pod red. N.A. Hachaturjan]. M.: Nauka, 2006. P. 52–77.
2. *Variash I.I.* The Imperial Idea on the Pirenaic Peninsula and the Conception of the Imperial Power in the Siete Partidas of Alphonse the Wise // Empires and the Ethno-National States in the Medieval Europe / ed. by N.A. Hachaturian. [Imperskaya ideja na Pirenejskom poluostrove i koncepciya imperatorskoj vlasti v Semi Partidah Al'fonso Mudrogo // Imperii i etno-nacionalnye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. / pod red. N.A. Hachaturian]. M.: Nauka, 2011. P. 410–430.
3. *Variash O.I.* The Concepts of a Law and Custom in the Portugal of XIV c // Law in the Medieval World [Ponjatie «zakon», «pravo» i «obyчай» v Portugalii XIV veka // Pravo v srednevekovom mire]. M.: 1996. P. 66–75.

Ключевые слова:

Средние века, Пиренейский полуостров, власть и право, «Семь Партид», Альфонсо X Мудрый.

Irina I. Variash

THE POWER OF KING AND THE ROYAL LAW IN THE SIETE PARTIDAS OF ALFONSO THE WISE

his research is focused upon the problem of the legislative and judicial functions of the king reflected in the Siete Partidas. It was the medieval Europe's most comprehensive code of law created in the Iberian Peninsula (13th c.). It is well known that it was created under the direct supervision and with the participation of Alfonso X the Wise. Particular attention was paid to the function of the king and the royal power, which are associated with the right, because The Second Part of The Siete Partidas gives them a special value. Analysis of the terms *justicia* and *derecho* confirms and refines this idea. Alfonso the Wise and his aides — compilers of The Siete Partidas looked widely and from different points of view for justice and right in the royal jurisdiction. The presentation of judicial and law-making functions of the king in the first place is usual for the Middle Ages. The Siete Partidas refers to the King as to the arbiter of justice and law. Royal legislation in the middle of the 13th c., considers that the most important task of the king and the royal authority is administration of justice and ensuring the right of subjects. Such functions of the king thus become the proclaimed norm, which acquired juridical sense and value. If we follow the logic of the Siete Partidas, we see that the administration of justice and the ensuring of the right, in essence, meant power from God. This was the base of the power granted to the King, that provides the royal law.

 Ирина Игоревна Варьяш

кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой
Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

М. Клейне

ОБРАЗЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬФОНСО X: REX IUSTUS¹

Введение

В этой третьей работе из серии исследований, посвященных образам королевской власти в текстах, созданных при дворе Альфонсо X², мы представляем образ *rex iustus*, напрямую связанный с королевской функцией, которая считалась важнейшей, а именно с отправлением правосудия. Предметом анализа стало в первую очередь корпоративное мышление эпохи Альфонсо, рассматриваемое на основании содержащихся в Партидах определений различных элементов, составляющих вместе политическое тело. Речь идет о понятиях «король», «королевство» и «народ», а также о способах их соединения. В этом отношении главными узлами, связывающими людей между собой и с землей, которую они населяют, становится аристотелевская кон-

¹ Перевод с испанского на русский выполнен Л.В. Черниной, редактирование перевода проведено А.В. Мареем. Данная статья написана и переведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование "Семи Партид" Альфонсо X Мудрого».

² См. предыдущие статьи: *Kleine M.* El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X. *De Medio Aevo*, 4 (2013). P. 1–42; и *Id.* Imágenes del poder real en la obra de Alfonso X: *Rex christianus*. *De Medio Aevo*, 5 (2014). P. 1–42.

цепция «уз естества»³. Задача королей поддерживать свой народ в состоянии справедливости в первую очередь отражается в исполнении функции судьи (*rex iudex*), которую Альфонсо X старался сосредоточить под своей властью, делегируя полномочия официалам, избранным им самим, и способствуя тем самым институционализации управления королевством. Во-вторых, мы увидим, что понятие суверенитета, присутствующее, в зачаточном состоянии, в творчестве Альфонсо X, позволяет понять, каким образом стало возможно, что кастильский король XIII в. выполнял также законодательную функцию (*rex legislator*) — нечто невообразимое в эпоху раннего Средневековья. Наконец, мы проанализируем присутствие в текстах Альфонсо X некоторых правовых принципов, наиболее важных для того периода, которые отражают как основное, для кастильской теории, обоснование процесса централизации — идею о том, что король является высшей мирской властью в королевстве и обладает автономией, сходной с положением императора в империи, — так и факторы, ограничивавшие власть короля и препятствовавшие ему создать нечто вроде преждевременного абсолютизма.

1. Корпоративное мышление в творчестве Альфонсо X⁴

Из образов монарха, рассеянных по творчеству Альфонсо X и ставших объектом целой серии исследований, образ *rex iustus* выделяется не только благодаря тому факту, что этот король считается автором или создателем важных

³ В тексте *naturaleza*. О.В. Ауоров так определяет этот концепт в своем переводе соответствующего титула Четвертой Партиды: «под этим понятием, как правило, подразумевается тип уз, связывающих вассала с его сеньором в силу факта рождения на земле последнего (ср. лат. *naturalitas*, а также в современных языках фр. *naturalité*, итал. *naturalità*, порт. *naturalidade* и т.п.); отсюда же проистекает и понятие «sennor natural» — «сеньор по рождению» (т.е. сеньор, чьи сеньориальные полномочия возникают естественным образом — *de naturaleza*). В русском языке это понятие не имеет прямых аналогов, чем объясняется сложность его перевода. В наиболее общем виде каст. *naturaleza* может быть передано понятием «узы естества», подразумевающим естественный характер самого факта рождения, а также (вследствие этого) — обусловленных им обязательств по отношению к сеньору, распространяющихся на рожденных на его земле — «naturales». (Партида IV, тит. 24: О долге зависимых людей по отношению к их сеньорам, возникающем в силу естества. Пер. и коммент. О.В. Ауорова. На правах рукописи). Подробнее см.: Martin G. De lexicología jurídica alfonsí: «naturaleza». Alcanate, 6 (2008–2009). P. 125–138; и *Id.* Le concept de «naturalité» (naturaleza) dans les «Sept Parties» d'Alphonse le Sage // e-Spania (онлайн: <http://e-spania.revues.org/10753>), 5 (2008). — Прим. ред.

⁴ Этот раздел был опубликован ранее с некоторыми изменениями на португальском языке: Kleine M. Os elementos do corpo político e a justiça nas Siete Partidas de Afonso X. Politeia: Historia e Sociedade, 5/1 (2005). P. 103–118.

правовых компиляций, но прежде всего потому, что с древних времен реализация политической власти ассоциировалась с представлением об отправлении правосудия⁵. В действительности, большая часть текстов, происходящих из королевского *скриптория*, в самых разных видах отражает эту идею, составляющую одну из основ политического мышления Альфонсо X.

В творчестве Альфонсо справедливость представлена не только как одна из четырех основных добродетелей, но и как один из важнейших атрибутов Бога. При этом короли, которые занимают самое высокое положение в социальной пирамиде и чье существование в Партидах признается необходимым, являются представителями Бога на земле и поэтому несут ответственность за поддержание божественной справедливости, чтобы сохранять мир в народе⁶. Как утверждает Дж. О'Кэллэкен, «короли должны были особенно любить и защищать справедливость, поскольку им было дано столько, сколько никому другому. Чтобы исполнить эту обязанность, они выступали как в роли судьи, так и в роли законодателя»⁷.

Для понимания того, как стало возможным, чтобы кастильский монарх исполнял эту двойную юридическую функцию в XIII в., необходимо рассмотреть ряд базовых аспектов политико-юридического мышления Альфонсо X, от определения политического тела и составляющих его элементов, а именно короля, королевства и народа, до самого понятия о справедливости в том виде, как оно представлено в его творчестве — особенно в Партидах, поскольку этот текст представляет самые широкие возможности для данного анализа.

Следуя общему стилю мышления, характерному для той эпохи, концепты и определения обычно представлены в творчестве Альфонсо X посредством метафор. Одно из таких интересных сравнений определяет королевство как сад, где деревья — это народ, а король — хозяин⁸. Это сравнение будет рассмотрено нами ниже. Однако самая распространенная метафора для описания королевства сравнивает его с «политическим телом». Образ королевства как тела был разработан в «Поликратике» Иоанна Солсберийского в середине XII в. и с тех пор получил широкое распространение в Европе⁹. Хотя политическое значение эта метафора приобрела в «Поликратике», она уже была

⁵ Vernant J.-P. Les cités grecques et la naissance du politique. Berstein S., Milza P. (eds.) Axes et Méthodes de l'Histoire Politique. Paris, PUF. 1998. P. 7–12.

⁶ Ullmann W. Principios de gobierno y política en la Edad Media. Madrid, Revista de Occidente, 1981. P. 155 ss.

⁷ O'Callaghan J.F. El Rey Sabio — el reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla, Universidad de Sevilla, 1999. P. 52.

⁸ Part.II.10.3.

⁹ O'Callaghan. Op.cit. P. 41.

Король Альфонсо X.
Изображение XIX в.

довольно хорошо знакома христианскому миру, поскольку апостол Павел в Первом послании к коринфянам определяет Церковь как тело Христово:

Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. [...] Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член — страдают с ним все члены; славится ли один член — с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены¹⁰.

Так же как мистическое тело Церкви, описанное Павлом, политическое тело подразумевает единство составляющих его элементов¹¹. Тем не менее в политической концепции тела видны иерархические отличия между головой (королем) и членами (народом), что указывает на верховенствующее положение первой и обязанность повиновения для последних, хотя все они необходимы для функционирования всего организма. Эта идея присутствует в нескольких текстах Альфонсо X и бесконечно повторяется в Партидах, откуда и взят фрагмент, который наилучшим образом определяет эту корпоративную концепцию:

¹⁰ 1 Кор. 12:12, 24–27.

¹¹ Gonzalez Jimenez M. Alfonso X el Sabio. Barcelona. Ariel, 2004. P. 375.

И святые говорили, что король поставлен на земле на место Бога для того, чтобы вершить правосудие и воздавать каждому его право. И потому прозвали его сердцем и душой народа. Поскольку так же, как душа покоится в сердце человека, и потому тело его живет и сохраняется, так же в короле покоится правосудие, дающее жизнь народу в его сеньории и сохраняющее его. И точно так же, как сердце едино, и им соединяются все члены, чтобы стать одним телом, так и люди королевства, хотя и многочисленны (в то время как король есть и должен быть один), должны быть поэтому едины с королем, для того, чтобы служить ему и помогать в тех делах, которые тот должен делать. А мудрецы говорили, естественно, что король — это глава королевства, поскольку как из головы рождаются чувства, которыми направляются все члены тела, так и повелением, исходящим от короля, который есть сеньор и глава всех людей королевства, они должны направляться и управляться, и быть в согласии с королем, для того, чтобы повиноваться ему, и защищать его, и охранять, и увеличивать королевство. Потому что король есть душа и глава, а они — члены¹².

Партиды также определяют каждый из элементов, составляющих политическое тело, таким образом, что концепты дополняют один другой, по мере своего появления в тексте. Говоря об определении «короля», необходимо отметить, что в течение всей эпохи Средневековья существовала тенденция объяснять понятия с помощью этимологического анализа обозначающих их слов, и «Этимологии» святого Исидора Севильского пользовались огромным авторитетом не только на Пиренейском полуострове — они представляли собой фундаментальный источник знаний для всей западной мысли. Средневековые этимологии искали ассоциаций между значением слова и его происхождением, устанавливая такие связи между терминами, которые совсем не обязательно согласуются с современной исторической лингвистикой. Так, например, этимология Исидора объединяет слова *rex*, *regnum* и *regere* следующим образом:

«Королевство» (*regnum*) берет свое название от «королей» (*regibus*). Ведь как «короли» получили свое имя от «правления» (*regendo*), так и «королевство» от «королей». [...] «Короли» получили свое имя от «правления». Подобно тому как «священник»

¹² Part.II.1.5.

Страница
«Этимологий».
1472 г.

от «священнодействия», так и «король» от «правления». Ведь не правит тот, кто не исправляет. Следовательно «король» носит свое имя благодаря «правильному» действию и утрачивает его, если грешит. Поэтому и у древних существовала такая пословица: «Будешь королем, если будешь поступать правильно; а если нет, то и не будешь»¹³.

О значении этой связи, установленной святым Исидором, и о ее важности для западного мышления Мишель Сенелляр утверждает:

Относиться с улыбкой к этой этимологии, столь приверженной норме и так мало соответствующей современным требованиям лингвистической точности, значит, неправильно оценивать

¹³ Etym.IX.3.1, 4: Regnum a regibus dictum. Nam sicut reges a regendo vocati, ita regnum a regibus. [...] Reges a regendo vocati. Sicut enim sacerdos a sacrificando, ita et rex a regendo. Non autem regit, qui non corrigit. Recte igitur faciendo regis nomen tenetur, peccando amittitur. Vnde et apud veteres tale erat proverbium: 'Rex eris, si recte facias: si non facias, non eris'.

Исидор играет на многозначности слова *rex* — в его эпоху оно, без сомнения, означало короля, в то время как его изначальный, этимологический смысл — «правитель», производное от глагола *rego* (см.: Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de langue latine. P., 1939. P. 864). В испанском языке передавать эту игру нет необходимости, поскольку для перевода *rex* используется производное от него испанское *rey*, по-русски это невозможно, что и обуславливает использование разных слов для перевода одного латинского лексического куста. — Прим. ред.

роль этимологии в Средние века как формы мышления, а также огромное влияние, которым вплоть до XIV столетия пользовалось сочинение Исидора¹⁴.

Моральный и нормативный характер приведенной этимологии совершенно очевиден: термин *rex* возводится к *a regendo*, которое, в свою очередь, происходит от *a recte agendo*. Таким образом, король — это тот, кто правит, то есть действует правильно. Более того, Исидор утверждает, что тот, кто не поступает правильно, тот и не правит. Важно отметить вместе с Сенелляром, что «этимология слова *rex* устанавливается через действие, что доказывает, что, по мнению Исидора, короля создает правление»¹⁵.

Анализ генезиса этой формулировки Исидора, восходящей к Цицерону через Августина, а также различных толкований этой этимологии, возникавших на протяжении Средневековья, не входит в число задач настоящего исследования¹⁶. В любом случае, ясный след Исидоровой традиции виден в представлении о короле, изложенном в законе Второй Партиды Альфонсо X:

Король» (*rey*) означает то же, что и «правитель» (*regidor*), поскольку ему, без сомнения, принадлежит управление королевством. <...> И еще иным образом объясняли мудрецы, почему король называется так, и говорили, что «король» означает то же, что и «правило» (*regla*), поскольку как посредством правила узнаются и исправляются все ошибки, так посредством короля узнаются и устраняются все проступки¹⁷.

Определяя короля как «правителя», поскольку он отвечает за управление королевством, этот закон устанавливает ту же самую причинно-следственную связь, что наблюдалась в этимологии Исидора Севильского: *regir* — *rey* — *reino*. Также из утверждения о том, что король есть синоним правила (*regla*), которое исправляет ошибки, явствует моральный характер функции короля, напрямую происходящий из утверждения Исидора о том, что «не правит тот, кто не исправляет». Связь между словами *regere* («править») и *recte agere* («поступать правильно»), в свою очередь, подтверждается законами, которые определяют, что король должен быть добродетельным, особенно следующим

¹⁴ Senellart M. Les arts de gouverner. Du regimen médiéval au concept de gouvernement. Paris, Seuil, 1995. P. 66.

¹⁵ Ibid. P. 67.

¹⁶ См. об этом указанную работу Сенелляра, особенно главу I части II, с. 65–90.

¹⁷ Part.II.1.6.

фрагментом, где указаны четыре основные добродетели (благоразумие, сдержанность, сила и справедливость): «Посему король, обладающий четырьмя добродетелями, указанными в этом законе, носит свое имя по праву, поскольку он действует так, как надлежит действовать праведному королю»¹⁸.

Необходимость править / исправлять, которая оправдывает существование короля, в творчестве Альфонсо ассоциируется с необходимостью вершить справедливость, как показывает другой закон из Второй Партиды:

Помимо того, о чем мы говорили выше, применительно к императору, древние мудрецы приводили многочисленные и правдивые доводы в пользу того, что король должен существовать. И хотя мы говорили об императоре раньше, чем о короле, из почета к империи, но в древности короли появились раньше императоров. И один из доводов, приводившихся в пользу того, что король должен существовать, таков, что все живые существа от природы имеют при себе все, в чем нуждаются, и не подобает, чтобы к этому добавлялось что-либо извне. Поскольку, если речь идет об одежде, то все они одеты в свое, — кто в перья, кто в шерсть, кто в шкуры, кто в чешую или в раковину, согласно их природе, — и не имеют нужды в шитье, чтобы одеваться. Также и для защиты у одних есть клювы, у других — зубы, у иных — когти или рога, или жала, или шипы, так что им нет нужды искать иного оружия для того, чтобы защищаться. Также и с тем, что они едят и пьют — каждый находит то, в чем имеет нужду, таким образом, что не должны они искать кого-то, кто приготовил бы для них, ни того, о чем знают лучше, и не должны ни покупать еду, ни идти за нее работать. Но человек не имеет для себя ничего из этого, за исключением помощи многих тех, кто ищет для него и приносит ему то, что ему подходит. И эта помощь не может быть оказана без правосудия, которое не сможет осуществляться иначе, кроме как начальниками (*mayorales*), которым все прочие обязаны повиноваться. И не может быть, чтобы эти начальники, будучи многочисленными, не ссорились бы многократно, поскольку воли людей от природы разделены, и каждый для себя хочет большего, чем все остальные. И потому возникла нужда в справедливой силе, осуществлявшейся кем-то одним, возглавлявшим всех, рассудком которого направлялись бы и объединялись бы все, как все члены тела направляются

¹⁸ Part.II.5.8.

и руководятся головой. И по этой причине короли должны были появиться, а люди — признать их за сеньоров. Другой довод уже имеет духовный характер, в соответствии со словами пророков и святых о том, зачем появились короли. И это случилось по причине справедливости, которую наш Господь Бог должен был дать этому миру, чтобы люди жили в мире и любви, и нужно было, чтобы кто-то вершил ее за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам. И король занимает место Бога для того, чтобы творить правосудие и право в королевстве, в котором он является сеньором, точно так же, как мы говорили выше об императоре в империи. А еще то, что король получает по наследству, император — в результате выборов¹⁹.

Приведенный закон в мельчайших деталях проясняет смысл слова «король», изложенный в предыдущем законе: необходимость существования монарха и правления одного-единственного человека оправдывается той ролью, которую играет король, то есть его функцией (*reges a regendo*). У людей, в отличие от животных, от природы нет всего того, что необходимо им для выживания, и поэтому они существуют в обществе, где «с помощью многих» могут получить все необходимое. Однако такая система взаимного содействия действует только в том случае, когда основывается на правосудии, которое может отправлять (*regir*) только один человек (король). Лишь в этом случае не возникнет разногласий, связанных с естественным свойством людей испытывать противоречащие друг другу желания. Это наблюдение, основывающееся на необходимости применения правосудия, оправдывает верховенство главы над членами политического тела.

Этот же фрагмент объясняет, что функция отправления правосудия наместником Бога на земле должна осуществляться «в королевстве, в котором он является сеньором», определяя тем самым юридический предел «сеньории» (королевства). Определение королевства будет представлено ниже, в законе 3 титула 19 той же Второй Партиды:

Королевством именуется край, сеньором которого является король: и он носит имя короля за дела, которые он вершит в этом краю, поддерживая его в правосудии и праве. И поэтому сказали древние мудрецы, что они подобны душе и телу, которые, объединяясь, составляют единство, хотя сами по себе отделены. И посему

¹⁹ Part.II.1.7.

Король Фернандо I.
«Книга заветаний
королей Леона», XII в.

пусть даже народ хранит короля во всем указанном, но охрана эта будет неполной, если он не будет хранить королевство от всех напастей, которые могут приключиться²⁰.

Завершая рассказ о политическом теле, «Семь Партид» определяют его третий элемент — народ:

Народом называется собрание вообще всех людей: и знати, и средних, и меньших, поскольку они все необходимы, и не могут не быть там, так как должны помогать друг другу, дабы все смогли вести благую жизнь, быть защищенными и иметь достаток²¹.

Так что если король — это тот, кто правит, то королевство — это край, управляемый королем, а народ состоит из его подданных. Концепция, отраженная в сочинениях Альфонсо X, при котором «королевство» является синонимом «сеньории», выходит за рамки простой территориальности и отодвигает на второй план идею юрисдикции или места применения политической власти, то есть отправления правосудия. Хосе Антонио Мараваль, который, подобно большинству испанистов, занимавшихся творчеством Альфонсо X, отмечает огромное влияние римского права и философии Аристотеля на юридические сочинения Мудрого короля, считает эту концепцию королевства одной из важнейших и наиболее оригинальных черт политической мысли

²⁰ Part.II.19.3.

²¹ Part.II.10.1.

этого короля, поскольку «ни римское право, которое не ставит вопроса о территории как о факторе политического порядка, ни Аристотель, который высказывает идеи о городе, размеры которого должны позволять всем жителям знать друг друга лично, не могли породить у Альфонсо X этой политической концепции территории — одновременно обширной и теснейшим образом связанной с жизнью и историей общности, — которая является самой характерной чертой мысли этого короля. Возможно, это слияние народа с территорией является одним из аспектов, наиболее типичных для политических форм, существовавших в позднесредневековой Европе; и я сомневаюсь, что до 1260 г. кто-то мог бы настолько полно и ясно разработать это в теории, как это сделал Альфонсо X»²².

Необходимость единства в политическом теле становится особенно очевидной в законе, который устанавливает принцип неотчуждаемости и неделимости королевства и утверждает, что «народ должен следить за тем, чтобы сеньория была единой, и никоим образом не соглашаться отчуждать ее или делить»²³. Этот принцип не принадлежит изначально юристам Альфонсо X, поскольку, как сказано в самом законе, таков древний обычай: «С древности в Испании существовало фуэро и установление, что сеньорию королевства нельзя ни делить, ни отчуждать»²⁴.

Ту же формулу можно найти в «Первой всеобщей хронике», в главе, повествующей о разделе королевства Фернандо I между его сыновьями. В соответствии с текстом хроники, Санчо, старший сын и, по обычаю, наследник королевства, был не согласен с этим решением «и сказал отцу, что тот не может поступить так, ибо в древности готы заключили между собой соглашение о том, чтобы никогда не делилась империя Испании, но чтобы всегда принадлежала она одному сеньору»²⁵.

Оправданием единства политического тела в текстах Альфонсо X является аристотелевская идея «уз естества», определяемых, как «один из величайших видов долга, который только может быть между людьми [...] Ведь поскольку естество связывает их происхождением, точно так же это естество объединяет людей узами верности и расположения»²⁶. Принцип уз естества определяется как важнейшая связь, объединяющая людей и превращающая короля

²² *Maravall J.A.* Del regimen feudal al regimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // *Id.* Estudios de historia del pensamiento español: edad media. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(a). P. 101.

²³ Part.II.15.5.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ PCG, II, cap. 813. P. 494.

²⁶ Part.IV.24. proem., пер. О.В. Аурова.

в «сеньора по рождению» своего народа, то есть тех, кто живет на земле, которой он правит. Эта связь, соединяющая три элемента политического тела, считается важнейшим видом сеньории: «Ведь хотя бывает множество видов сеньоров, тот из них, чья сеньория определяется естеством, превыше всех, и люди должны охранять его превыше всего»²⁷. Поэтому так крепка связь, устанавливаемая в феодальных отношениях:

Древние мудрецы установили десять видов обязанностей, истекающих из уз естества. Первый и самый лучший — тот, который люди исполняют по отношению к своему сеньору по рождению, поскольку как они сами, так и те, из чьего рода они происходят, родились и поселились на земле, принадлежащей сеньору. Второй — тот, который возникает вследствие вассалитета²⁸.

Превосходство уз естества над вассалитетом недвусмысленно явствует из закона Второй Партиды, регламентирующего, кому должны принадлежать крепости и замки, завоеванные во время войны. В этом же законе отмечается, что денатурализация, то есть разрыв уз естества, может произойти только в результате воздействия превосходящей силы и по уважительной причине:

Если вдруг кто-либо будет вассалом одного короля, а вассалом по рождению — другого, и захватит какой-либо замок, принадлежащий второму, то, если его затем потребует его сеньор, он не должен ни отдавать его ему, ни забирать никоим образом у короля, который является его сеньором по рождению, если только тот не сделал раньше чего-либо такого, из-за чего этот вассал сможет разорвать узы естества²⁹.

Рассматривая указанный прецедент с замками и крепостями в качестве примера, Мараваль подчеркивает, что творчество Альфонсо X, «Семь Партид», одновременно консолидирует феодальные институты и, ограничивая их сколько возможно подробно и систематически, «нейтрализует социально-политическое значение этих институтов и [...] превращает их в инструмент развития и укрепления высшей власти короля, что даже противоречит первоначальному

²⁷ Part.II.13.26.

²⁸ Part.IV.24.2, пер. О.В. Аутова.

²⁹ Part.II.18.32.

их смыслу»³⁰. Так, провозглашая верховенство уз естества над вассалитетом, текст Альфонсо отрицает «политическую структуру феодализма, усиливая зависимость сеньоров от короля»³¹.

Одним из следствий уз естества, существующих между людьми и их страшной и составляющих основу единства короля, королевства и народа, является их взаимодействие. Не зря закон провозглашает, что король должен любить, почитать и защищать разные группы, составляющие народ — «и знать, и средних, и меньших»³² — поскольку все они необходимы: прелатов и весь клир, как секулярный, так и регулярный; магнатов, рыцарей, магистров университетов, горожан, торговцев, ремесленников и крестьян. Также «все вышеперечисленные, каждый из них на своем месте, должны почитать и любить короля и королевство, охранять и приумножать его права, и всячески служить ему, каждый в должном виде, как своему сеньору по рождению, каковой есть их глава, и жизнь и поддержка»³³. Четвертая Партида, определяя узы естества, также указывает на их следствия и особенно выделяет среди них обязанность защищать короля и королевство, если необходимо, даже ценой собственной жизни³⁴:

Сеньоров обязаны почитать все рожденные на их земле в силу долга, естественным образом проистекающего из этого факта; и должны служить им за то благо, которое от них получают и надеются получить; и почитать их за почести, от них получаемые; и охранять их, поскольку и они сами, их имущество пользуются охраной со стороны сеньоров; и увеличивать их владения, поскольку в силу этого прирастает и их собственное имущество; и принимать достойную смерть за своих сеньоров, если в том возникнет необходимость, за ту достойную и почетную жизнь, которую они вели рядом с ними. И применительно к земле, на которой они родились, люди несут обязанности любить ее, и расширять ее пределы, и умирать за нее, если это будет необходимо³⁵.

³⁰ Maravall, 1983a. P. 112. Автор говорит об отсутствии феодализма в позднесредневековой Испании как о социально-политической структуре, но не об отсутствии феодальных институтов. См. его статью: «La corriente democrática medieval en España y la fórmula 'Quod omnis tangit'» // *Id. Estudios de historia del pensamiento español: edad media*. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(b). P. 161–177; иную интерпретацию взаимоотношений Альфонсо X и знати см. в статье Х. Санчеса-Арсильи Бернала в этом же номере журнала.

³¹ Ibid.

³² Part.II.10.1.

³³ Part.II.10.3.

³⁴ О принципе «смерти за отчизну» (*pro patria mori*) в Кастилии см. статью: Ariel Guance A. To die for country, land or faith in Castilian medieval thought. *Journal of Medieval History*, 24–8 (1998). P. 312–332.

³⁵ Part.IV.24.4, пер. О.В. Аурова.

Помимо определений элементов, составляющих политическое тело, и внимания, уделяемого необходимости поддерживать его целостность, столь же подробно в юридических сочинениях Альфонсо X рассматривается справедливость, которая в сочетании с концептом уз естества представляет собой основу королевской власти в политико-юридическом смысле.

Пролог к Третьей Партиде, посвященной регламентации тяжб и судебных процессов, позволяет отметить, что все сочинение организовано вокруг понятия справедливости. В тексте повторяется идея разделения властей (духовной и мирской), которая основана на геласианской теории о двух мечях, упомянутой в прологе ко Второй Партиде и в «Королевском фуэро». В прологе к Третьей Партиде объясняется, что Первая Партида была посвящена «духовной справедливости, которая есть первый меч, поддерживающий мир»³⁶, Вторая Партида рассказывала о «великих сеньорах, которые должны охранять все вообще своей крепостью и силой, каковы есть второй, мирской, меч»³⁷, а Третья будет рассматривать вопросы «справедливости, которую следует творить упорядоченно, разумом и мудростью, когда всякий требует и защищает в суде то, что считает своим правом, перед указанными великими сеньорами или официалами, поставленными судить вместо них»³⁸.

Первый титул Третьей Партиды определяет, что такое справедливость, какую пользу она приносит и каковы ее предписания. Например, в прологе к этому титулу содержится следующее определение:

Справедливость есть одна из вещей, которыми лучше и надежнее всего поддерживается мир. Она подобна источнику, из которого истекают все права. И справедливость присутствует не только в тяжбах, которые ведут между собой истцы и ответчики в суде; но и во всех остальных отношениях между людьми, строятся ли они на словах или на делах³⁹.

Из этого фрагмента понятно, что справедливость имеет не только сугубо юридический, но и моральный характер, поскольку она описывается как источник всех прав, как в тяжбах, так и в любых других отношениях, возникающих между людьми. Идея справедливости, характерная для Альфонсо и понимаемая одновременно как добродетель и как административная прак-

³⁶ Part.III.Prol.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Part.III.1.proem.

тика, регулирующая жизнь в обществе, «здесь представляет собой точку максимального контакта между моралью и правовой наукой»⁴⁰.

В моральном плане справедливость — одна из четырех основных добродетелей и в этом качестве Вторая Партида определяет ее следующим образом:

Четвертая добродетель — это справедливость, и она мать всяческого блага, ибо в ней соединяются все прочие [добродетели]; ведь связывая сердца людей, она делает их единым целым, чтобы они жили по праву, в соответствии с заповедями Божьими и повелениями сеньора, воздавая каждому его право, согласно тому, как ему подобает, и как он этого заслуживает⁴¹.

Таким образом, добродетель справедливости несет ответственность за объединение людей и гарантии их сосуществования в социуме. В «Сумме теологии» святой Фома Аквинский определяет справедливость как высшую из моральных (или кардинальных) добродетелей по двум причинам. Первая базируется на самой «добродетельной» сущности справедливости, поскольку хотя все четыре добродетели характеризуются притягивающей силой (воля), справедливость базируется «в благороднейшей части души»⁴², то есть к ней влечет рациональное желание, тогда как прочие моральные добродетели относятся к сфере чувственного желания, неразрывно связанного со страстями. Второй мотив касается объекта справедливости, поскольку если умеренность, благоразумие и мужество приносят благо только тому, кому они свойственны, то справедливость приносит благо другому человеку⁴³.

Третья Партида также подчеркивает добродетельность справедливости и отдельно упоминает, что люди испытывают желание придерживаться ее и что она превыше всех прочих моральных добродетелей:

Согласно тому, как говорили древние мудрецы, справедливость — добродетель, укорененная в человеке, и она всегда присутствует в воле справедливых людей, и наделяет каждого его правом в равной степени. И, хотя люди умирают, справедливость сама по себе никогда не исчезает, но всегда остается в сердцах живых лю-

⁴⁰ Madero M. Formas de la justicia en la obra jurídica de Alfonso X el Sabio.// Hispania, LVI/2, 193 (1996). P. 455.

⁴¹ Part.II.5.8.

⁴² STh.IIa-IIae, qu.58, art.12.

⁴³ Ibid.

Король Альфонсо X и королева играют в шахматы. *Средневековая миниатюра*

дей, добрых и послушных праву. И хотя говорит Писание, что праведник грешит по семь раз на дню, поскольку он не может всегда делать, что должно, по причине слабости своей природы, все же волей своей он всегда должен стремиться делать добро и исполнять заповеди справедливости. И поскольку она столь прекрасна сама по себе, она сочетает в себе все прочие главные добродетели, как говорили об этом мудрецы⁴⁴.

Далее цитируемый закон переходит к мысли, что справедливость — источник права, и здесь в тексте появляется интересная метафора «неиссякаемого источника»:

поэтому ее уподобляют неиссякаемому источнику, и тому есть три причины. Во-первых, как вода, выходящая из него, льется на восток, так и справедливость тянется всегда к истинному Солнцу, каковое есть Бог; и поэтому святые называли в Писании Господа нашего Иисуса Христа Солнцем справедливости. Во-вторых, как вода из источника течет неостановимо и люди постоянно тянутся к ней, поскольку о ней известно, что она лучше и целительнее прочей, так и справедливость присутствует всегда и никогда не истощается и не ухудшается; и требующие ее притягиваются к ней все больше, и нуждаются в ней, как ни в чем другом. В-третьих, как вода в этом источнике горяча зимой и холодна летом, и ее благодать обратна злобности времени, так и право, исходящее из справед-

⁴⁴ Part.III.1.1.

ливости, устраняет все дурное и недостойное, что творят люди и противостоит ему⁴⁵.

Аллегория устанавливает причинно-следственные отношения, поскольку идея о том, что права порождаются справедливостью, прослеживается и в другом определении, присутствующем в этом произведении: «Справедливость — это нечто, в чем заключаются все права, какова бы ни была их природа»⁴⁶. Принимая во внимание эту связь, можно понять, чем обусловлена законотворческая деятельность Мудрого короля: если главная функция короля в роли представителя Бога состоит в отправлении справедливости, а та является источником всех прав, то препятствие, мешающее королю *творить законы*, оказывается легко преодолимым, о чем мы будем говорить ниже.

Анализируя идеи, высказанные в творчестве Альфонсо, можно заметить, как корпоративная политическая мысль в сочетании с представлением о справедливости (а следовательно, и о праве) стала одним из основных шагов на пути выработки теории современного государства.

Мараваль, ссылаясь на Лагарда, отмечает, что корпоративная идея представляет собой одно из трех крупных направлений политической мысли, характерных для XIII столетия. Эта эпоха находится на полпути между феодальной картиной мира, которой суждено вскоре исчезнуть, и государственной картиной мира, уже начинавшей быть заметной⁴⁷. Альфонсо X представляет собой прекрасный пример монарха, которого Ульман определил как «существо-амфибию» — он одновременно феодальный сеньор, связанный с вассалами договорными отношениями, и теократический монарх, чья власть базируется на реализации его воли и на принципе повиновения подданных⁴⁸. Эта двойственность прекрасно отражается в корпоративной мысли Альфонсо, где устанавливается иерархия, в которой король представляет собой главу политического тела, но в то же время отстаивается необходимость взаимодействия всех членов.

Принимая во внимание все сказанное, можно обратиться к двум юридическим аспектам, связанным с функциями короля в рассматриваемый период: идее короля как судьи, имеющей долгую традицию, и короля как законодателя — явное новшество, которое стало возможным после формулировки

⁴⁵ Ibid. Выражение «солнце справедливости» в качестве одного из атрибутов Бога появляется также в «Семичастнике». См.: Vanderford K. (ed.). Setenario. Buenos Aires, Instituto de Filología, 1945. Ley I.

⁴⁶ Р. III. 1.3.

⁴⁷ Maravall, 1983a. P. 99.

⁴⁸ Ullmann, 1971. P. 155–157.

предгосударственной корпоративной теории, где в латентном виде присутствовало понятие суверенитета.

2. *Rex iudex*

Принимая во внимание традиционную связь между управлением людьми и поддержанием справедливости, представляется очевидным, что одним из процессов, ставших частью трансформаций, которые начались в XII—XIII вв. и привели к образованию государства Нового времени, была централизация политической власти. В числе прочего эта централизация заключалась в концентрации полномочий, ранее нередко распределенных среди феодальных сеньоров, например судебной власти⁴⁹. В то же время по мере роста институционализации политической власти и, следовательно, юридической системы король все реже напрямую исполнял свои обязанности судьи и все чаще делегировал соответствующие полномочия назначенным для этого официалам. Говоря об этом процессе, Антонио Маронджиу отмечает в статье, посвященной средневековому представлению о «короле-судье», что «существовал достаточно долгий период, когда средневековые монархии, казалось, желали и должны были быть верховными структурами в сфере отправления правосудия, как в отношении юрисдикции, так и в отношении поддержания, сохранения и применения действующего права. Первой, фундаментальной и наиболее характерной задачей ее было насаждение не только морального, но и юридического долга»⁵⁰.

Кастильский XIII в. был отмечен серией инициатив, направленных на централизацию юридической системы⁵¹. Альфонсо X пытался унифицировать закон в королевстве — посредством не только «Королевского фуэро», но и «Семи Партид», которые, хотя и не получили силы закона в его правление, с предельной ясностью демонстрируют намерения централизаторского политического проекта. Но помимо этого он еще и стремился так организовать судебную систему, чтобы король не только определял, кто именно будет назначать людей на разные должности в этой системе, но и сам представлял собой высшую юридическую инстанцию. Чтобы понять роль, которую сам король

⁴⁹ Crossetti de Almeida C. Considerações sobre o uso político do conceito de justiça na obra legislativa de Afonso X. Anos 90, 16 (2001/2002). P. 15.

⁵⁰ Marongiu A. Un momento típico de la monarquía medieval: el rey juez. Anuario de Historia del Derecho Español, XXIII (1953). P. 714—715.

⁵¹ См. в связи с этим соображения о политическом проекте Альфонсо X в работе: Kleine, 2013.

уготовил себе в этой системе, необходимо сначала представить себе, как система вообще функционировала в соответствии с проектом, представленным в Партидах и, в меньшей степени, в «Королевском фуэро».

В девятом титуле Второй Партиды содержится серия законов, посвященных официалам, действующим на службе короля, и в этих законах определяются функции и обязанности каждого из них. Там говорится, что официалы необходимы императорам, королям и другим крупным сеньорам, они должны служить и содействовать им «в тех вещах, каковые тем надлежит делать»⁵². В законе, где дано определение официия, описаны также два типа официалов: те, кто служит «в дому короля», и «другие — вне последнего». Король, королевство и различные типы официалов метафорически описаны в виде тела:

Аристотель в книге, написанной для Александра, о том, как ему надлежит управлять своим домом и своей сеньорией, указал на сходство человека и мира, и сказал так: «Как небо, и земля, и вещи, на них находящиеся, составляют большой мир, также и тело человека составляет другой мир, именуемый малым. Поскольку как большой мир обладает подвижностью, и разумом, и делами, и согласующимся, и подразделенным, точно так же от природы этим наделен и человек. И от этого малого мира, которому подобен человек, берет свое начало и другой, которому подобны король и королевство, и способ, которым он упорядочивается». И показал он, что так же, как Бог вложил разум в голову человека, которая главенствует над всем телом и является самым знатным его местом, и подобна королю. И пожелал Он, чтобы все чувства и члены — как те, которые находятся внутри и являются невидимыми, так и видимые, находящиеся снаружи, — подчинялись ей и служили ей как сеньору, и управляли бы телом, и защищали бы его, как королевство. Кроме того, он показал, что официалы и высшие должностные лица должны служить королю как сеньору, и хранить и блюсти королевство, как свое тело, поскольку монарху надлежит править через их посредство»⁵³.

Официалы, служившие «королевскому дому», составляли двор монарха, который можно назвать центральным институтом управления королевством. Несмотря на крайнюю мобильность, характерную для монархов XIII в. и де-

⁵² Part.II.9. proem., пер. О.В. Аутова.

⁵³ Part.II.9.1, пер. О.В. Аутова.

лавшую невозможным наличие одного места, которое служило бы резиденцией двора, двор сам выступал в роли такого центра, перемещаясь вместе с королем, куда бы тот ни отправился⁵⁴. Вторая Партида излагает концепцию двора следующим образом:

Двором называется место, где находятся король, и его вассалы, и его официалы, которые должны постоянно давать ему советы, и служить ему, а также те жители королевства, которые являются либо просить у него почестей, либо подать апелляцию, либо добиться права, или решить другие дела, требующие встречи с ним⁵⁵.

Двор определяется, прежде всего, через свою юридическую функцию: следуя принятой практике объяснять значения слов посредством предполагаемой этимологии, закон далее объясняет, что слово «двор» (*corte*) происходит как от латинского слова *cohors* с присущей ему военной коннотацией, так и от слова *curia*, то есть «место, где осуществляется забота (*cura*) обо всем, что происходит в стране, поскольку там обсуждается то, что должен иметь каждый в соответствии со своими правами и статусом»⁵⁶. Далее в тексте закона появляется смелая ассоциация между двором короля и мечом правосудия, причем последний действует не только в судебной сфере, но и определяет, какие поступки следует считать правильными в моральном смысле, поскольку с его помощью следует обрубать (*cortar*) все дурные деяния, совершенные как словом, так и действием, такие, как несправедливость, насилие и гордыня, которые допускают люди на словах и на деле, из-за чего проявляют себя наглými и дерзкими. А кроме того — шутки, и ложь, и надменные и пустые слова, которые ведут людей к одичанию и делают их подлыми⁵⁷.

Продолжая мысль о поддержании и укреплении справедливости, следующий закон сравнивает двор с морем, создавая еще одну красивую метафору, обогащающую юридический текст Альфонсо:

Древние мудрецы уподобляли королевский двор морю, поскольку, как и море, они долог, велик и окружает всю землю, и в нем водятся разные по своей природе рыбы; точно так же королевский двор должен обладать пространством для того, чтобы вме-

⁵⁴ Gonzalez Jimenez, 2004. P. 378.

⁵⁵ Part.II.9.27, пер. О.В. Аутова.

⁵⁶ Ibid., пер. О.В. Аутова.

⁵⁷ Ibid., пер. О.В. Аутова.

стить, и вынести, и сохранить все, что к нему прибывает, какой бы природы оно ни было, поскольку там должно разбирать великие тяжбы, и собирать великие советы, и раздавать великие дары. А потому двору необходимы великие размеры, и пространство, чтобы уметь перетерпеть раздражение, и жалобы, и непонимание со стороны тех, кто туда приходит, и эти чувства проявляются самым разным образом, и каждый хочет, чтобы дела рассматривались в его пользу. Поэтому, в силу перечисленного, необходимо, чтобы двор был протяженным, как море. Но помимо этого, есть другие вещи, на которые он должен быть похожим; ибо так, как те, кто путешествует по морю в хорошую погоду, люди должны двигаться правильно, и быть в безопасности с тем, с чем они явились, и заходить в тот порт, который хотят; точно так же двор, когда тяжбы там рассматриваются согласно праву, люди покидают безопасно и весело, расходясь по своим местам с тем, что они с собой принесли, и впредь никто не смеет им противоречить, и у них нет необходимости подавать апелляцию в другую инстанцию. А кроме того, у двора есть другое сходство с морем: как люди, путешествующие по нему, если они попадают в бурю, и не знают куда направляться и как продержаться, оказываются в опасности, из-за чего теряют свою земную жизнь и имущество, которое везут с собой, захлебнувшись и наглотавшись горькой морской воды; так же и те, кто являются ко двору по делам, не имеющим оснований, проигрывают свои тяжбы и захлебываются от того, чем пожелали владеть из-за своей жадности, а иногда — и умирают там в соответствии с нормами права, испив горечь правосудия суда за преступления, ими совершенные. Потому, прежде всего, король, который является главой двора, а также другие лица, которые находятся там для того, чтобы предоставлять ему совет и помощь в совершении правосудия, должны быть очень сдержанными, чтобы суметь слушать дела, не имеющие правовых оснований, и очень терпеливыми, чтобы не сорваться и не сдвинуться с места из-за высокомерных слов, которые произносятся присутствующими, ни из-за антипатии, ни в силу ненависти, которые возникают между людьми, поскольку они не расположены ни к королю, ни к людям, которые дают ему советы, если те не решают дела так, как им хочется. А поэтому те, кто находятся при дворе, должны быть в согласии и едины во мнении с королем, чтобы всегда советовать ему лучшее и сохранять и его, и самих себя от преступлений и противоправных действий.

И так же, как моряки в ночное время руководствуются средней линией между каменным диском и звездой, и он показывает им, куда следовать, как в плохие, так и в хорошие времена; точно так же те, кто должен давать советы королю, должны всегда руководствоваться справедливостью, которая есть среднее между Богом и миром на все времена, чтобы вознаграждать добродетельных и воздавать наказанием дурным, каждому в соответствии с тем, что он заслуживает⁵⁸.

Несмотря на особое внимание, уделявшееся отправлению правосудия, при дворе также находились официалы, как духовные, так и светские, которые трудились в других сферах управления, таких как канцелярия, а также официалы, выполнявшие военные функции, связанные с обороной и безопасностью королевства, и официалы, занимавшие должности более частного характера, например, придворный майордом, ответственный за «все относящееся к дому, столу, сокровищнице и личному достоянию монарха»⁵⁹.

Среди официалов судебной системы выделяются судьи, которые описываются как те, кто «не только разбирают тяжбы по делам, им направляемым, но также имеют власть судить других судей страны»⁶⁰. Первый закон четвертого титула Третьей Партиды определяет судей следующим образом: «Арбитры, которые исполняют свои обязанности как должно, по праву носят имя судей, то есть добрых людей, поставленных, чтобы указывать и вершить право»⁶¹. Ниже закон выделяет различные типы существующих судей, где «первые из них и самые почитаемые — те, кто судит при дворе короля, каковой есть глава всего королевства»⁶².

Королевский двор функционирует как высшая инстанция в правовой системе; над судьями королевского двора есть еще и некий «надсудья» или аделантадо, ответственный за принятие апелляций на вынесенные ими приговоры. Как заявляет закон Второй Партиды, определяющий функции аделантадо, «много раз подают королю апелляции люди, притесненные постановлениями, вынесенными против них придворными судьями, и иногда случается, что король, из-за спешки, не может выслушать их лично, но назначает вместо себя других лиц»⁶³. Следует отметить, что функция аделантадо — частично снять

⁵⁸ Part.II.9.28, пер. О.В. Аурова.

⁵⁹ Gonzalez Jimenez, 2004. P. 379.

⁶⁰ Part.II.9.18, пер. О.В. Аурова.

⁶¹ Part.III.4.1.

⁶² Ibid.

⁶³ Part.II.9.19, пер. О.В. Аурова.

с короля бремя вынесения приговоров. Подтверждение тому можно найти ниже в том же законе, где описывается, что аделантадо должен быть «высокого происхождения, и очень верным, и сведущим, и разумным», поскольку «доводить до совершенства постановления других судей и освободить короля от личного участия в рассмотрении серьезных дел»⁶⁴.

Однако существовали особые случаи, когда судить мог только король, и один из таких случаев описан в законе 6 четвертого титула Третьей Партиды, где отмечается, что если судья совершит преступление, за которого он заслуживает смерти или отсечения части тела, «следует схватить его и привести к королю; и также предоставить ему писаное обоснование, по которому тот заслуживает такого наказания. И в этом случае право вынести приговор принадлежит королю и никому более»⁶⁵.

Другой случай, когда король должен судить лично, касается обжалований, поданных вдовами, сиротами, стариками, очень бедными людьми (чье состояние в целом не достигает двадцати мараведи), или богатыми, впадшими в бедность. Если такие люди приходят ко двору, он должен судить их лично, поскольку «хотя король обязан оберегать всех людей своего королевства, особенно он должен делать это в отношении таких людей, потому что они более беззащитны, чем прочие»⁶⁶.

Обжалование приговоров должно было происходить в соответствии с иерархией судей в королевстве, «поднимаясь ступень за ступенью от младшего к старшему, не пропуская ни одной ступени»⁶⁷, за исключением случаев, когда апелляция подавалась королю напрямую: «Но если некто пожелает подать апелляцию сразу королю, минуя других судей, постановляем, что он волен это сделать»⁶⁸. В соответствии с этим король и «верховный аделантадо королевского двора» были единственными судьями, приговор которых нельзя было обжаловать, за исключением нескольких видов тяжб, перечисленных в титуле 23 той же Третьей Партиды. В отношении монарха приводятся две причины этого запрета:

Во-первых, поскольку они стоят выше всех по положению в том, что касается мирских дел. Во-вторых, потому что они любят справедливость и истину и всегда держат при своем дворе знатных прав; и поэтому всякий человек должен полагать, что их при-

⁶⁴ Ibid., пер. О.В. Аутова.

⁶⁵ Part.III.4.6.

⁶⁶ Part.III.23.20.

⁶⁷ Part.III.23.18.

⁶⁸ Ibid.

Миниатюра из «Книги игр» Альфонсо X

говоры праведны и достаточны. Но у них можно просить милости, если окажется, что в вынесенном решении нужно что-нибудь исправить или улучшить что-то; и если король почтет это за благо и сочтет справедливым, то пусть сделает так⁶⁹.

Что касается аделантадо, то в качестве причины, почему его приговор не может быть оспорен, указывается, что он занимает более высокое положение по сравнению со всеми прочими судьями королевства, за исключением короля, и кроме того, он как уже было сказано, замещает собой короля, что придает его решениям тот же ранг, что и у монарших⁷⁰.

В отношении апелляций «Королевское фуэро» устанавливает минимальную оспариваемую сумму, при которой можно представить дело королю, за исключением случаев, когда король и так оказался в местности, где должна рассматриваться тяжба: «Мы приказываем, чтобы никто не осмеливался обжаловать у короля решение судьи, если сумма иска не превышает десяти мавраведи или равняется им. Но если король окажется в городе или в его округе, то к нему можно обращаться за обжалованием решения как по крупному делу, так и по мелкому»⁷¹.

⁶⁹ Part.III.23.17.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ FReal.II.15.5.

В городах, в том, что касается деятельности придворных официалов, ответственность за решение тяжб лежала прежде всего на алькальдах. «Королевское фуэро», предназначенное для городов, предоставляет больше информации о деятельности алькальдов и устанавливает, что они должны быть выбраны королем или обеими сторонами, вовлеченными в тяжбу: «Никто пусть не осмелится разбирать тяжбы, если он не алькальд, назначенный королем, или если стороны не выбрали его к обоюдному согласию, чтобы рассудить их, или если король не уполномочил его своей хартией разобрать определенную тяжбу»⁷².

Закон 1 седьмого титула первой книги «Королевского фуэро» устанавливает, что, будучи избранными на этот пост, алькальды должны дать клятву в городском консехо, что будут защищать права короля, и народа, и всех тех, кто предстанет перед их судом. Самое интересное место в данном законе следующее: «А если случится тяжба, которую нельзя решить по этой книге, то пусть пошлют к королю, чтобы он провозгласил закон, по которому следует судить, и закон, данный королем, пусть включают в эту книгу»⁷³. И действительно, в издании «Королевского фуэро», подготовленном Королевской академией истории, присутствует приложение, куда помещены решения, принятые Мудрым королем по поводу сомнений, возникших у алькальдов в случаях, не предусмотренных законами этого фуэро. Эти решения включены в указанное издание в виде законов, и их объединяет общая формулировка: «на сказанное алькальдами... король приказывает, чтобы...»⁷⁴. Кроме того, в этом издании присутствуют также грамоты, составленные Альфонсо X в ответ на аналогичные вопросы алькальдов, но написанные от первого лица. В них король в большинстве случаев использует такие выражения: «по этому поводу я считаю правильным, чтобы...», «говорю вам, что...», «приказываю вам, чтобы...» и «в этом случае я нахожу разумным и согласным праву, чтобы...»⁷⁵, и более пространные формулировки, например: «посылаю вам ниже мои хартии и мое приказание, как вам поступить»⁷⁶ и «тогда я сделаю и почту за благо следующее»⁷⁷. Поскольку эти решения превращались в законы, роль верховного судьи королевства, которую играл король, легко включала в себя законотворческую деятельность.

⁷² FReal.I.7.1.

⁷³ FReal.I.7.1.

⁷⁴ Fuero Real del Rey Don Alonso el Sabio. Copiado del código del Escorial señalado ij.z.8 y cotejado con varios códigos de diferentes archivos por la Real Academia de la Historia. Valladolid, Lex Nova, 1979. P. 181–198.

⁷⁵ Ibid. P. 199–209.

⁷⁶ Ibid. P. 205.

⁷⁷ Ibid. P. 206.

Эта деятельность представляет собой новшество в реформах юридической системы, предпринятых Альфонсо X, о чем пойдет речь ниже.

Сочетание короля, королевства и официалов описывается в Партидах помимо упомянутой метафоры тела еще и метафорой сада, которая призвана охарактеризовать функционирование королевства в конкретной плоскости отправления правосудия, а также демонстрирует необходимость законодательной деятельности короля:

Королевство подобно саду, а народ — деревьям в нем, а король — его хозяину, а официалы короля (которые должны судить и помогать ему вершить правосудие) подобны работникам; магнаты и рыцари подобны наемникам, охраняющим его; а законы, и фуэро, и права похожи на вал, окружающий его; а судьи и юстициарии — на стены и заборы, оберегающие его, чтобы никто не вошел бы туда с тем, чтобы нанести ему урон. И также по этому поводу сказал [Аристотель], что король должен действовать прежде всего в своем королевстве, воздавая добром каждому по заслугам его. И это подобно воде, которая позволяет всему расти; и он выводит вперед добрых людей, оказывая им блага и почести, и обрубает зло в королевстве мечом правосудия, и искореняет преступников, изгоняя их со своей земли, чтобы они не наносили ей вреда. И чтобы исполнить все это, ему нужны такие официалы, которые разбираются в праве и умеют судить. И также он должен держать в готовности рыцарей и других вооруженных людей и охранять королевство, чтобы оно не потерпело ущерба от злодеев ни изнутри, ни снаружи, то есть от врагов. И он должен даровать очень хорошие законы и фуэро, чтобы ими руководствовались и жили по праву и не хотели бы преступать их ни в чем. И прежде всего он должен поддерживать справедливость и истину, и заставить придерживаться их так, чтобы никто не осмеливался преступать их⁷⁸.

Состав королевского двора иногда расширялся, особенно когда возникали очень важные вопросы, требующие принятия решения, и королю приходилось обращаться за советом к представителям церкви, знати и городов. Такими ассамблеями были знаменитые кортесы — представительные органы, характерные в период позднего Средневековья не только для королевств, подчиненных кастильской короне, но присутствовавшие в XIII в. в

⁷⁸ Part.II.10.3.

большинстве западных королевств, хотя в каждом регионе они имели свои особенности⁷⁹.

О'Кэллэкен упоминает различные типы кастильских ассамблей, на которых собирались представители только одного из трех основных сословий, например, только клирики или только представители городов определенных регионов (так называемые *ayuntamiento*)⁸⁰. Однако этот автор на основании многочисленных документов утверждает, что только когда ассамблея приобретала пленарный характер, то есть собирала представителей всех трех групп, можно называть ее термином «кортесы». Кроме того, для получения этим собранием статуса кортесов необходимо было выполнение еще одного условия — чтобы эту ассамблею созвал лично король.

Основной функцией королевского двора, а следовательно и кортесов тоже, было давать монарху советы по широкому кругу вопросов. Согласно О'Кэллэкену, помимо роли двора как места, где король раздавал дарения церквям, монастырям и частным лицам, он действовал также и как судебное заседание. В качестве истца часто выступали города, как правило, в спорах о границах городских округов. Также при дворе слушались тяжбы о собственности между клириками и мирянами, и также там могли выноситься решения против знатных лиц по обвинениям в предательстве или в небрежности, проявленной в управлении⁸¹.

Альфонсо X созывал кортесы во время своего царствования чаще, чем любой из предшествовавших ему королей Кастилии: всего за 32 года его правления состоялось 24 собрания общих и региональных кортесов⁸². О'Кэллэкен связывает большое число кортесов, созывавшихся в среднем каждые два года, в числе прочих факторов с потребностью Мудрого короля добиваться согласия на частые повышения податей, поскольку ему необходимо было пополнять фонды для финансирования больших проектов, таких как *крестовый поход в Африку* или *борьба за имперскую корону*⁸³.

Официальные документы эпохи Альфонсо X позволяют современному историку определить, в каких ситуациях король выступал в качестве судьи в

⁷⁹ Guenée B. Occidente durante los siglos XIV y XV: los Estados. Barcelona, Labor, 1973. P. 180–196.

⁸⁰ O'Callaghan J.F. The Cortes of Castile-León 1188–1350. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1989.

⁸¹ Ibid P. 13–14.

⁸² Ibid. P. 20–26; Gonzalez Jimenes, 2004. P. 387–392.

⁸³ Словосочетанием «борьба за имперскую корону», в данном случае, переводится кастильская идиома *fecho del imperio*, которой обычно обозначается вся активность Альфонсо X, связанная с попыткой добиться короны императора Священной Римской империи. — Прим. ред.

Король Санчо III.
Портрет работы
Х. М. Родригеса
де Лосада.
XIX в.

самом широком смысле, принимая необходимые административные решения и обеспечивая их выполнение посредством письменного приказа⁸⁴. Однако поиски идеального образа *rex iudex*, как его видел Альфонсо X, следует предпринимать иным образом, имея в виду, что в центре этого исследования должны стоять образы королевской власти — то, как представлен король во всех его сочинениях.

Кроме текстов юридического характера, которые естественным образом представляют собой основной источник для изучения образа *rex iustus* и его производных, о тесной связи между королевской властью и справедливостью свидетельствуют и другие тексты, созданные в скриптории Мудрого короля.

В «Первой всеобщей хронике» описываются качества различных правителей, и распространенным мотивом является указание на аспекты, связанные с отправлением правосудия. Обычно речь идет о фигуре *rex iustus* вообще, без особых подробностей, как в случае с кастильским графом Гарсией Фернандесом (970–994), который описывается, как «человек весьма добрый, и весьма уважающий право, и весьма справедливый, и прекрасный рыцарь»⁸⁵, или с его

⁸⁴ González Jimenez M., Carmona Ruiz M.A. Documentación e itinerario de Alfonso X el Sabio. Sevilla, Universidad de Sevilla, 2012.

⁸⁵ PCG, II, cap. 729 P. 426.

сыном Санчо Гарсией (994–1017), которого описывают как «благочестивого, разумного и чтущего право, весьма проникательного и отважного, и весьма достойного»⁸⁶. О короле Фернандо I (1035–1065) тоже сказано, что он «был человеком, уважающим право»⁸⁷, а об Альфонсо VII (1109–1157) — «он был властителем весьма справедливым»⁸⁸.

Однако другие характеристики справедливости некоторых королей можно истолковывать как намек на то, что они исполняли роль судьи, например, рассказы о том, что они объезжали королевство, «верша справедливость». О Санчо III (1157–1158) хроника рассказывает, что он «ездил по королевству и укреплял свою власть, верша правосудие там, где была необходимость, ибо он был весьма справедливым, и весьма благоразумным, и весьма добросердечным, и весьма сильным, и весьма сдержанным, и весьма верным, и весьма правдивым и жизнерадостным»⁸⁹. Замечания такого рода изобилуют в рассказе о царствовании Фернандо III (1217–1252), например:

Когда король дон Фернандо был в королевстве Леона, ездя по нему и верша правосудие и укрепляя королевство, ему понадобилось заехать в город Бенавенте⁹⁰.

И после того, как король дон Фернандо, который пребывал в Бургосе в болезни [...], почувствовал себя исцелившимся, он отбыл из Бургоса и отправился по королевству, везде верша великое правосудие, и наставляя свое королевство, и укрепляя его, в чем была большая необходимость⁹¹.

Наконец, в хронике есть и явные указания на то, что монархи вершат суд, как, например, в следующей фразе, которую Сид обратил королю Альфонсо VI (1072–1109): «Сеньор, вы рассудили, как справедливый король и сеньор по рождению и я принимаю ваш приговор»⁹²; а также прямые упоминания *rex iudex*, например, в связи с качествами Санчо III:

Он был щитом знати, и отцом бедных и сирых, и другом клириков и монашествующих, и защитником малолетних сирот, и

⁸⁶ PCG, cap. 764. P. 453.

⁸⁷ PCG, cap. 802. P. 483.

⁸⁸ PCG, cap. 980. P. 659.

⁸⁹ Ibid., cap. 985. P. 664.

⁹⁰ PCG, cap. 1046. P. 729.

⁹¹ PCG, cap. 1061. P. 742.

⁹² PCG, cap. 943. P. 622.

*справедливым судьей всем, каждому по-своему; и поскольку он был добр и милостив ко всем, то все его очень любили*⁹³.

В «Кантигах Святой Деве Марии» атрибуты, касающиеся справедливости, очень часто приписываются Богу-Отцу, Христу и Деве Марии, что объясняется самим характером этого произведения. Так, Бога-Отца именуют «справедливым»⁹⁴, так же как и Христа, что видно в выражениях «Мать Справедливого»⁹⁵ и «Мать Царя справедливого»⁹⁶, относящихся к Деве, тогда как ее саму называют «Богоматерью благочестивой, святой и весьма справедливой»⁹⁷, а также «справедливой [...] Матерью Бога Иисуса Христа»⁹⁸. Также применительно к ней в кантиге 213 утверждается, что «все, кого судили несправедливо, идут к ней за утешением, / ибо во всех своих поступках она всегда чтит право»⁹⁹; а кантига 392, рассказав о чуде, сообщает: «Когда слышали об этом люди, то воздали хвалу справедливому / Иисусу Христу и Матери Его, сеньорам, чтущим право»¹⁰⁰. Христос и Бог-Отец также принимают на себя функцию судей¹⁰¹; многократно встречаются и упоминания о Страшном суде¹⁰². Кроме того, один из самых частотных эпитетов Девы во всех поэтических произведениях — это «заступница»¹⁰³ всех людей, то есть та, кто вступает за них перед Богом — высшим Судией.

Однако в некоторых кантигах можно найти аллюзии и на административную деятельность Альфонсо X. В этом отношении выделяется цикл из двадцати четырех кантиг, посвященных основанию и заселению Пуэрто де Санта Мария — местечка, стратегически расположенного между Средиземным морем и Атлантическим океаном неподалеку от устьев Гвадалквивира и Гвадалете¹⁰⁴. Например, в кантиге 379 упоминается огромное количество

⁹³ PCG, cap. 985. P. 664.

⁹⁴ Mettmann W. (ed.). Cantigas de Santa Maria. Coimbra, Universidade de Coimbra, 1959 (далее CSM). Здесь, CSM 45, v. 57.

⁹⁵ CSM 175, v. 85.

⁹⁶ CSM 379, v. 52; CSM 193, v. 6.

⁹⁷ CSM 302, v. 26.

⁹⁸ CSM 213, v. 59–61.

⁹⁹ Ibid. v. 43–44.

¹⁰⁰ CSM 392, v. 50–51.

¹⁰¹ CSM 70, v. 20–21; CSM 72, v. 53. Также в кантиге 26 Дева Мария именуется «Матерью Того, Кому надлежит судить весь мир». CSM 26, v. 5.

¹⁰² В качестве примера можно указать на кантиги: CSM 48, v. 8; CSM 401, v. 7.

¹⁰³ Приведем лишь один пример, хотя таких случаев множество: «и потому она должна помогать нам, что она наша заступница». CSM 1, v. 81–82.

¹⁰⁴ Речь идет о кантигах № 328, 356, 357, 358, 359, 364, 366, 367, 368, 371, 372, 375, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 385, 389, 391, 392, 393 и 398. Об этом поэтическом цикле и о

торговцев из самых разных краев, которые прибывают туда, привлеченные привилегиями, которые предоставил король¹⁰⁵.

Есть кантиги, в которых образ *rex iustus* прослеживается довольно четко, например в кантиге 382. Она посвящена одному магнату, который настойчиво требовал у Альфонсо X, чтобы тот отдал ему некую собственность, но это было негодно королю¹⁰⁶, поскольку участки, которых требовал этот человек, уже были дарованы другому и их нельзя было забрать «не причинив ущерба, не совершив греха»¹⁰⁷. По этой причине тяжба все больше затягивалась, что тревожило и самого короля, «поскольку он вырастил его и был его сеньором по рождению»¹⁰⁸.

Решение этой проблемы было найдено благодаря смешению двух важных элементов — религиозного и правового. Истец взмолился Деве, чтобы «она изменила волю короля»¹⁰⁹, а король обратился за советом к брату, инфанту Мануэлю, и в конце концов принял именно такое решение, о котором истец просил Богоматерь. Тогда он вознес благодарность Деве Марии за то, что она направила королевскую волю. Еще более прозрачное описание *rex iustus* содержится в кантиге 401, называемой «*прошением*», когда король-трубадур включает в список своих просьб, обращенных к Деве Марии, следующую фразу: «чтобы я мог держать в справедливости моих людей»¹¹⁰.

Кантига № 386, одна из наиболее интересных с точки зрения исполнения королем административной функции, рассказывает о чуде, которое, по мнению О'Кэллэхена, произошло на кортесах, состоявшихся в Севилье в 1281 г.¹¹¹ Начиная с третьей строфы мы находим подробнейшее описание того, как происходила ассамблея. После битвы с маврами в Гранаде король Альфонсо X

[...] пришел затем в Севилью,
и приказал созвать там кортесы, и от Толедо

важности данного региона для Альфонсо X см.: O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria — a poetic biography. Leiden, Brill, 1998, особенно глава 9; Snow J.T. Alfonso X, cronista lírico de El Puerto de Santa María. Alcanate, 1 (1988–1999). P. 29–41; Gonzalez Jimenez M. El Puerto de Santa María en tiempos de Alfonso X el Sabio // Jimenez A., Montoya J., Tejada J.L. (eds.). Nuestros orígenes históricos como El Puerto de Santa María. El Puerto de Santa María, Ayuntamiento de El Puerto de Santa María, 1989. P. 10–32.

¹⁰⁵ CSM 379.

¹⁰⁶ CSM 382, v. 17.

¹⁰⁷ Ibid., v. 18–19.

¹⁰⁸ Ibid., v. 37.

¹⁰⁹ Ibid., v. 47.

¹¹⁰ CSM 401, v. 39.

¹¹¹ O'Callaghan. 1989. P. 60–62; Idem. 1998. P. 166–171.

до Сантьяго и дальше до Арнедо
 не было никого, кто бы не пришел, чтобы избежать его гнева.
 И когда все прибыли туда и король сказал им,
 зачем он заставил их прийти словом и грамотой,
 все согласились с ним, сказав: «Да будет проклят
 тот, кто поступит вопреки тому, что вы велите, ибо никогда
 Люди не поступали столь во благо себе, как поступаем мы,
 исполняя ваш приказ [...]»
 И когда они сказали это, король был доволен ими
 и затем он даровал им все, о чем они просили
 во всех их справедливых ходатайствах;
 ибо странно просить сеньора без оснований¹¹².

В тексте стихотворения нашел отражение пленарный характер Севильских кортесов, поскольку там упоминается, что призванные прибыли из самых разных мест. Также там рассказывается о том, как же происходило это событие. Во-первых, король произносит своего рода «речь, посвященную открытию», объясняя, почему он созвал эту ассамблею «словом и грамотой». Далее король выдвигает свои просьбы, ассамблея их удовлетворяет или нет и сообщает о своем решении монарху. После этого участники собрания, в свою очередь, подают королю собственные прошения, и он тоже может удовлетворить их или не удовлетворить, в зависимости от изложенного, о чем говорится в стихотворении¹¹³. В следующих строфах кантиги упоминается закрытие сессии, которое сопровождается большим пиром, устроенным королем, и именно там Дева Мария совершает чудо, в честь которого и написана кантига.

Как уже говорилось в контексте обсуждения кортесов, в этих случаях мы наблюдаем короля-судью (*rex iudex*) непосредственно в действии, хотя и не в сугубо юридическом смысле, поскольку подобные собрания являли собой возможность, прежде всего, для городов, послать туда своих представителей для того, чтобы довести до сведения короля свои заботы¹¹⁴.

Другой интересный вопрос, поставленный в кантиге 386, касается того факта, что созданные на кортесы не осмеливаются не явиться, чтобы не навлечь на себя последствия королевского гнева. Хильда Грассотти в глубоком и прекрасно документированном исследовании о королевском гневе в Ка-

¹¹² CSM 386, v. 15–26 y 30–33.

¹¹³ Несмотря на то что эти элементы были общими для всех кортесов, такая последовательность не обязательно соблюдалась; могли возникнуть и дебаты в случае разногласий по тому или иному поводу. О порядке проведения кортесов см.: O'Callighan. 1989, гл. 4.

¹¹⁴ Ibid. P. 58.

стилии и Леоне¹¹⁵ показала, насколько древним является этот юридический феномен, и отметила, что в XIII в. он уже допускал целый ряд существенных модификаций, хотя все еще можно найти в документах из канцелярии Альфонсо X фразы, подобные следующей: «И мы приказываем и повелеваем, чтобы никто не осмеливался ни выступать против этого нашего дарения, ни противоречить ему; а тот, кто поступит так, будет отлучен и навлечет на себя гнев Божий и наш, и попадет в ад вместе с предателем Иудой»¹¹⁶. Ослушаться королевского приказа означало навлечь на себя монарший гнев и считалось действием, аналогичным государственной измене или *laesae maiestatis*.

Касаясь вопроса о повиновении королевским приказам, стоит также отметить первый закон четвертого титула первой книги «Королевского фуэро», где устанавливается наказание для «всякого человека, которого позовут королевским приказом, чтобы он предстал перед королем или сделал еще что-нибудь, а он ослушается этого приказа и не пожелает прийти или не пожелает исполнить этот приказ»¹¹⁷, если только он не сможет оправдаться крайне уважительной причиной, например болезнью, пленением, ненастьем и т. п.

Привлекает внимание заключительная часть закона, где сказано, что «это не касается тех, кто был призван в суд своим противником: ибо если они не придут и не исполнят приказание, то понесут наказание, назначенное тем, кто не исполняет приказов судьи»¹¹⁸. Из этого совершенно ясно, что ослушаться сеньора по рождению — это совсем не то же самое, что ослушаться *rex iudex* в строго юридическом смысле этого термина, и наказания в каждом случае будут различаться.

3. *Rex legislator*

В обширном корпусе текстов, разработанных под руководством Альфонсо X, многочисленные произведения законодательного характера выделяются не только внушительным объемом, но и, прежде всего, новаторским характером. Мудрый король, разумеется, не был первым средневековым королем, который присвоил себе право творить законы — этот аспект характерен для боль-

¹¹⁵ Grassotti H. La ira regia en León y Castilla. Cuadernos de Historia de España, XLI–XLII (Buenos Aires, 1965). P. 5–135.

¹¹⁶ García Luján J.A. (ed.). Privilegios reales de la catedral de Toledo (1086–1462): formación del patrimonio de la S.I.C.P. a través de las donaciones reales. Granada, J.A. García Luján, 1982, doc. 74 (21 февраля 1253 г.).

¹¹⁷ FR I.4.1.

¹¹⁸ Ibid.

шей части западных монархий XIII столетия, в том числе на Пиренейском полуострове¹¹⁹. Однако, как показывают эти источники, инициативы Альфонсо X представляли собой большой шаг вперед к модерному государству или, по крайней мере, соответствующую попытку, хотя его план юридической реформы и централизации власти не получил успешной реализации и был заблокирован консерватизмом знати.

В течение большей части средневековой эпохи невозможно было предположить, что королевская функция поддержания справедливости может быть также сопряжена с законотворческой деятельностью, поскольку это предполагало вмешательство в предустановленный божественный порядок, который король, будучи представителем Бога на земле, обязан был поддерживать¹²⁰. Марта Мадеро, анализируя формы, принимаемые справедливостью, в юридических сочинениях Мудрого короля, обращает внимание на другой ее аспект — онтологический, который предшествует моральному и юридическому, уже освещенным во втором разделе данной статьи. Справедливость в первую очередь воспринимается как порядок, установленный Богом во время творения, «поскольку Бог пожелал, чтобы все вещи пребывали в идеальном порядке»¹²¹, и это можно понять из пролога к Третьей Партиде:

Наш Господь Бог в великой мудрости своей сотворил все вещи весьма сложными, и, после того как они были сотворены, Он поддерживал каждую в ее состоянии. Этим Он явил, сколь велики Его благость и справедливость, и каким образом ее следует поддерживать тем, кто должен делать это на земле¹²².

Аналогичное определение справедливости — «воздавать каждому его право», — дополненное выражением «согласно его статусу или заслугам», очень часто встречается в Партидах¹²³ и отражает божественный порядок и стабильность, характерную для традиционных обществ. Как явствует из пролога к Партидам, люди не могли бы сделать всех вещей, необходимых для того, чтобы жить в добре и мире, и описанных в этой книге, «если бы каждый, согласно своему положению, не знал, как ему подобает в нем поступать и чего

¹¹⁹ См. пример графов Барселонских, рассмотренный в кн.: *Maravall*, 1983a. P. 114.

¹²⁰ *Weckmann L.* El pensamiento político medieval y los orígenes del derecho internacional. Ciudad de México, Fondo de Cultura Económica, 1993. P. 74–80.

¹²¹ *Madero.* 1996. P. 452.

¹²² Part.III.prólogo.

¹²³ См. напр.: Prooem., Part.I.1.2–3, 7, 10 и 16; Part.II.1.5, 7 и 9; Part.II.2.1–2; Part.II.5.8; Part.II.9.18, 27 и 28; Part.II.10.3; Part.III.1.1–3.

ему надобно беречься. И также о положении других вещей, которым нужно повиноваться»¹²⁴. Каждый получает те права, которые ему принадлежат в соответствии с положением или статусом, которые он занимает в обществе, и он должен быть доволен порядком вещей. Так, справедливость — «это добродетель, которой поддерживается мир, поскольку она дает каждому жить в мире, согласно его состоянию, на свой вкус и чувствовать себя довольным тем, что имеет»¹²⁵. О статичности, характерной для средневекового общества, Мараваль утверждает: «с точки зрения традиционного общества, мудрость не изобретается, а получается; экономическое производство также ориентируется исключительно на удовлетворение уже имеющихся потребностей; наконец, право не создается, а признается. Статичному обществу соответствуют не менее статичные формы науки, экономики и права»¹²⁶.

Юридические сочинения Альфонсо X не опровергают этой традиционной консервативной концепции божественно предустановленного мира, но в то же время они отражают новую форму мышления, характерную для предбуржуазного общества той эпохи¹²⁷. Разумеется, перемены в обществе сформировали необходимость в создании новых законов и породили определенный конфликт между старым и новым правом. Позиция Альфонсо по этому вопросу тяготеет к реформе древних законов, и ее можно понять, взяв в качестве примера следующий фрагмент из Первой Партиды, где идет речь о новых законах, которые могут быть добавлены в книгу:

И законы, заново созданные и добавленные подобным образом, имеют такую же силу, как и прежние, или даже бóльшую, поскольку более ранние законы люди уже использовали столько времени, что они как бы устарели и вызывают недовольство из-за ежедневного использования, а также потому, что от природы люди страстно желают видеть, и слышать, и знать новые вещи¹²⁸.

Конфликт между традицией и новаторством в данном случае разрешается словами, которые, по удачному выражению Маравалья, «кажутся дерзким и совершенно несвоевременным заявлением эпохи Ренессанса»¹²⁹.

¹²⁴ Part.Prooem.

¹²⁵ Part.III.1.2.

¹²⁶ Maravall. 1983a. P. 118.

¹²⁷ Ibid. P. 118–119.

¹²⁸ Part.I.1.19.

¹²⁹ Maravall. 1983a. P. 119.

Король Альфонсо VII.
Миниатюра XII в.

Предпочтение новым законам служит одним из оправданий реформы Альфонсо, который стремился заменить старые местные фуэро королевским законодательством. Другой мотив для составления Партид приведен в Прологе к этому сочинению: королю необходимо знать право, чтобы хорошо выполнять свою задачу по «поддержанию народа в справедливости и мире»¹³⁰. Кроме того, как в «Королевском фуэро», так и в Партидах указывается на необходимость объединить «сердца людей»¹³¹ или «людские рассудки»¹³², которые «разъединены» по отношению к фуэро. Эта инициатива Альфонсо, обоснованная таким образом, представляет собой пример конфликта между *iura propria* и *ius commune*, и на этом основании Х.М. Перес-Прендес считает «Семь Партид» «одним из лучших обобщений *ius commune* в собственном смысле слова»¹³³. В соответствии с определением этого автора, общее право представляет собой «особую амальгаму юридических постановлений, канонического права, римского права эпохи Юстиниана, феодального и торгового права, которая воспринимается не просто как сочетание, а как желательная интеграция (не всегда достижимая) всех вышеперечисленных форм, полученная на основании общего критерия христианства (принципиально важного для мировоззрения эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени)»¹³⁴.

¹³⁰ Part.Prooem.

¹³¹ FR, Prólogo.

¹³² Part.Prooem.

¹³³ Perez-Prendes J.M. Instituciones Medievales. Madrid, Síntesis. 1997. P. 40.

¹³⁴ Ibid.. P. 38.

Аналогичное определение содержится в Первой Партиде, в законе, который определяет *ius naturale* и *ius gentium* следующим образом:

Ius naturale по-латыни означает на романсе естественное право, которое от природы есть во всех людях и также в прочих животных, имеющих способность чувствовать. Ведь согласно побуждению этого права мужчина соединяется с женщиной, что мы называем браком, и по нему же люди и прочие животные воспитывают своих детей. Также *ius gentium* по-латыни означает то же, что и право, *общее для всех народов*, подобающее людям, а не прочим животным. [...] Из постановлений двух вышеназванных видов права и из других важных источников знания Мы собрали и объединили все законы этой Нашей книги, согласно тому, как нашли их записанными в книгах древних мудрецов, *помещая каждый закон на его место, соответственно установленному Нами порядку*¹³⁵.

Компиляции общего права, которые считаются одним из важнейших признаков окончания Средних веков в юридической сфере, знаменуют собой переход к Новому времени¹³⁶. Как ясно из определения Переса-Прендеса и из того же закона Альфонсо X, одной из характеристик общего права является его компилятивность, которая происходит от сознательного отбора и перераспределения законов и постановлений различной природы с целью создания нового правового кодекса. В случае Мудрого короля эта задача выражена в его собственном желании предстать в образе составителя своих законодательных текстов. Так, важнейшим изменением, появившимся в юридическом творчестве Альфонсо X, была идея о том, что король имеет право создавать законы в королевстве, сеньором которого он является. Ряд юридических принципов, почерпнутых, по большей части, из римского права и вновь получивших распространение в Европе той эпохи, появляются в текстах Альфонсо, выполняя как функцию легитимации королевской прерогативы творить законы, так и функцию ограничения этой власти, о чем пойдет речь ниже.

3.1. *Rex imperator in regno suo est*

В своей типологии образов, утверждающих королевскую власть в Кастилии периода позднего Средневековья, Х.М. Ньето Сория выделяет группу образов юридических, а среди них — те, которые подчеркивают верховное положение

¹³⁵ Part.I.1.2. Курсив наш.

¹³⁶ Perez-Prendes. 1997. P. 38–41.

короля по отношению к другим мирским властям королевства. Автор называет эту группу «образами превосходства»¹³⁷. Юридический принцип, утверждающий, что король — это император в своем королевстве, оправдывает эти образы в той мере, в которой он отрицает всякую власть, стоящую над королем в мирской сфере (*et superiorem in temporalibus non recognoscit*).

Во Второй Партиде содержится известный фрагмент, который почти дословно повторяет эту формулировку: «Короли — это наместники Бога, каждый в своем королевстве. Они поставлены над народами, чтобы сохранять их на этом свете в правосудии и в истине, так же, как и император в своей империи»¹³⁸. Такое же представление в слегка измененном виде можно найти и в «Королевском фуэро», где описывается различие между духовной и мирской властью и подчеркивается королевская автономия во всем, что касается мирских дел: «Ведь как Папа обладает полной властью в духовных делах, так и король в мирских»¹³⁹.

Теория о превосходстве короля в политической мысли эпохи Альфонсо неоднократно становилась объектом исследований, отправной точкой которых нередко становилась фраза из «Зерцала», которую цитировали исследователи творчества Альфонсо X: «Милостью Божьей нет над Нами никого в мирской сфере»¹⁴⁰. Эта идея впоследствии повторена в Партидах — и мы уже приводили соответствующую цитату в разделе 3 — в законе, который объясняет, что нельзя обжаловать приговоры, вынесенные королем, «поскольку короли не имеют над собой никого в мирских делах»¹⁴¹.

Идея суверенитета, встречающаяся в зачаточном состоянии в текстах Альфонсо X, выражается в них через термины «старший» и «старшина». По мнению О'Кэллэхена, понятие «старшинства» (*mayoría*) соответствует по значению термину «величие» (*maiestas*)¹⁴² и «означает, что король выше всех не только по «власти» (*potestas*), но и по авторитету (*auctoritas*)»¹⁴³. В действительности, полнота власти (*plenitudo potestatis*), на которую претендовал Альфонсо X, не превратила его в абсолютного монарха, но уравнивала полномочия короля с полномочиями императора, исключив любой вид подчинения пер-

¹³⁷ Nieto Soria J.M. Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII–XVI). Madrid, Eudema. 1988. P. 111–134.

¹³⁸ Part.II.1.5.

¹³⁹ FR III.6.18.

¹⁴⁰ Martínez Díez G. Leyes de Alfonso X: I. Espéculo. Ávila, Fundación Sánchez Albornoz. 1985, I.13.

¹⁴¹ Part.III.23.17.

¹⁴² O'Calladban. 1999. P. 49.

¹⁴³ Maravall. 1983a. P. 108.

вого второму и даже Папе, хотя последний тоже считал себя «высшим в мирских делах». Как пишет Мараваль, «в творчестве Альфонсо X нет ни единого прямого упоминания или намека на якобы верховную *auctoritas* Папы или императора в мирских делах. А та *auctoritas*, которого он требует для королей, подразумевает не только автономию и полноту власти, но и эффективное и нормативное превосходство¹⁴⁴.

Выражение «милостью Божьей» в приведенной цитате из «Зерцала» позволяет заметить представление, пронизывающее все творчество Альфонсо — о том, что король получает власть непосредственно от Бога, которого представляет на земле, не нуждаясь в согласии императора или посредничестве со стороны Церкви¹⁴⁵. Как совершенно недвусмысленно сказано о короле в «Королевском фуэро», «свою власть он имеет не от людей, а от Бога, чье место он занимает во всех мирских делах»¹⁴⁶.

Другим характерным элементом политического мышления Альфонсо X является идея о том, что король не только считается равным императору, но его власть на самом деле еще выше или еще легитимнее, поскольку императора выбирают люди, а король получает трон по праву наследования. Это представление становится понятнее, если иметь в виду, что в текстах Мудрого короля постоянно повторяется мысль о том, что Бог избрал его для царствования, поскольку хотел, чтобы он родился в роду королей и был первым сыном, то есть — наследником¹⁴⁷.

Среди полномочий императора — разделяемых и королем — есть и законотворчество. Так, хотя Вторая Партида устанавливает равенство между императором в империи и королем в королевстве, в Первой Партиде сказано:

Император или король могут создавать законы для людей своей сеньории. Более никто не имеет власти это делать в мирской сфере, если только это будет делаться с позволения одного из них. То же, что будет сделано иным образом, не имеет ни имени, ни силы законов и не должно действовать никогда¹⁴⁸.

Аналогичным образом только тот, кто творит законы, может исправлять их или разъяснять сомнительные места, то есть законодатель сам является толкователем законов:

¹⁴⁴ Ibid.. P. 109.

¹⁴⁵ Kleine. 2014.

¹⁴⁶ FR IV.21.5.

¹⁴⁷ Kleine. 2014.

¹⁴⁸ Part.I.1.12.

Король Альфонсо VI. Миниатюра XII в.

В случае если законы будут порождать сомнения из-за ошибки в письме либо из-за плохого разумения того, кто будет их читать, их следует полностью прояснить и добиться понимания их истинного смысла. Это не может быть сделано никем, кроме как тем, кто их составил или кем-либо иным, занимающим его место, у кого будет власть творить новые законы и соблюдать уже созданные¹⁴⁹.

При анализе упомянутого выше конфликта между старыми фуэро и новыми законами, провозглашенными королем, бросается в глаза также необходимость исключительности в применении этих законов¹⁵⁰, которая подчеркивает превосходство монарха.

Исходя из этой посылки, Первая Партида указывает, что «все принадлежащие к сеньории творца законов, для которой он их издал, обязаны повиноваться им, и соблюдать их, и судиться по ним, а не по каким-либо другим записям иных законов, изданных каким бы то ни было образом. А тот, кто

¹⁴⁹ Part.I.1.14.

¹⁵⁰ Craddock J.R. The legislative works of Alfonso X el Sabio / Burns R.I. (ed.) Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1990. P. 182–197.

творит законы, обязан заставляя исполнять их»¹⁵¹. Также и Третья Партида, рассуждая о том, как судьям надлежит судить, устанавливает, что «тяжбы, которые возникнут между ними, пусть судят хорошо и верно, самым лучшим и быстрым из известных им способов; по законам этой книги, а не по другим»¹⁵².

«Королевское фуэро», специально разработанное, чтобы прийти на смену разнообразию муниципальных фуэро и объединить закон под властью короля¹⁵³, высказывает ту же мысль, но добавляет еще и наказание для ослушников:

Мы охотно допускаем и желаем, чтобы всякий человек знал другие законы, чтобы люди были более сведущими и мудрыми, но Мы не желаем, чтобы кто-либо судился или разбирал тяжбы по ним. Пусть все тяжбы решаются по законам этой книги, которую Мы даем Нашему народу и повелеваем соблюдать. И если кто-либо принесет книгу других законов на суд, чтобы судить или разбирать тяжбы по ней, пусть заплатит 500 суэльдо королю; но если кто-либо будет ссылаться на законы, совпадающие с законами этой книги и подкрепляющими их, то он волен делать так и не понесет никакого наказания¹⁵⁴.

Итак, король не только был верховным судьей и представлял собой высшую юридическую инстанцию в королевстве, но он же был и «сеньором и главой всех жителей королевства»¹⁵⁵, обладавшим монополией на законотворчество, что неизбежно предполагало исключительное использование созданных им законов, поскольку никакая иная норма не имела силы закона, если не была порождена волей правителя.

3.2. *Quod principi placuit legis habet vigorem*

Юридический принцип, который гласит, что «то, что угодно королю, имеет силу закона», ассоциируется с социально-политическими трансформациями, начавшимися в XI–XII вв., но особенно типичными для XIII столетия, и ха-

¹⁵¹ Part.1.1.15.

¹⁵² P.III.4.6.

¹⁵³ O'Callaghan J.F. Sobre la promulgación del Espéculo y del Fuero Real. En Estudios en Homenaje a don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 años. Anexos de Cuadernos de Historia de España, III (Buenos Aires, 1995). P. 167–179.

¹⁵⁴ FR I.6.5.

¹⁵⁵ P.II.1.5.

рактизует корпоративную политическую мысль в отличие от феодальной. Как отмечает Мараваль, «король до такой степени присваивает законотворческую функцию, что не может быть законом то, что не является декларацией его воли»¹⁵⁶.

Королевская прерогатива законотворчества, основанная на принципе превосходства монарха в мирской власти, предполагала превалирование писаного права, порожденного королевской волей, над обычным правом, что ясно видно в законодательных текстах Альфонсо X. Соглашаясь с Маравалем, следует подчеркнуть, что «обычное право соответствует статичному обществу, которое не намерено трансформироваться, тогда как право, основанное на законодательстве, по справедливому замечанию Гарсии Пелайо, соответствует изменчивому обществу, которое считается с возможностью реформ»¹⁵⁷.

В этом контексте трансформаций следует истолковывать фрагмент из «Первой всеобщей хроники», который наглядно демонстрирует мысль о том, что сила законов базируется, прежде всего, на приказах монарха и принципе обязательности. Хроника — воспроизводя сюжет, содержащийся еще в повествовании Родриго Хименеса де Рады¹⁵⁸ — рассказывает о том, как король Альфонсо VI (1072–1109) решил принять римский литургический обряд, заменив им мосарабский, против воли клира и «всего народа Испании». В первую очередь он устроил поединок между двумя рыцарями, каждый из которых представлял один из обрядов, и мосарабский обряд вышел победителем. Несмотря на это король постановил, что «поединок этих двоих был несправедлив», и повелел развести костер, куда бросили книги, содержавшие тексты обеих литургий. И вновь книга «толедского обряда» осталась невредима, но король дон Альфонсо был упрям и доводил до конца начатое, и воля его была такова, что люди не могли помешать ему, и даже испуг от произошедшего чуда не тронул его, и он не пожелал отказаться от желаемого. Но пригрозив смертью всем, кто возражал, сказав одним, что казнит их, а другим — что изгонит их из своего королевства, он приказал взять французский обряд и пользоваться им. И тогда все увидели, что он заставляет их делать это силой, и так непреклонна была воля короля; и она распространилась на всю Испанию и соблюдалась во всех пределах его королевства¹⁵⁹.

¹⁵⁶ *Maravall*. 1983a. P. 116.

¹⁵⁷ *Ibid.* P. 117.

¹⁵⁸ *Ibid.*

¹⁵⁹ PCG, II, cap. 872. P. 542–543.

Ниже в тексте сказано, что от этого эпизода пошла пословица: «законы идут туда, куда хотят короли» или, по версии хроники Родриго де Рады, *quo volunt reges vadunt leges*¹⁶⁰.

Следует отметить, что поскольку из корпуса сочинений Альфонсо явствует, что королевская власть имеет божественное происхождение и король — наместник Бога, ответственный за поддержание своего народа в справедливости, это выражение королевской воли в законодательной сфере неразрывно связано с аксиомой о том, что Бог «может изменять все каждый час по Своей воле»¹⁶¹ и что «воли королей — в руках Бога»¹⁶².

Таким образом, несмотря на то, что закон устанавливается королевской волей, существует еще и Божественная воля, накладывающая ограничения, которые заставляют законы повиноваться определенным принципам. Цель закона, в соответствии с Первой Партидой, состоит в том, чтобы соединять «любовью сердца людей, и они суть право и разум. И из них двоих выходит совершенная справедливость, понуждающая людей жить так, как подобает каждому из них»¹⁶³. В соответствии с доктринальным характером Партид, закон также определяется исходя из дидактической функции, которую он несет в обществе, поскольку он «связывает и принуждает человека не совершать зла, показывает и наставляет добро, которое человек должен творить и использовать»¹⁶⁴. Кроме того, применительно к законам устанавливаются следующие критерии:

Законы должны быть совершенными и полностью выверенными таким образом, чтобы они были разумными и трактовали о вещах, которые могут происходить согласно природе. Их слова должны быть правильными, и достаточными, и ясными, чтобы всякий человек мог бы их понять и запомнить¹⁶⁵.

Помимо этого, «все его постановления должны быть верными, и правыми, и совершенными, согласно Богу и справедливости»¹⁶⁶. Таким образом, прежде чем распространить волю короля-законодателя, нужно убедиться, что закон справедливый, разумный и служит «общей пользе земли», то есть общему благу, которое так часто упоминается во всех произведениях Альфонсо X.

¹⁶⁰ Ibid.; Maravall. 1983a. P. 117.

¹⁶¹ Part.II.2.1.

¹⁶² CSM 382, v. 5. См.: Kleine. 2014.

¹⁶³ Part.I.1.7.

¹⁶⁴ Part.I.1.4.

¹⁶⁵ Part.I.1.8.

¹⁶⁶ Part.I.1.4.

3.3. *Princeps legibus solutus est*

Этот принцип, в соответствии с которым принцепсу или королю нужно стоять над законом, а не подчиняться ему, чтобы быть единственным законодателем, был сформулирован и использовался начиная с XII в. рядом авторов, с намерением укрепить идею, тогда еще едва зарождавшуюся, верховенства королевской власти. Однако, как отмечает Бернар Гене, немногие могли согласиться с такими почти абсолютистскими претензиями, поскольку «все были согласны, что это означает ровно то, что король обязан соблюдать закон не под давлением внешних юридических факторов, а по собственной доброй воле и в силу врожденного чувства справедливости»¹⁶⁷.

В реальности же, претензия на верховную власть в мирских делах на своей территории и, как следствие, исключительное право издавать законы в ее пределах, исходя лишь из королевской воли, порождали противоречие: если законы составляются или изменяются по одному лишь желанию короля, как он сам может им подчиняться?

И вновь этот вопрос решается в Партидах на основании моральных принципов. Если король обязан быть добродетельным и подавать тем самым пример народу¹⁶⁸, то он не может не подчиняться собственным законам в той же мере, в которой он ждет этого от всех подданных. Так, в 15-м законе первого титула Первой Партиды утверждается: «Также говорим, что хорошо, когда творец законов желает жить по ним, хотя он и не обязан делать это по принуждению»¹⁶⁹.

Таким образом, предложенное Альфонсо решение не противоречит видению богословов и моралистов той эпохи: «правитель подчиняется “направляющей силе” (*vis directiva*) закона, но не его “принуждающей силе” (*vis coactiva*)»¹⁷⁰. Король должен *хотеть* жить в соответствии с законами, хотя он не обязан этого делать. Объяснение продолжается и в следующем законе:

Король должен блюсти законы как свою честь и свое произведение, потому что он получает власть и разум для того, чтобы вершить справедливость. Ведь если он не будет соблюдать их, он пойдет против своего же творения, разрушая их, и от этого ему произойдет двоякий вред. С одной стороны, он разрушит столь

¹⁶⁷ Guenee. 1973. P. 92.

¹⁶⁸ Kleine. 2014.

¹⁶⁹ Part.I.1.15.

¹⁷⁰ Maravall. 1982. P. 124.

добрую вещь, сделанную им, с другой — обратится к общему вреду для народа, унизит себя самого, предстанет неразумным, а его законы и повеления будут презираемы¹⁷¹.

Невыполнение законов королем предполагает, таким образом, ослабление законодательства, а также формирует образ недостойного короля, который не ценит и не уважает собственное творение.

Несмотря на утверждение «Королевского фуэро», что «право королевской власти столь велико, что вмещает в себя все законы и все права»¹⁷², идея о том, что король, стоящий над позитивным правом, также неизбежно подчиняется естественному праву, препятствует тому, чтобы он сосредоточил в своих руках абсолютную власть. Противоречить божественному закону означало бы править вопреки «общему благу», что является признаком тирании¹⁷³, а это, в свою очередь, делает легитимным сопротивление и неповиновение народа¹⁷⁴.

3.4. *Quod omnis tangit ab omnibus debet approbari*

Другой юридической концепцией, которая вошла в широкое употребление в позднее Средневековье благодаря рецепции римского права и в которой «нашел выражение общинный дух и определенный демократизм средневековой буржуазной культуры»¹⁷⁵, была идея о том, что «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми».

Мараваль, анализируя высказанный в «Общей экономической истории» тезис Макса Вебера о том, что основание для демократизации имеет сугубо военный характер, а за ним следует политическая демократизация¹⁷⁶, замечает, что «в Испании знатное сословие очень рано утратило монопольное право на ношение оружия, если такая монополия вообще когда-либо существовала»¹⁷⁷. Исходя из этого утверждения, автор показывает, как демократический принцип «*quod omnis tangit...*» появляется в творчестве Альфонсо применительно как к военной, так и к политической сфере.

Вторая Партида в законе, где говорится о том, что народ должен охранять королевство, постановляет, что в случае войны как против внешнего

¹⁷¹ Part.I.1.16.

¹⁷² FR IV.21.5.

¹⁷³ Part.II.1.10.

¹⁷⁴ Weckmann, 1993. P. 76–77.

¹⁷⁵ Maravall, 1983a. P. 133.

¹⁷⁶ Maravall, 1983b. P. 166.

¹⁷⁷ Ibid.

врага, вторгшегося на территорию страны, так и против внутреннего врага, предавшего доверие короля и восставшего против него, все жители должны взяться за оружие, не ожидая королевского приказа, чтобы защитить короля «от вреда, от позора, которые порождены этим мятежом»¹⁷⁸. Никто не может уклониться от этой обязанности, ссылаясь на знатность и приближенность к монарху или на какую-то полученную от монарха привилегию, она лежит даже на женщинах и клириках и не касается только «человека, заключенного в темницу или тех, кто остается читать часы»¹⁷⁹. Всеобщий характер этой обязанности связан с формулой «*quod omnis tangit...*» со ссылкой на авторитет традиций «древних»: «Ибо поскольку зло и вред касаются всех, то неподобающе и несправедливо, если кто-то уклонится от этого, если все не выйдут, чтобы искоренить их»¹⁸⁰.

В сфере политики демократический принцип действует как практический ограничитель власти короля творить законы, более эффективный, чем моральный долг правителя, поскольку в законах Альфонсо многократно повторяется, что законы следует составлять «в совете с людьми знающими, и понимающими, верными и не алчными, поскольку таковые будут знать то, что необходимо для права и справедливости, и для общего блага всех»¹⁸¹. Также хотя только король обладает властью изменять законы, для этого необходимо, чтобы он «сперва договорился со сведущими людьми, со знатоками права, чтобы они тщательно проверили то, что следует исправить, а затем должен сделать это вместе со столь многими добрыми людьми, скольких сможет найти, из многих краев, чтобы многие согласились бы в одном»¹⁸². Наконец, для отмены законов необходимо «разумное основание», но и в этом случае она возможна исключительно «с совета всех добрых людей королевства, наиболее чтимых и наиболее знающих»¹⁸³.

О' Кэллэкен характеризует роль, которую играли кортесы в политическом применении принципа «*quod omnis tangit...*», в том смысле, что король нуждался в совете, чтобы реализовать свою законотворческую функцию, в соответствии с нормами Партид, и утверждает, что новая концепция законотворчества, сформулированная в сочинениях Альфонсо, предполагала, что хотя король был властью, провозглашавшей закон, все жители королевства

¹⁷⁸ Part.II.19.3.

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Part.I.1.9.

¹⁸² Part.I.1.17.

¹⁸³ Part.I.1.18.

принимали участие в его выработке, изменении или отмене¹⁸⁴. Автор выдвигает убедительные аргументы в пользу того, что и «Зерцало», и «Королевское фуэро» были провозглашены на кортесах, собравшихся в Паленсии в 1255 г.¹⁸⁵

В рамках своего проекта по политической централизации Альфонсо X оставил такой обширный законодательный корпус, что в конечном итоге этот корпус лег в основу не только законодательства современной Испании, но и правовой системы изрядной части современной Латинской Америки¹⁸⁶. Как мы попытались показать в данной статье, его тексты изобилуют упоминаниями о первоочередной задаче короля — вершить справедливость в королевстве — и о соображениях Альфонсо X относительно того, каким образом ему следует исполнять эту функцию. Говоря словами Мануэля Гонсалеса Хименеса, «Тем не менее, Альфонсо X мечтал быть чем-то больше, чем просто справедливый король: он хотел обновлять, создавать *Право и творить законы*. [...] Таким образом, король перестал быть просто *предводителем и вождем войска*, военачальником, возглавляющим армию знатных и могущественных вассалов, от которых он зависит и которых опасается, когда они собираются вместе. Вместо этого он превратился в Наместника Божьего, единственного законодателя и верховного судью *всех жителей королевства*»¹⁸⁷.

И действительно, как это происходит с другими королевскими образами, проанализированными нами в серии исследований, в творчестве Альфонсо заметно явное желание Мудрого короля быть признанным как правитель, получивший власть и мудрость от Бога, чтобы поддерживать королевство в справедливости и мире, создавая и укрепляя образ *справедливого короля*, правящего ради общего блага.

¹⁸⁴ O'Callaghan. 1989. P. 113.

¹⁸⁵ Ibid., гл. 7; *Idem*. 1995.

¹⁸⁶ *Idem*. 1996. P. 324–325.

¹⁸⁷ Gonzalez Jimenez. 2004. P. 375–376. Курсив автора.

REFERENCES

1. *Ariel Guiance A.* To die for country, land or faith in Castilian medieval thought // *Journal of Medieval History*, 24–8 (1998). P. 312–332.
2. *Craddock J.R.* The legislative works of Alfonso X el Sabio // *Burns R.I. (ed.)* Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1990. P. 182–197.
3. *Crossetti de Almeida C.* Considerações sobre o uso político do conceito de justiça na obra legislativa de Afonso X. Anos 90, 16 (2001/2002).
4. *Gonzalez Jimenez M.* Alfonso X el Sabio. Barcelona, 2004.
5. *Gonzalez Jimenez M.* El Puerto de Santa María en tiempos de Alfonso X el Sabio // *Jimenez A., Montoya J., Tejada J.L. (eds.)*. Nuestros orígenes históricos como El Puerto de Santa María. El Puerto de Santa María, Ayuntamiento de El Puerto de Santa María, 1989. P. 10–32.
6. *Gonzalez Jimenez M., Carmona Ruiz M.A.* Documentación e itinerario de Alfonso X el Sabio. Sevilla, Universidad de Sevilla, 2012.
7. *Grassotti H.* La ira regia en León y Castilla // *Cuadernos de Historia de España*, XLI–XLII (Buenos Aires, 1965). P. 5–135.
8. *Guenée B.* Occidente durante los siglos XIV y XV: los Estados. Barcelona, Labor, 1973. P. 180–196.
9. *Kleine M.* El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // *De Medio Aevo*, 4 (2013). P. 1–42.
10. *Kleine M.* Imágenes del poder real en la obra de Alfonso X: Rex christianus // *De Medio Aevo*, 5 (2014). P. 1–42.
11. *Kleine M.* Os elementos do corpo político e a justiça nas *Siete Partidas* de Afonso X. Politeia: Historia e Sociedade, 5/1 (2005). P. 103–118.
12. *Madero M.* Formas de la justicia en la obra jurídica de Alfonso X el Sabio // *Hispania*, LVI/2, 193 (1996).
13. *Maravall J.A.* Del regimen feudal al regimen corporativo en el pensamiento de Alfonso X // *Id.* Estudios de historia del pensamiento español: edad media. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(a).
14. *Maravall J.A.* La corriente democrática medieval en España y la fórmula «Quod omnis tangit» // *Id.* Estudios de historia del pensamiento español: edad media. Madrid, Cultura Hispánica, 1983(b). P. 161–177.

15. *Marongiu A.* Un momento típico de la monarquía medieval: el rey juez// AHDE, XXIII (1953).
16. *Martin G.* De lexicología jurídica alfonsí: «naturaleza». Alcanate, 6 (2008–2009). P. 125–138.
17. *Martin G.* Le concept de «naturalité» (naturaleza) dans les «Sept Parties» d'Alphonse le Sage // e-Spania (онлайн: <http://e-spania.revues.org/10753>), 5 (2008).
18. *Nieto Soria J.M.* Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII–XVI). Madrid, 1988.
19. *O'Callaghan J.F.* Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria — a poetic biography. Leiden, Brill, 1998.
20. *O'Callaghan J.F.* El Rey Sabio — el reinado de Alfonso X de Castilla. Sevilla, 1999.
21. *O'Callaghan J.F.* Sobre la promulgación del Espéculo y del Fuero Real.// Estudios en Homenaje a don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 años. Anexos de Cuadernos de Historia de España, III (Buenos Aires, 1995). P. 167–179.
22. *O'Callaghan J.F.* The Cortes of Castile-León 1188–1350. Filadelfia, University of Pennsylvania, 1989.
23. *Perez-Prendes J.M.* Instituciones Medievales. Madrid, 1997.
24. *Senellart M.* Les arts de gouverner. Du regimen médiéval au concept de gouvernement. París, Seuil, 1995.
25. *Snow J.T.* Alfonso X, cronista lírico de El Puerto de Santa María // Alcanate, 1 (1988–1999). P. 29–41.
26. *Ullmann W.* Principios de gobierno y política en la Edad Media. Madrid, Revista de Occidente, 1981.
27. *Vernant J.-P.* Les cités grecques et la naissance du politique // *Berstein S., Milza P.* (eds.), Axes et Méthodes de l'Histoire Politique. París, PUF. 1998. P. 7–12.
28. *Weckmann L.* El pensamiento político medieval y los orígenes del derecho internacional. Ciudad de México, 1993.

Ключевые слова:

Альфонсо X, образы королевской власти, творчество Альфонсо X, политическое мышление, отправление правосудия

Marina Kleine

CHARACTERS OF ROYAL POWER IN WORK OF ALFONSO X: *REX IUSTUS*

his paper analyzes the character of *rex iustus* («Just King») which directly related to one of the most important functions of the King: to plant justice. The subject of the study was, firstly, the corporate thinking of the Alfonso Age estimated on the basis of determining the elements constituting the political body in the form, in which they are presented in the Seven-Part Code or Partidas. The King's task of maintenance the justice for the people, first of all, is reflected in its functions of a judge (*rex iudex*), which Alfonso X desired to as the key role in description of the King's authority. Secondly, the concept of supreme power is considered, which was being formed in Alfonso's work, and which allows us to understand how it was possible that this Castilian King of the 13th c. performed also the legislative function (*rex legislator*). Finally, we look at some legal principles which were drawn from Roman Law and acquired great significance in that period and which reflected both theoretical justification for the centralization process and the factors limiting the King's power.

 Марина Клейне

доктор истории, специалист по эпохе Альфонсо X (Севилья, Испания)

Д. Панатери

РИТУАЛ В «СЕМИ ПАРТИДАХ» КОРОЛЯ АЛЬФОНСО X МУДРОГО¹

Введение

Цель настоящей работы в том, чтобы кратко проанализировать, какими способами «Семь Партид» отражают феномен ритуала посвящения применительно к королю и епископу. Партиды относятся, самое раннее, к 1265 г., причем после этой даты появилось несколько редакций, которые, как показал Дж. Крэддок², содержали существенные правки, поскольку новый политический контекст требовал от Мудрого короля новых действий. Альфонсо X (1252–1284) посвятил немалую часть своего правления решению двух политических задач: юридической унификации территорий, подвластных кастильской короне, и борьбе за император-

¹ Перевод с испанского на русский Л.В. Черниной. Данная статья написана и переведена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-03-00181 «Научный перевод и комментирование “Семь Партид” Альфонсо X Мудрого».

² *Craddock J.R.* La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio // *Anuario de Historia del Derecho Español*, 1981 (51). P. 365–418; *Id.* Must the King Obey his Laws? // *Florilegium Hispanicum: Medieval and Golden Age Studies Presented to Dorothy Clotelle Clarke / Geary J. (ed.)*. Madison, 1983. P. 71–79.

скую корону³. Оба эти феномена довольно подробно рассматривались в научной литературе. Одним из способов реализации данных проектов была концентрация символической власти. Она была обусловлена не только представлениями о престиже, но и необходимостью повысить эффективность королевской политики. В связи с этим предлагаемый анализ посвящен скорее истории идеологии, изложенной в правовой компиляции, чем описанию конкретных форм, которые принимал феномен ритуала в эпоху Альфонсо и которые известны по этому источнику. Таким образом, задача состоит в том, чтобы проанализировать, как именно сформулирована аргументация королевских юристов, и на этом основании доказать присутствие назидательных целей в юридическом кодексе. Хорошо известно, что Альфонсо X активно прибегал к формальным процедурам с целью разделить аргументацию на три категории: *аргумент от всеведения*, *аргумент от истины* и *аргумент от объективности*⁴. Эти три категории аргументации, сочетаясь между собой, создают эффект реальности, формируя фундаментальную в логической системе доказательств Альфонсо связь между словесным выражением и материалом. И в самом деле, во многих случаях содержание, почерпнутое из древней традиции, организовано на базе, которую мы можем назвать диалектикой порядка. Во-первых, она отображает как бы «снимок» устоявшегося общества; во-вторых, вводит этот образ в обиход посредством тончайших и сложнейших связей с целью обязательно привести читателя туда, куда направляет его текст. В-третьих, эта диалектика подводит читателя к последнему звену логической цепочки, создавая впечатление неоспоримой истины, хотя и противоречащей традиционному порядку с показанного ранее «снимка». Конкретика в изложении позиции незаметно реализуется посредством аргументации на базе устойчивой синтаксической связи, обычно зависящей от сущностной логической цепочки. Ниже мы увидим, как взаимодействует эта комбинация с прочими элементами дискурса Альфонсо.

В первую очередь необходимо оговорить, что хотя мы и принимали во внимание сложнейшую рукописную традицию текстов Альфонсо X, в на-

³ В историографии Альфонсо X, начиная со средневековых хроник, процесс борьбы кастильского короля за корону императора Священной Римской империи получил название *fecho de imperio*, дословно на русский не переводимое. См. об этом подробнее: O'Callaghan, J.F. *El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla* / trad. cast. por M. González Jiménez. Sevilla, 1999. P. 243–260; González Jiménez, M. *Alfonso el Sabio*. Barcelona, 2004. P. 107–294; и цит. там библиографию.

⁴ Lodares J.R. (1996) *El mundo en palabras. Sobre las motivaciones del escritorio alfonsí en la definición, etimología, glosa e interpretación de voces* // *Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale*. 1996 (21). P. 105–118.

стоящей работе мы пользуемся фрагментами из различных рукописей, но везде, где только возможно, стараемся ссылаться на издание Гр. Лопеса, чтобы пояснить и упростить обращение к первоисточнику.

Кроме того, следует заранее сказать, что в целях реализации настоящего исследования нам следует обратиться к некоторым концепциям из области антропологии (точнее, из области антропологии религии) по ряду важных вопросов⁵. Тем не менее наша работа не претендует на анализ религиозного характера, а также антропологической функции ритуала. Наша цель состоит в понимании его значения в рамках специфического политико-юридического дискурса. Это не значит, что мы проигнорируем основные теории ритуала — наоборот, мы посмотрим, какие из них могут оказаться существенными для понимания политической задачи включения ритуала в средневековый юридический текст. Мы намереваемся понять, почему епископское и тем более королевское помазание было включено в контекст законодательства, касающегося Церкви (Part. I.4.12 и 13).

Хотя источники норм, связанных с Церковью, в самом тексте и не определены⁶, их представление обладает двумя характерными чертами. С одной стороны, мы знаем, что объективная информация, собранная из различных компиляций, почерпнута, главным образом, из *Liber Extra*, а также из *Summa de casibus poenitentiae*. С другой — в том, что касается епископов и их обязанностей, основным источником был «Декрет Грациана». На эту тему уже писали А. Перес Мартин⁷ (Pérez Martin, 1992) и особенно много Р. Бидагор⁸. Так что учитывая, что этот вопрос очень хорошо изучен, а наша исследовательская задача заключается в том, чтобы понять, как именно *Партиды* трактуют реальность, с которой они сталкиваются в идеологической конфронтации (или, скорее, как они изображают эту реальность), мы не будем рассматривать ни источники норм, ни

⁵ Мы активно пользовались научной литературой по этому вопросу, хотя антропологический подход нечасто используется в наших исследованиях. Тем не менее я надеюсь, что не совершил особенно серьезных ошибок благодаря помощи коллег-специалистов, которые помогли мне разобраться в устоявшихся антропологических традициях, прежде всего доктора Сантьяго Баррейро.

⁶ García y García A. (1992) Fuentes Canónicas de las Partidas // Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo. 1992 (3). P. 93–101.

⁷ Perez Martin A. Fuentes romanas en las Partidas // Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo. 1992 (4). P. 215–246.

⁸ Bidagor R. El derecho de las Decretales y las Partidas de Alfonso el Sabio de España // Acta Congressus Iuridici Internationalis VII saeculo a Decretalibus Gregorii IX et XIV a Codice Iustiniano promulgatis. 1936 (3). P. 297–313; *Id.* La contribución española al estudio del Decretum Gratiani // Studia Gratiana. 1954 (2). P. 529–539.

Альфонсо X. Изображение из «Книги портретов королей». 1594 г.

конкретные функции епископов, а вместо этого обратимся ко второй характеристике законодательного текста — более или менее коллективной⁹ деятельности по переписыванию, которая привела к появлению целых законов, не имеющих прецедентов и зачастую официальной санкции Церкви¹⁰. На протяжении всей работы мы будем обращаться к двум законам, помещенным один за другим и посвященным в первую очередь ритуалу помазания. Интересно посмотреть, каким образом он получил свое место в тексте посредством концептуализации функционирования ритуала в политическом мире. В свою очередь, мы должны объяснить причины, по которым вопросы королевского помазания освещаются непосредственно после рассказа о помазании епископов (в разделе, который явно посвящен исключительно церковным материям).

В настоящее время рассмотрение темы ритуала и его ведущего положения в религиоведении с точки зрения антропологии приобрело огромную популярность, хотя и, разумеется, в чрезвычайно узких кругах¹¹. Это заставляет нас сосредоточиться не столько на функциональном иссле-

⁹ Martin G. Compilation (Cinq procédures fondamentales) // Annexes des Cahiers de linguistique hispanique médiévale. 1997. Vol. 11. P. 107–121.

¹⁰ Craddock J.R. Must the King Obey his Laws?.. P. 75.

¹¹ Ярким примером являются периодические издания: *Journal of Ritual Studies* (Питтсбургский университет) и *Journal of the American Academy of Religion* (Оксфорд).

довании объекта антропологии или религиоведения как такового, сколько на базовых вопросах, не касающихся особенностей конкретного источника. Мы полагаем, что необходимо указать на относительно недавно опубликованную и сугубо теоретическую работу, которая стала общим инструментом разных историков в анализе проблемы ритуала¹². Строго говоря, необходимо отметить, что в задачу авторов сборника не входит изучение ритуала, но оно содержится в исследовании идеологии Жижека, и функции ритуала рассмотрены там настолько пристально, что это не может не привлекать внимания. Так, для этого современного теоретика ритуал — это идеологический феномен, который отражает материальную сущность самой главенствующей идеологии. Таким образом, ритуал возникает как внешнее проявление существующей власти и порождает почет в силу бессознательной практики и вертикального характера, характерного для ИАГ¹³. С нашей точки зрения, это утверждение полностью ошибочно. Для начала, наша критика отказывается видеть в характеристике ритуала, предложенной Жижеком, автоматическое и иррациональное явление идеологической конструкции, которое, помимо всего прочего, имеет много общего с концепциями Л.Г. Моргана¹⁴ и, что гораздо важнее, приводит к тому, что ритуал никак не соотносится с конкретной исторической реальностью (об этом Жижек писал в более ранней работе, опубликованной в конце XX в.). Ошибка заключается в том, что, согласно этой теории, ритуал порождает только слова, имеющие отношения исключительно к другим словам. Более глубокое прочтение приводит не к марксистской идее, а к ее прямой противоположности — концепции Э. Дюркгейма. В этом отношении наши соображения больше соотносятся с понятием ритуала, предложенным А. ван Геннепом¹⁵ и предполагающим, что ритуал указывает на стабилизацию. Так, ритуал создает порядок посредством интеграции в общество различных или разнородных элементов. Такое понимание ритуала как постоянного и автоматического уста-

¹² *Žižek S.* (comp.) *Ideología. Un mapa de la cuestión*, Buenos Aires. 2003. P. 20–24; см. по-русски: Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронова. М., 1999.

¹³ ИАГ (Идеологический аппарат государства) — по представлению Л. Альтюссера, средство обеспечения господства одного класса, состоящее из целого ряда государственных институтов идеологии. — *Прим. пер.*; подробнее см.: Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Пер. с фр. С. Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77).

¹⁴ Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М.О. Косвена. Л., 1933.

¹⁵ Геннеп А., ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / Пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Л. В. Петровской. М., 1999.

Liber Extra. Страница средневековой рукописи

новления порядка, исходящего от институтов, не позволяет видеть реальность иначе. Однако Манчестерская школа предложила посмотреть на эту проблему в совершенно ином разрезе. Полную противоположность ранее высказанным взглядам представляет собой теоретическая работа Виктора Тэрнера¹⁶, которая основана на результатах полевого исследования. Этот автор определяет ритуал как лиминальную фазу. Эта концепция, полезная в его специфическом исследовании африканского племени ндембу, объясняет сочетание смирения и иерархии, целиком организующее это общество. Выходя за рамки конкретного исследования, нам интересно проанализировать ритуал с этой точки зрения, поскольку «пограничность» ритуала указывает на творческий процесс, который на определенном этапе отличается напряженными отношениями между доминирующими элементами. Таким образом, ритуал далек от того, чтобы быть феноме-

¹⁶ Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура / Пер. с англ. В. А. Бейлиса // Он же. Символ и ритуал. М., 1983. С. 104–264.

ном, отдельным от идеологии; он создается по ее запросу, вырабатывается как практика, запускающая социальные конфликты и в определенном смысле заставляющая «лиминальность» исчезнуть, когда ритуал отмирает (но будет возрождаться каждый раз, когда этот ритуал будет появляться). Эта теория выдвигает на первый план возникновение социального конфликта, поскольку такой конфликт неотделимо присущ институтам и для него не характерно застывание в одном образе.

Итак, чтобы приблизиться к пониманию ритуала в его текстуальной функции (то есть в политическом применении в конкретном тексте, в нашем случае средневековом), мы должны привлечь еще одно, более новое исследование¹⁷, где говорится, что «творческие» ритуалы (работа этого автора посвящена рыцарскому ордену) обладают побудительным принципом. Этот принцип предполагает, что записывание само по себе не создает объекты. Для такого общества, каким было средневековое, то есть для общества, чья структура основывается на концепции порядка, ритуал не просто уравнивает, поскольку напряжение, которое порождено «лиминальностью», отмеченной В. Тэрнером, по мнению Х. Родригеса Веласко, отражает диалектику, вовсе не указывающую на внешний слом социальной структуры, а требующую изучения особенностей этого общества, построенного на *ordines*. Родригес Веласко приходит к выводу, что ритуал не навязан средневековому вооруженному классу извне, а имманентно присущ ему. Более того, чтобы освободить лиминальность от ритуала, а его содержание от конфликтов между источниками власти, по мнению Родригеса Веласко, ритуалы предписывают определенный порядок властных отношений и в каждом случае формулируют соответствующую концепцию власти. Конструирование ритуала подобно определению и описанию систем зависимости внутри данного института, данного общества или другой организационной формы социума. Но конкретная процедура анализа состоит в исследовании формы, которую принимают эти ритуалы, что позволяет изучить порядок ритуала и его отношения с властью. Речь идет о полномасштабном процессе взаимодействия, который в эпоху позднего Средневековья выражался в получении и удержании юрисдикции.

В конечном счете ритуал представляет собой лиминальное явление, которое отражает напряженность в отношениях между источниками власти, его описание в документе отвечает на фактическое инициирование,

¹⁷ Rodríguez Velasco J. Ciudadanía, soberanía monárquica y caballería. Poética del orden de caballería. Madrid, 2009.

в свою очередь, являющееся признаком политического намерения определить взаимоотношения сторон. Пример Альфонсо X иллюстрирует, как это политическое намерение в контексте диалектики *ordo* (порядка) идеально отражает попытку контролировать юрисдикцию. В данном случае эта попытка заключается в определении и последующем подчинении посредством сравнения, зафиксированном в юридическом тексте, который мы рассматриваем.

Анализ форм посвящения и помазания в «Семи Партидах»

В 12-м законе четвертого титула *Первой Партиды* Альфонсо излагает ритуал епископского посвящения, благодаря которому будущие прелаты смогут выполнять свои обязанности. Изложение не свободно от комментариев, что характерно для Мудрого короля; и в данном случае содержит объяснения каждого шага и его символического значения. Выглядит это так:

Помазание миром совершают [...] когда посвящают епископов. Им помазывают елеем темя и руки. И *помазанием голов епископов* дается понять, что они должны быть светлы и чисты изнутри, в сердце своем, перед Богом, и извне, в доброй славе своей, перед людьми. Ведь они должны любить Бога всем сердцем и всей волей своей, по разумению своему и возможностям своим, за то добро, которое Он совершил по отношению к роду людскому, вскормив его и искупив его, управляя им, и воздавая ему награду в ином веке¹⁸.

В этом фрагменте указано, в каком месте следует помазывать епископов, и это место центральное. Елеем помазывают голову, поскольку там располагается «доброе разумение» и чистота в момент служения. Таким образом, подчеркивается связь между ритуальным актом и материальными последствиями, и чтобы избежать всяких сомнений, Альфонсо еще раз подчеркивает:

И еще помазание головы означает, что получают они великую честь и великую власть в святой Церкви. А помазание рук означает, что они должны постоянно трудиться на благо всех людей, и, особенно, — своих еди-

¹⁸ Партиды здесь и далее приводятся в переводе А.В. Марeya. — Прим. ред.

новерцев, — и что они получают власть благословлять и посвящать, и совершать в святой Церкви иные вещи, входящие в их обязанности.

Второй отрывок дополняет первый, и в нем содержится целый ряд индикаторов, которые, возможно, говорят о цели объявления этой нормы. В первую очередь дважды упоминается «святая Церковь» как место, где новому епископу предстоит служение. Следует отметить, что использованная формула «святая Церковь» может означать монументальное сооружение или институт, но при этом оно никак не соотносится с общиной верующих, которую в эпоху Альфонсо X обычно называли словом *cristiandad*. Тем не менее отношения между означающим и означаемым непростые, они подразумевают различия между частным и общим¹⁹ с лексической точки зрения, а также склонность отождествлять представление о месте с «должностью» (епископа посвящают, чтобы он отправлял «службы» в церкви, на которых будут присутствовать христиане). Все это указывает на то, что понятие «святой» используется сознательно в том самом смысле, который оно получило в гражданском праве, начиная с «Кодекса Феодосия» 438 г. Таким образом, светское сознание воспринимает пространство, где происходит священное и сакральное, просто как ограниченное место действия и материал²⁰. Поэтому прежде чем проанализировать представление о должности, необходимо подытожить сказанное выше, а для этого мы должны хотя бы вскользь обратиться к другим случаям использования термина «церковь» в Первой Партиде.

Для начала необходимо пояснить, что представленные нами материалы взяты исключительно из Первой Партиды. Шестьсот пятьдесят случаев появления этого термина мы разделили на три основные группы. Приведем здесь лишь несколько примеров из каждой группы. В первую очередь укажем на самое распространенное и частое употребление: «святая Церковь». В большинстве случаев этот оборот вводится с помощью предлога «в» или же имеет при себе словосочетания, указывающие на церковь, как на некую организацию, «которая сделала», «которая постановила» или «которая утвердила». В этом значении допускается две дополнительные вариации: прилагательные «католическая» и «римская», которые характеризуют эту организацию. Посмотрим на примеры употребления (взятые из рассуждений о крещении в титуле III): «в соответствии с формой, утвержденной святой Церковью» / «Все должны верить

¹⁹ Iogna-Prat D. Iglesia y Sociedad en la Edad Media. México, 2010. P. 13–25.

²⁰ Ibid. P.16.

Древо родства. Страница из рукописи «Декрета Грациана»

так, как повелевает святая римская Церковь» / «И это постановила святая Церковь в подражание апостолам» / «И святая Церковь почла за благо, чтобы...» [далее следуют ритуальные формулировки обряда крещения] / «Постановила святая католическая Церковь» [в отношении догматов веры] и т. д. Во втором значении это слово используется гораздо более ограниченно, когда речь идет о какой-то конкретной церкви. Здесь слово *Eglesia* всегда сопровождается каким-то конкретным локативом: [Part. I.4.7] «у врат церкви» / [17] «прихожане церкви» / [18] «в дверях церкви» и т. д. Наконец, мы сталкиваемся с самым редким значением, когда церковью называется христианский мир вообще — во всех прочих случаях для этого используется слово *cristiandad*. Тут мы видим формулу «*Santa Eglesia General*» («всеобщая святая Церковь»). Она появляется в прологе к титулу III, где сказано: «мы твердо верим в одну всеобщую Церковь, в которой спасутся все христиане, а вне которой не спасется никто». Однако здесь наш термин выражает не очевидную идею христианского мира в узком смысле, а скорее идею глобального института²¹, поскольку Церковь преодолевает материальные границы расположения и превращается в создателя социальной жизни посредством контролирующей и других функций, ведь именно благодаря ей обеспечивается

²¹ Guerreau A. El feudalismo un horizonte teórico. Barcelona, 1984; *Id.* El futuro de un pasado. La Edad Media en el siglo XXI. Barcelona, 2002.

спасение. Тем не менее такое значение появляется лишь однажды среди шестисот пятидесяти примеров употребления. Во всех прочих случаях Альфонсо без лишних сложностей говорит *cristiandad*. Поэтому мы можем прийти к заключению, что слово *Eglesia* в Первой Партиде отражает определенный ракурс материальной или институциональной составляющей Церкви.

Итак, раз около шестидесяти процентов случаев употребления этого термина относятся к институциональной сфере, мы можем сказать, что наша гипотеза вполне правдоподобна, поскольку речь идет не исключительно об определенном физическом пространстве, а о юрисдикции, которая в данном конкретном случае представляется в некоем метафизическом или духовном смысле результатом действия.

Каждому христианину, для того чтобы узнать Бога и получить Его любовь, подобает иметь в себе две вещи. Первая из них — это католическая вера, которую он должен исповедовать; вторая — таинства святой Церкви, которые он должен принять. Ведь точно так же, как душа и тело составляют единого человека, а Иисус Христос есть человек и Бог, так же тот, кто исповедует католическую веру и принимает таинства святой Церкви, имеет имя Христа и есть совершенный христианин (Part. I.4, пролог).

В этом законе мы видим определение христианина и, шире, христианства. Таким образом, чтобы понять, каким образом автор представляет себе христианство (здесь как совокупность христиан), необходимо принимать во внимание две составляющие: веру и подчинение этой веры регулирующей власти Церкви, которая становится тем самым институтом, определяющим возможность спасения и других факторов, но обладающим нормативным характером и располагающим официальными служащими, которые руководят паствой. Другой вопрос, стоящий перед нами — является ли эта форма регулирования социальной жизни единственно возможной. На этот вопрос мы даем отрицательный ответ. Из текстов эпохи Альфонсо очень легко понять почему. Хотя Церковь — это единственный настоящий институт спасения и каждый христианин обязан туда ходить, в текстах ни разу не говорится, что тот, кто находится за пределами христианского мира (как совокупности христиан), обязательно является плохим человеком, или лучше сказать, не соответствует общественному порядку. При этом право, которое порождает светская власть, в соответствии с удачной формулировкой Партид, касается всех

без исключения, поскольку, как там сказано, относящееся лишь к христианам только их и коснется (речь идет о тех, кто привержен католической вере и, следовательно, соглашается с ритуальными элементами, превращающими его в «верного христианина» (*acavado cristiano*), принимает их и повинуется им).

Возвращаясь к основной линии нашего исследования, мы сталкиваемся со второй важной концепцией, содержащейся в приведенном отрывке, — «должность» (*oficio*). Этот термин не содержит в себе двусмысленностей, но мы не должны его игнорировать, поскольку он описывает конкретный тип службы, которую должны нести прелаты. В первом законе девятого титула Второй Партиды Альфонсо определяет: «Под “должностью” понимается конкретная служба, на которую назначен человек для того, чтобы служить королю или населению города или местечка». Строго говоря, нужно отметить, что это определение касается чиновников короля, однако само по себе определение должности в «Семи Партидах» обрисовывает четкое поле деятельности и конкретные задачи, которые должен решать указанный чиновник или, в данном случае, епископ. Также развивается идея конкретной службы и подчинения вышестоящей власти. В целом, идея связать действия епископа с должностью указывает на отношения подчинения в определенной сфере. По словам Альфонсо, обязанности епископа состоят в том, чтобы освящать и благословлять. И вновь — Церковь занимается деятельностью, связанной с материальным миром. Эта мысль становится еще отчетливее, если проанализировать следующий закон.

В Part. I.4.13 Альфонсо пишет:

Согласно Ветхому Закону, королям обычно помазывали голову священным маслом. Но в нашем Новом Законе их помазывают иным образом, по словам, сказанным Исайей, пророком Господа нашего Иисуса Христа о том, что он — Царь неба и земли и что *владычество на раменах его*. И это исполнилось, когда Ему положили крест на правое плечо [...] И поскольку христианские короли занимают Его место в этом мире для того, чтобы вершить правосудие и право, они обязаны нести все бремя и все труды [...]. Потому их помазывают сейчас священным маслом сзади на правом плече, в знак того, что [...] *Iugum meum suave est & onus meum leve*²².

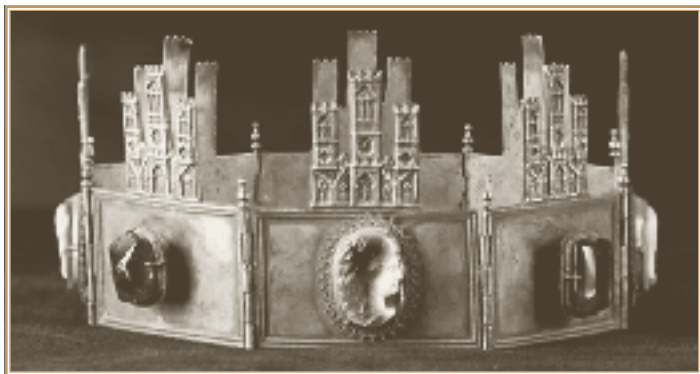
²² Это известный фрагмент из Евангелия от Матфея (11:30) — «Иго мое благо, и бремя мое легко».

Различия бросаются в глаза. В первую очередь другое место выбрано для помазания. Цари, правившие до пришествия Христа, принимали помазание так же, как и епископы — на голове. Но по Новому Завету все иначе — они принимают помазание на плечо, в знак того, что их труды на земле следует толковать так же, как труды Христа. Отождествление происходит очень деликатно. Хотя его можно истолковать как уподобление человеческой и не божественной природе Христа, однако король в определенной степени ставится в положение попечителя и автора земных планов; и возможно, именно в этой битве Альфонсо было очень важно победить. Для напоминания об этой идее изменяется и местоположение. Речь идет о власти и о месте, которым владеют короли для реализации своих полномочий, и это земля. Она ничуть не менее важна. Альфонсо желает ограничить поле деятельности епископа Церковью (как институтом), и должность епископа охватывает все, что находится в Церкви (пусть даже само спасение). Эта мысль делает очевидным намерение освободить конкретную политическую сферу действий в пользу мирской власти. Поэтому компетенция короля представлена как всеобщая, тогда как компетенция епископа ограничена его должностью.

Посмотрим на структуру, в которую встроено это рассуждение, чтобы сделать идею ясной. В случае с епископом используется глагол в неопределенной форме *obrar* («действовать») в сопровождении модального глагола, обозначающего обязанность — *deve*. В этой структуре доминирует представление о добровольности, честности, необходимой для выполнения требуемых действий, а король (который в данном случае выступает как всеведущий рассказчик, но в то же время сливается с законодательным текстом, не теряющим актуальности²³), похоже, выступает в качестве того, кто требует всего сказанного от епископа. В структуре второго процитированного закона мы обнаруживаем наречное высказывание, которое указывает не столько на требования, сколько на природную судьбу, предназначившую короля к определенным действиям. Там присутствует конкретная и неоспоримая цель, связанная с положением короля.

Законы 12 и 13 следует рассматривать, сопоставляя друг с другом. Это неизбежно в силу самого расположения текстов. Кроме того, логическая

²³ Эта мысль, которая очень близка к представлению о «побудительном начале», применительно к Партидам высказана Х. Родригесом Беласко (*Rodríguez Velasco J. La urgente presencia de Las Siete Partidas // La Corónica. 2010 (38.2). P. 97–134*), однако представляется, что более подробно она отражена в моей работе: *Panateri D. Uso, costumbre y fuero en relación al discurso medieval de la soberanía. Alfonso X el Sabio y la glosa de Gregorio López // Temas Medievales. 2012 (20)*.

Корона Альфонсо X (она же — корона Санчо IV). Ризница Толедского собора

структура в обоих случаях практически совпадает. Во-первых, вводится ритуальный элемент перехода, за которым следует изложение ключевого материала описанных символических механизмов. В центре логической цепочки — естественная связь между символом и действующей силой.

Помазание миром совершают [...], когда посвящают епископов. Им помазывают елеем темя и руки. **И помазанием голов епископов** дается понять, что они должны быть светлы и чисты изнутри, в сердце своем, перед Богом, и извне, в доброй славе своей, перед людьми [...]. **И** еще помазание головы означает, что получают они великую честь и великую власть в святой Церкви. **А** помазание рук означает, что они должны постоянно трудиться на благо всех людей, и, особенно, — своих единомышленников, — и что они получают власть благословлять и посвящать, и совершать в святой Церкви иные вещи, входящие в их обязанности.

Цепочка выстраивается следующим образом: ритуал выполняется по установленному порядку; акцент делается на центральный элемент ритуала, то есть на помазание. Помазание осуществляется на двух частях тела: голове и руках. По мере завершения каждого этапа ритуала, связанного с той или иной частью тела, человек приобретает необходимые качества для исполнения новых функций, связанных с тем органом, который был затронут в ходе ритуала. В целом, существует согласованность между местом, функцией места и связанными с ней последующими действиями. Элементы, которые завершают закон, относятся к локализации пространства («в святой Церкви») и определению «должности» (*oficio*). Последний элемент мы уже охарактеризовали выше в этой главе, а первый дополняет список примеров, с которого мы начали эту главу. В том, что касается синтаксиса, используются паратаксис и, как это обычно бывает в такой структуре, союз *ca*, кото-

рый связывает отдельные элементы предложения, выстраивая отношения субординации.

О королях сказано иначе:

Согласно Ветхому Закону, королям обычно помазывали голову освященным маслом. **Но** в нашем Новом Законе их помазывают иным образом, по словам, сказанным Исайей, пророком Господа нашего Иисуса Христа о том, что он — Царь неба и земли, и что *владычество на раменах его*. **И** это исполнилось, когда Ему положили крест на правое плечо и заставили поднять его, **через что** Он в совершенстве обрел силу и на небе, и на земле. **И поскольку** христианские короли занимают Его место в этом мире для того, чтобы вершить правосудие и право, они обязаны нести все бремя и все труды, выпадающие им ради чести и восхваления креста. **Потому** их помазывают сейчас священным маслом сзади на правом плече, в знак того, что все бремя и все труды, выпадающие им по этой причине.

Связь выстраивается несколько другими способами. Во-первых, здесь присутствует элемент противопоставления, выраженный союзом «но» (*mas*), который приобретает большое значение, поскольку маркирует центральную точку аргументации. Во-вторых, в отличие от предыдущего закона этот начинается с изложения мотивов, по которым ритуал совершается над определенной частью тела, в качестве анафорического элемента, соответствующего тексту о короле. Это позволяет выдвинуть на первый план причину, кроющуюся в самом образе Христа-царя. Такая тактика широко распространена в дискурсе эпохи Альфонсо. Первым делом говорят о неоспоримой истине, чтобы потом с помощью логической связи привязать к первому термину второй, в подоплеке которого лежит конфликт или, по крайней мере, термин, обладающий более низким статусом. В этом фрагменте подобный прием представляется традиционным. Так же формулируется и сообщение о пространстве. Верховная власть Христа переводится на мирской уровень словами «в этом мире». Таким образом «в реальности» помазывают короля в силу занимаемого им места. Так символически завершается цепочка, ведущая от Бога к королям. С другой стороны, наоборот, существует «простой» ритуал перехода, где помазание играет роль символа новых характеристик *нового создания*. Таким образом, епископский ритуал контролирует, нормализует и осуществляет вступление в сан. Королевский ритуал разъясняет и показывает то, что уже присуще человеку, готовящемуся занять этот пост, подчеркивая, что нет власти выше данной ему, но это нужно лишь продемонстрировать с помощью указанных символов.

Заключительные размышления

Если мы оставим в стороне идею уподобления Христа и короля, которая в этом случае намного менее очевидна, чем в других фрагментах того же сочинения или в историографических трудах²⁴, этот анализ позволит нам увидеть, что введение ритуала вступления в должность епископа и короля выдвигает на первый план желание установить границы действий. Это неизбежно проявляется в связи с процессом поглощения юрисдикций, о котором мы упоминали, говоря о властных играх Средневековья. В данном случае указанный процесс представляется сложным, поскольку было бы неразумным предполагать, что Альфонсо хотел управлять таинствами. Как мы видим, на самом деле, он рассчитывал лишить ведущих церковных деятелей возможности действовать в политической сфере²⁵. Именно в этом и заключается смысл того, что о королевском помазании говорят в разделе, посвященном церковным вопросам. Политическая цель заключается в сравнении и противопоставлении (текстуальном), в данном случае только на уровне дискурса. Однако этот продукт сознания, не имеющий функциональных параллелей в XIII в., свидетельствует о напряженных отношениях между факторами власти, которые Мудрый король хотел вывести на первый план, чтобы укрепить королевскую власть и усилить ее юрисдикцию. Поэтому описанный ритуал демонстрирует напряженность, возникающую в результате специфического распределения власти, и предлагает видоизменить целый ряд традиционных факторов²⁶. Однако радикального слома идеологического порядка в правящей сфере не происходит. В целом, вся эта дискурсивная деятельность дает возможность увидеть главное оружие, которым располагал Мудрый король. Конечно, нельзя преуменьшать значение политических целей по сравнению с культурными, но на первый план

²⁴ *Fernández Ordóñez I. Los frutos del análisis discursivo: a propósito de una caracterización reciente del modelo historiográfico alfonsí // Incipit. 1997 (17). P. 249–253.*

²⁵ Но не в символической, и в этом одна из важнейших черт «диалектики порядка», которая функционирует, но одновременно бережет средневековое общество, построенное на *ordines*.

²⁶ П. Лайнехен (*Linehan P. Pseudo-historia y pseudo-liturgia en la obra alfonsina // España y Europa, un pasado jurídico común, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986*) показывает, что уже в каноническом праве той эпохи существовало принципиальное различие в отношении королевского помазания (голова по Ветхому Завету, плечо — по Новому). Однако наша идея объясняет, как вокруг этой нормы происходило конструирование дискурса, видоизменяющего традиционные для той эпохи представления.

выходит символическое значение Партид. Текст, который претендовал на то, чтобы стать крупнейшим (а в реальности и единственным) правовым компендиумом, так им и не стал; даже наоборот, сколько бы его ни возрождали, ни редактировали и ни провозглашали заново, он все равно оставался в категории дополнительного права. Однако непреходящее значение всегда было ему гарантировано, поскольку король сказал своим текстом гораздо больше, чем выразил на словах и смог реально осуществить в свою эпоху. Возможно, это и есть самая существенная характерная черта «Семи Партид», и, с нашей точки зрения, это основа, с которой следует начинать новый анализ этого текста и с новыми силами приступать к его изучению.

REFERENCES

1. *Althusser L.* Ideología y Aparatos Ideológicos de Estado: Freud y Lacan // Buenos Aires: Nueva Visión, 1970.
2. *Bidagor R.* La contribución española al estudio del Decretum Gratiani // Studia Gratiana. 1954 (2). P. 529–539.
3. *Bidagor R.* El derecho de las Decretales y las Partidas de Alfonso el Sabio de España // Acta Congressus Iuridici Internationalis VII saeculo a Decretalibus Gregorii IX et XIV a Codice Iustiniano promulgatis. 1936 (3). P. 297–313.
4. *Craddock J.R.* La cronología de las obras legislativas de Alfonso X el Sabio // Anuario de Historia del Derecho Español. 1981 (51). P. 365–418.
5. *Craddock J.R.* Must the King Obey his Laws? // Florilegium Hispanicum: Medieval and Golden Age Studies Presented to Dorothy Clotelle Clarke / Geary J. (ed.). Madison, 1983. P. 71–79.
6. *Fernández Ordóñez I.* Los frutos del análisis discursivo: a propósito de una caracterización reciente del modelo historiográfico alfonsí // Incipit, 1997 (17). P. 249–253.
7. *García y García A.* Fuentes Canónicas de las *Partidas* // Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo. 1992 (3). P. 93–101.
8. *González Jiménez M.* Alfonso el Sabio. Barcelona, 2004.
9. *Guerreau A.* El feudalismo un horizonte teórico. Barcelona, 1984.
10. *Guerreau A.* El futuro de un pasado. La Edad Media en el siglo XXI. Barcelona, 2002.
11. *Iogna-Prat D.* Iglesia y Sociedad en la Edad Media. México, 2010.
12. *Linehan P.* Pseudo-historia y pseudo-liturgia en la obra alfonsina // España y Europa, un pasado jurídico común, Actas del I Simposio Internacional del Instituto de Derecho Común. Murcia, 1986.
13. *Lodares J.R.* El mundo en palabras. Sobre las motivaciones del escriptorio alfonsí en la definición, etimología, glosa e interpretación de voces // Cahiers de Linguistique Hispanique Médiévale. 1996 (21). P. 105–118.
14. *Martin G.* Compilation (Cinq procédures fondamentales) // Annexes des Cahiers de linguistique hispanique médiévale. 1997. Vol. 11. P. 107–121.
15. *Morgan L.* Ancient Society. Chicago: Charles Kerr. 1877.
16. *O'Callaghan, J.F.* El Rey Sabio. El reinado de Alfonso X de Castilla / trad. cast. por M. González Jiménez. Sevilla, 1999.

17. *Panateri D.* Uso, costumbre y fuero en relación al discurso medieval de la soberanía. Alfonso X el Sabio y la glosa de Gregorio López // *Temas Medievales*. 2012 (20).
18. *Perez Martin A.* Fuentes romanas en las *Partidas* // *Glossae. Revista de Historia del Derecho Europeo*. 1992 (4). P. 215–246.
19. *Rodríguez Velasco J.* Ciudadanía, soberanía monárquica y caballería. Poética del orden de caballería. Madrid, 2009.
20. *Rodríguez Velasco J.* La urgente presencia de Las Siete Partidas // *La Corónica*. 2010 (38.2). P. 97–134.
21. *Turner V.* The ritual Process. Structure and Anti-Structure. New York: Cornell University Press, 1977.
22. *Van Gennep A.* The rites of passage. Londres: Routledge, 1960.
23. *Žižek Sl. (comp.)* Ideología. Un mapa de la cuestión. Buenos Aires, 2003.

Ключевые слова:

«Семь Партид», текстовое конструирование, политический конфликт.

Daniel Panateri

RITUAL IN THE SIETE PARTIDAS OF ALPHONSO X THE WISE

Las Siete Partidas was the most important secular legal code of the Middle Ages. One of its goals was to legislate on all possible and known topics. This aim can be explained in two ways. On the one hand, as a legal project to give to the rising Spain a legal compendium that would answer all possible questions regarding the preservation of order and peace through civil means. On the other hand, as an ambitious political project that intended to demarcate through royal discourse the areas of activity in which the rest of the world powers could operate.

Based on this second point, the author analyzes the regulation of the ritual dimension of the bishops' and, in parallel, the kings' initiation (P. I, IV, 12 and 13). Leaving aside the possibility of failure or success of this primitive legal code, this analysis provides a textual construction of Alphonsine policy.

 Даниэль Панатери

Научный сотрудник, Мультидисциплинарный институт истории
и гуманитарных наук, Университет Буэнос-Айреса
(Буэнос-Айрес, Аргентина)

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке